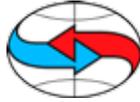

Интеграция российской диаспоры в политический процесс стран СНГ

**Институт диаспоры и интеграции
(Институт стран СНГ)**

Интеграция российской диаспоры в политический процесс стран СНГ

**Москва
2010**

ББК 66

УДК 323.2:323.113(=161.1)(47+57)

Авторский коллектив:

*Затулин К.Ф. (научный руководитель), Докучаева А.В.,
Егоров В.Г., Болтовский С.О., Кравчук О.Н., Полникова О.В.*

**Исследование осуществлено при финансовой поддержке
Департамента внешнеэкономических и международных связей
гор. Москвы**

**Интеграция российской диаспоры в политический процесс
стран СНГ. – Институт диаспоры и интеграции (Институт стран
СНГ). – М., 2010. – 200 с.**

ISBN 978-5-94293-021-9

Данная книга посвящена одной из важнейших проблем постсоветского мироустройства – интеграции российской диаспоры в политический процесс новых независимых государств.

Исследование содержит объективные характеристики факторов и условий, способствующих или препятствующих социально-политической адаптации наших соотечественников в современную, далеко не простую, реальность бывших республик СССР.

ISBN 978-5-94293-021-9

© Институт диаспоры и интеграции
(Институт стран СНГ), 2010
Перепечатка материалов (частичная
или полная) разрешается только
после согласования с Институтом
стран СНГ

Содержание

Предисловие.....	4
Глава I. Российская диаспора и постсоветский политический процесс. Теория вопроса.....	9
Понятие «российская диаспора»: теоретико-политологический анализ.....	9
Российская диаспора как фактор политического процесса стран СНГ.....	26
Государственная диаспоральная политика как фактор социально-политического поведения россиян в странах СНГ.....	56
Вывод.....	74
Глава II. Имманентность политического процесса стран СНГ интеграции с российской диаспорой.....	76
Объективные условия инкорпорации россиян в постсоветское политическое пространство.....	76
Субъективная обусловленность интеграции российской диаспоры в политический процесс ближнего зарубежья.....	94
Вывод.....	117
Глава III. Российская диаспора в политическом пространстве стран СНГ.....	119
Россияне и новые постсоветские социальные общности независимых государств.....	119
Участие российской диаспоры в политическом процессе стран СНГ.....	135
Консолидация российской диаспоры как фактор интеграции в политический процесс стран СНГ.....	146
Вывод.....	157
Заключение.....	159
Список литературы.....	165
Библиография.....	176
Примечания.....	179

Предисловие

Общественный феномен российской диаспоры органически связан с рождением нового постсоветского миропорядка и генезисом новой национальной общности – российский народ. И если становление социальной общности – российский народ обусловлено исключительно внутренними условиями развития страны, то плоскость функционирования диаспоры многомерно и определяется целым набором факторов, действующих как в пределах страны проживания наших соотечественников, так и за ее пределами. Существенную роль в институализации российской диаспоры играют процессы, происходящие на российской почве, и политика России в отношении соотечественников, оставшихся не по своей воле вне предела исторической Родины.

В силу включенности в различные системы отношений и тесной связи со многими явлениями общественной жизни российская диаспора находится в подвижном состоянии, и поэтому должна рассматриваться в процессе эволюции, меняющей ее социальный облик и направления развития. Вряд ли возможно статичное исследование этого феномена современной действительности. На каждом конкретном этапе своего развития российская диаспора, испытывая влияние комплекса факторов, претерпевает качественные изменения, что, в конечном итоге, определяет не только ее внутренние институциональные черты, но и способность к саморазвитию и самоорганизации.

Вышесказанное убеждает в необходимости постоянного мониторинга трансформаций, происходящих в российской диаспоре, по крайней мере, в настоящее время, когда она переживает стадию активного формирования.

Помимо академических целей, изучение генезиса российской диаспоры имеет прикладное, практическое значение. Исследование процессов, протекающих в недрах этой общности, важно с точки зрения уяснения основных тенденций жизненной стратегии наших соотечественников за рубежом, имеющее прямой выход на выработку внешнеполитического

курса Российской Федерации, диаспоральной политики нашего государства.

Мониторинг российской диаспоры позволяет представить реальную картину поведенческой парадигмы наших соотечественников в той или иной стране и оценить диаспоральный потенциал как средство политического влияния России в странах проживания россиян. И, наоборот, отсутствие ясности в этом вопросе может привести к приложению усилий в тупиковых направлениях. Например, вряд ли полезным может быть проведение публичных политических акций там, где наши соотечественники нуждаются исключительно в социальной и правовой защите, или инициирование политической активности россиян там, где главным делом их жизни стал переезд на Родину.

Изучение означенной научной проблемы поможет выявить пути конструирования системы взаимоотношений диаспоры с Россией, нацеленной на трансформацию последней в фактор продвижения российских национальных интересов.

Особенно важным представляется освещение диаспоральных процессов в СНГ, где они имеют свою специфику, так как собственно страны пребывания соотечественников проходят период своего становления, сопровождающийся набором деструктивных последствий. Кроме того, бывшие союзные республики являются сферой самых насущных национальных интересов России. Российская диаспора в ближнем зарубежье может стать серьезным позитивным фактором дальнейшей интеграции СНГ. Позиция России на постсоветском пространстве во многом зависит от того, насколько успешно российская диаспора сможет обрести статус нового субъекта политического процесса и составить конструктивную конкуренцию его традиционным акторам, прежде всего, государствам. Продвижение россиян на пути социально-политической адаптации в новых независимых государствах позволит не только укрепить политические позиции России, но и создать благоприятные условия для отстаивания интересов национального бизнеса в странах СНГ.

Актуальность избранной темы обусловлена, кроме всего прочего, выдвиганием диаспоральной политики в ряд национальных приоритетов России.

Длительное забвение в 1990-е годы проблемы соотечественников привело к необратимым последствиям, выразившимся в утрате активной жизненной позиции значительной части россиян стран СНГ.

Нынешний политический курс российского руководства направлен на преодоление прежних недостатков диаспоральной

политики. Российская диаспора призвана переместиться в ряд важнейших политических реалий одинаково актуальных как для формирования нового постсоветского миропорядка, так и решения внутренних проблем возрождающейся России.

Новая роль российских соотечественников в контексте российской политики обусловлена двумя обстоятельствами: во-первых, повышением значения диаспоры как социально-политической основы интеграционных процессов; во-вторых, возрастанием ее рейтинга в решении демографических проблем внутри Российской Федерации и, в-третьих, разворотом политики России в сторону реальных нужд человека, гражданина, в том числе и того, кто в силу исторических условий находится за пределами Родины.

Важность избранной темы объясняется в том числе необходимостью формирования в отечественной политологии ясного представления о новой социальной реалии – российской диаспоре и актуализации этого феномена в постсоветском политическом процессе.

Нельзя сказать, что в отечественном обществоведении отсутствуют публикации, посвященные проблемам российской диаспоры. Отдельный блок составляет литература, направленная на определение содержания понятия российской диаспоры¹.

Значительный круг авторов сосредоточили внимание на рассмотрении социально-политических функций диаспоры². Предметом специального исследования стало изучение диаспоры как фактора политического влияния, продвижения национальных интересов³.

В связи с актуализацией и применением в официальной лексике понятия «Русский мир» появились работы, раскрывающие сущность этого общественного феномена⁴.

Отдельную группу работ по проблеме составляют статьи и книги, посвященные российской диаспоре в ближнем зарубежье. Наиболее полно и глубоко эти сочинения раскрывают содержание и этапы развития российской диаспоральной политики. Вместе с тем, не все из этих работ имеют одинаковую ценность. В значительной их части отсутствует критический анализ пройденного пути в направлении повышения эффективности деятельности государства по поддержке соотечественников в странах СНГ⁵.

В круге исследовательских проблем современной политологии прочно вошла тема политики новых независимых государств в отношении российской диаспоры. Особую ценность

представляют книги и статьи, не входящие в число выполняющих политический заказ правящей администрации бывших союзных республик⁶.

Имеются попытки осмыслить динамику социально-политического положения наших соотечественников в странах СНГ⁷, черты и качества российской диаспоры, позволяющие говорить о ней как о факторе продвижения национальных интересов России в ближнем зарубежье⁸.

Работа написана на основе широкого круга источников.

К первой группе источников относятся официальные документы российского государства и стран пребывания наших соотечественников по интересующим нас вопросам. Задача сбора и систематизации материала, составляющего законодательно-правовую основу диаспоральной политики России, облегчалась наличием тематических справочников, выпущенных по заказу МИД РФ⁹. Государственные документы стран пребывания наших соотечественников были извлечены из официальных сайтов правительственных и законодательных органов.

В написании работы были использованы стенограммы конференций, проходивших с участием лидеров объединений россиян ближнего зарубежья¹⁰.

Основу для контент-анализа, предпринятого с целью определения объективной основы интеграции российской диаспоры в политический процесс, составили эмпирические данные, почерпнутые автором из периодических изданий ближнего зарубежья¹¹.

К группе источников периодической печати относятся российские издания, значительно пополнившие представление об официальной позиции руководства страны, планах и перспективах диаспоральной политики России, содержаниях полемики в среде политической элиты нашего государства по вопросам поддержки соотечественников за рубежом.

Ценным материалом для написания данного сочинения явились сборники фактического материала, отражающие положение россиян в ближнем зарубежье. Информационная ценность этих изданий возрастала в связи с возможностью сопоставить содержание сборников, составленных независимыми экспертами¹² и официальными инстанциями¹³.

Основную источниковую базу книги составили данные социологических исследований. Авторы сосредоточили свое внимание, прежде всего, на анализе сопоставимых материалов как опубликованных¹⁴, так и хранящихся в текущих архивах Института стран СНГ¹⁵.

Авторами широко использованы неопубликованные результаты исследования, проведенного как дополнение к мониторингу Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников.

ГЛАВА I

Российская диаспора и постсоветский политический процесс. Теория вопроса

Понятие «российская диаспора»: теоретико-политологический анализ

Несмотря на то, что с момента актуализации проблемы российской диаспоры и диаспоральной политики России, пик которой пришелся на вторую половину 90-х гг. прошлого столетия, отечественным экспертным сообществом, политологами, обществоведами пройден значительный путь, результируемый солидным багажом научных работ и полемики, современное состояние вопроса, как в академическом, так и в практическом контексте, далеко от завершенности.

Отсутствие ясности на этом важном участке гуманитарного знания обуславливает не только наличие серьезного пробела в научном представлении о современном обществе, но и дает дополнительный карт-бланш всякого рода спекулянтам от политики, всем тем, кто хотел бы «погреть руки» у костра нерешенных проблем постсоветского общежития. Автор далек от мысли, что ему удастся в небольшом сочинении окончательно расставить все точки над «i». Однако очередная попытка анализа точек зрения, позиций в этой теме, думается, поможет определить тупиковые и перспективные направления ее разработки.

Понятие «российская диаспора» тесно связано с другой научной, и даже цивилизационной, проблемой, выходящей на общий историко-культурный пласт национальной идеи. Речь идет, по сути, о формировании основания российского социума, важнейшей составляющей которого является верный ориентир в определении содержания фундаментальной дефиниции – «русский народ». Этот общественный феномен представляет собой необходимый гносеологический посыл в исследовании его диаспоральных производных.

Мировоззренческий вопрос социальных характеристик, качественных черт и содержания понятия «российский народ» далеко не только предмет научных дискуссий, но, прежде всего, инструмент политического противоборства. Поэтому спектр имеющихся на него ответов настолько широк, насколько широка палитра современных взглядов российского политического истеблишмента. Например, вполне предсказуемо выглядит позиция евроцентристов и «ультралибералов», которые вслед за своими западными учителями утверждают, «если нет демократии и гражданского общества, а есть подданные в путинской России, то нет и российской нации»¹⁶.

Общая логика политического развития страны в начале 90-х гг. прошлого столетия в сторону «местечковых суверенитетов» дала благодатную почву для представления о российском народе как конгломерате этносов, входящих в состав государства, исключаящее главное содержание «российскости», или, другими словами, то, что позволяет идентифицировать эту историческую общность¹⁷.

Вместе с тем, опрос коренного населения Узбекистана, проведенный в 2008 г., показал, что более трети опрошенных ощущают свою сопричастность с российской историей, культурой и общими с россиянами ценностями¹⁸. И это при том, что история российско-узбекских отношений имеет не только позитивные прецеденты, а Узбекистан развивается как суверенный субъект международного права уже в течение почти двух десятилетий. Надо ли после этого доказывать наличие российской социокультурной идентичности у народов в ныне объединяемых нашим государством?

Созвучна с идеями этнонационализма и точка зрения сторонников «доминирования» титульной русской нации¹⁹. Новый интеграционный дискурс, по их мнению, должен состояться через «восстановление Русского мира, способного впитать, включить в себя много разных этносов и групп, но не с самоограничительным формованием». Кстати заметить, с высказанными идеями солидаризирует во всех публичных выступлениях лидер ЛДПР В.В. Жириновский.

На необходимость учета постсоветской реальности с новым «монациональным» статусом России и «этнизацией сознания русских» указывает профессор МГУ А.С. Барсенков. Из логики его рассуждений прямо следует вывод о том, что в этих условиях рассчитывать, что «русские удовлетворятся лишь “российской идентичностью” не приходится. Игнорирование этого обстоятельства ведет к тому, что объективно возникающие в этой

сфере противоречия неизбежно разрешаются через конфликты, неконтролируемые и порой весьма острые»²⁰.

На наш взгляд, противоречия, подмеченные А.С. Барсенковым, между ростом этнического самосознания русских и формированием российской постсоветской идентичности в реальности не существует. Напротив, став титульной нацией, имеющей безусловное количественное большинство, русские как никогда должны быть заинтересованы в выработке единых социокультурных норм общежития на основе многовековых традиций. Попытка научного обоснования этнических границ, игнорирующих объективные процессы интеграции, является малопродуктивной. Другое дело, также несостоятельно выглядит попытка завышения уровня процесса генерации российской идентичности, находящейся, как и все общество, в процессе становления своих институциональных черт.

Как раз в возрождении русского национализма и проявлении великодержавности видит главную угрозу «российской идентичности» бывший партийный функционер, а ныне дипломат и философ Р.Г. Абдулатипов. По мнению Р.Г. Абдулатипова, только строгое следование принципам интернационализма могло спасти СССР от развала и должно стабилизировать современное положение Российской Федерации²¹.

Забыть о нации и расчистить пространство для признания «российской гражданственности» призывает бывший министр по национальной политике, а ныне глава профильного академического института В.А. Тишков²².

Еще в середине 1990-х гг. он сформулировал положение об устройстве России. «Россия – это национальное государство россиян, – писал он, – в состав которых входят представители всех этнических групп: русские, якуты, татары, чукчи, корейцы, украинцы и многие другие, кто проживает на ее территории и обладает гражданством»²³.

Таким образом, понимая российский народ как «историческое целое» и как «гражданскую нацию»²⁴, исследователь выделяет следующие признаки российской диаспоры: отсутствие этнической актуальности; «единство на основе главной культурной отличительной черты – русского языка»; социокультурная идентичность, необходимым условием генерации которой является наличие «интеллектуалов как производителей субъектных представлений» и гуманитарно-политическая связь с Россией²⁵.

Исходные моменты научной концепции дают основание автору считать тождественными термины «Русский мир»

и «российская диаспора», объединяемых единым культурным фундаментом с русской культурной доминантой и, наоборот, отличать понятия «российских соотечественников».

Согласно федеральному закону о государственной поддержке соотечественников и программе содействия добровольному переселению соотечественников в Россию к первым, по формальному признаку, можно отнести даже тех, кто давно утратил или никогда не имел культурной сопричастности со страной традиционного проживания этноса (например, венгерских русин или косовских адыгов)²⁶.

Российская идентичность далеко не плод академических изысканий. На объективные основания общности «советский народ», ставшей ее фундаментом, указывает один из крупных исследователей отечественной национальной политики А.И. Вдовин²⁷.

Данные исследования ВЦИОМ, проведенного в августе 2007 г., также говорят о серьезных подвижках в социальной интеграции России. Для 60% тех, кто называет себя русскими патриотами, патриотизм – это, в первую очередь, «возрождение России как великой державы», и только для 35%, – в первую очередь, защита прав и интересов русских как в самой России, так и за ее пределами. «Гражданами России» предпочитают себя называть 55% россиян, представителями своей национальности – 38%, в том числе «русскими» – 34%; представителями других национальностей – 3%. «Русская идентичность не только не растет, а, напротив, в некоторой степени уступает свое место общегражданской российской идентичности, которая продолжает укрепляться по мере укрепления российской государственности и ее престижа при нынешних властях²⁸.

Основной упор В.А. Тишкова на «российскости», имеющей общегражданские корни, вполне понятен.

Широкое использование недавно вышедших в правое поле и официальную лексику терминов «российские соотечественники» и «Русский мир» требует специально остановиться на трактовке этих понятий.

Актуализация первого связана с тем, что российский диаспоральный процесс, несмотря на богатый исторический путь материнского государства, находится в зачаточном состоянии, а в ближнем зарубежье дополнительно ко всему испытывает трудности, связанные с несовершенством социальных систем. В связи с этим возникает вполне обоснованное противоречие между благими устремлениями принять в лоно формирующейся российской государственности всех тех, кто является

или может потенциально стать субъектом диаспоризации и реальностью российской идентификации. Попытка концептуализации, пока не определенной в своих качественных чертах общности россиян за рубежом, приводит к появлению аморфных в правовом и академическом смысле дефиниций. О несовершенстве и ущербности для правового поля понятия «соотечественник» говорят непрекращающиеся дискуссии о его трактовке и правоприменении.

Например, в своем выступлении на Всемирной конференции соотечественников 31 октября 2008 г. директор Института стран СНГ К.Ф. Затулин предложил внести изменение в содержание трактуемого федеральным законом 1999 г. этого понятия. По мнению К.Ф. Затулина, российскими соотечественниками должны быть признаны люди, «которые живут за пределами Российской Федерации, сделали свободный и добровольный выбор в пользу признания своей культурной и духовной связи с нею, и принадлежат по своему происхождению, как правило, к национальностям, исторически проживающим на территории России»²⁹.

Функциональное поле дефиниции «соотечественник» достаточно рельефно следует из данного определения и становится еще более очевидным, исходя из предложенного К.Ф. Затулиным варианта, ее практического применения: зафиксировать в этом качестве всех, кто подает Декларацию, подтверждающую наличие родственных связей с Россией, или рекомендацию Координационных советов соотечественников. Одним словом, академический и практический смысл дефиниция «соотечественник» имеет только в контексте учета состояния и потенциала развития российской диаспоральной базы или, если позволить эвфемизм – «диаспорального материала».

Еще более высокий уровень абстрагирования от экзистенциальной практики предполагает другой часто употребляемый термин – «Русский мир». Его рождение и политическое звучание подкреплено официальной декларацией и организацией одноименного фонда «Русский мир».

Логично, что в рамках своего умозаключения о российском народе В.А. Тишков склонен видеть в понятии «Русский мир» ту историческую общность, которая традиционно описывается концепцией «диаспоры». Однако, как показала практика, к кругу, очерченному «Русским миром», относят себя далеко не только представители российской диаспоры или соотечественников, но все приверженцы и почитатели русской истории, культуры и традиций, например, ректор Университета иност-

ранных языков из индийского Хайдарабада Абхай Морье, казахский поэт Олжас Сулейменов, президент Информационной корпорации и США Пол Ричардсон, итальянский публицист и писатель Г. Стюарт и т.д.

Наверное, было бы опрометчивым отказывать им в этой самоидентификации.

Таким образом, введение в научный и политический оборот термина «Русский мир», прежде всего, целесообразно для продвижения положительного имиджа и международного авторитета России и привлечения к ее цивилизаторской миссии максимально широкого круга сторонников.

В научном плане вполне продуктивной выглядит концепция «Русский мир» как «культурно-цивилизационное образование, к которому относится почти треть миллиарда человек, проживающих на разных континентах», активно продвигаемая исполнительным директором фонда «Русский мир» В.А. Никоновым³⁰.

Некоторыми нюансами отличается концепция российской диаспоры, предложенная Т.В. Полосковой. Полагая этнический признак основным в определении этой диаспоральной общности, тем не менее, смысл, вкладываемый Т.В. Полосковой в ее содержание, практически не отличается от качества культурной идентичности, обосновываемого В.А. Тишковым.

«В качестве ключевого признака диспоральности можно выделить сохранение этнического самоназвания, – пишет она, – являющееся в форме этнонима. Причем это самоназвание, являясь знаковым закреплением этничности, также может не совпадать с объективными этническими характеристиками группы. По нашим данным, $\frac{2}{3}$ представителей российской диаспоры Аргентины – украинцы, белорусы, поляки, считающие себя выходцами с территории бывшей Российской империи, а значит, – русскими. Часть представителей русских общин за рубежом составляют народы, проживающие в России, не имеющие своих титульных государств, самоидентифицирующие себя как “русские”, но по объективным этнохарактеристикам, таковыми не являющиеся (татары, финно-угорские народы и т.п.). Данное обстоятельство заставило ряд исследователей отказаться от термина “русская”, использовать термин “российская диаспора”, как более точно характеризующий суть явления. Мы считаем понятие “российская диаспора” более корректным»³¹.

Вслед за Т.В. Полосковой и В.А. Тишковым призыв отказаться от «биологизаторского» смысла понятия этничности

и обратиться к его социокультурному содержанию все настойчивее пробивает себе дорогу в трудах политологов, социологов и этнографов³².

Вместе с тем вызывает сомнение утверждение Т.В. Полосковой о том, что «этническая идентичность вытесняет системообразующий фактор – общий язык». Применительно к русскому языку следует признать, что таковой является действительно системообразующим фактором и средством именно российской идентичности³³.

Наиболее продуктивной, на наш взгляд, концепцией российского национального устройства и вытекающей из нее позиции относительно определения содержания понятия российской диаспоры является точка зрения А.И. Вдовина и В.А. Корецкого.

«Российская идея не противоречит и не предполагает угрозы русской идее, – пишут авторы, – а российская нация – русскому и другим народам России... Русская идея сегодня – это не только осознание русскими людьми своей идентичности и общего пути, но также обязанность строить гуманное и справедливое общество. Аналогичная идея есть (должна быть) у каждого из российских народов»³⁴.

Объединяющим, интегрирующим началом и источником российской идентичности исследователи считают универсальную систему ценностей, генерируемую русским народом.

«Это то, что полагается существенным и важным не только для своего народа, но и для всех. Интеграционной русская идея может стать, если будет приемлемой для всех российских народов. Ее смысл – в осознании необходимости отыскания народами России новой формулы Российской государственности, способов совместного преодоления кризисов, выживания, взаимообогащения, достойного сосуществования в единой государственной общности. Иначе говоря, российская идея есть осознание российской идентичности во имя благополучия и процветания российской нации как согражданства»³⁵.

К упомянутым характеристикам диаспоры вообще и «русской» диаспоры в частности, А. Назаров добавляет наличие «организационных форм функционирования»; «психологического стержня, будь то национальная идея, историческая память, религиозные убеждения и все другое, что позволяет сохранить этническую общность, не дает раствориться в иноэтнической среде» и «способности к самоорганизации»³⁶.

Обобщая вышесказанное, можно попытаться в первом приближении сформулировать понятие «российская диаспора»

как формирующейся социокультурной общности на основе российской идентичности, основанной на системе ценностей, генерированных историей, культурой и традициями русского народа.

В своем определении мы не случайно подчеркнули динамизм феномена российской диаспоры. Ее подвижное состояние обусловлено уже тем, что само материнское государство и его институты находятся в стадии становления так же, как и оплодотворяющая этот процесс «русская идея», имеющая глубокие корни, вынужденная возрождаться после многих лет забвения.

В связи с вышесказанным заметим, что важные характеристики «русской диаспоры» как общественного феномена прямо вытекают из его мобильного состояния. При этом направления диаспоральной эволюции обусловлены как факторами социально-политической среды страны «исхода», так и страны «пребывания». По понятным причинам, отделенные идеологическим занавесом или классовыми убеждениями в советский период наши соотечественники за рубежом не могли ощущать себя в полном смысле диаспорой материнского государства и советского народа. В деструктивном направлении в процессе диаспоральной интеграции действуют социально-политические факторы, обуславливающие раскол современного русского общества. Например, политическая нестабильность России в 1990-е годы явилась причиной активизации антирусских настроений в среде русскоязычного населения новых независимых государств. На предложение определить свою национальную принадлежность в ходе опроса русскоязычных граждан, организованного Северо-Казахстанским отделением «Лад» в 1996 году, 27% анкетированных, оставив незаполненными графы с указанием конкретных национальностей и графу «россиянин», вписали в графу «и другие» – «советский»³⁷.

Также негативно сказалось на развитии диаспоральных общностей в дальнем зарубежье формирование коммунистического большинства в Государственной Думе России, с точки зрения возврата в лоно российской диаспоры потомков, эмигрировавших из страны в годы революции аристократических фамилий. Оценивая состояние современного русского общества, логично предположить, что процессы формирования «русской диаспоры» еще длительный исторический период будут далеки от завершенности.

Процесс формирования российской диаспоры в странах СНГ имеет свою специфику. Во-первых, ее генерация происходит

на фоне рождения «новых молодых» наций, сопровождаемого проявлениями крайнего этнонационализма. Не говоря о центрально-азиатских республиках, примеров тому достаточно даже в новейшей истории Украины с родственными, историческими корнями и этнической принадлежностью, населением. Во-вторых, переходный период социально-экономического строя бывших союзных республик обуславливает большую дистанцию в адаптационном потенциале различных групп «диаспорального материала».

Неоднородность российской диаспоры в странах СНГ позволила Н.В. Калининой сделать вывод о том, что «по социальному статусу российскую диаспору в странах СНГ сегодня условно можно разделить на три большие группы»³⁸. И хотя, на самом деле, социальная структура российской диаспоры значительно сложнее, принятая Н.В. Калининой генерация отражает основные страты русскоязычного населения³⁹.

«К первой, самой многочисленной, – по мнению автора, – следует отнести представителей социально уязвимых слоев населения (одинокое пенсионеры, многодетные и неполные семьи, инвалиды и т.д.).

Ко второй можно отнести людей, тесно связанных с государствами нынешнего проживания (состоящие в смешанных браках, имеющие постоянные источники дохода).

Третью, весьма немногочисленную категорию составляют лица, принадлежащие к числу политического истеблишмента или интеллектуальной элиты своих стран, занимающие прочные позиции в сфере бизнеса (государственные чиновники высокого ранга, политики, руководители крупных хозяйствующих субъектов, видные деятели науки и культуры и т.д.). Но число таких людей крайне невелико, как правило, они сознательно дистанцируются от России (занимающие высокие государственные посты порой проводят даже более жесткую антироссийскую линию, чем представители титульной нации), дабы не быть обвиненными в нелояльности к государствам гражданства»⁴⁰.

Существенно дополняют структурную картину российской диаспоры в странах СНГ набор факторов ее определяемых, предложенный автором монографии «Российская диаспора и права человека» А.А. Пронин.

1. Первый фактор, в его представлении, это «укорененность этнической группы». Из всех групп российской диаспоры наиболее глубокой укорененностью отличаются жители северного и восточного Казахстана, а также восточной и южной Украины.

Наименее укоренены русские в Средней Азии, где они всегда были городскими жителями.

2. Вторую категорию факторов автор связывает со статусом россиян в новых национальных государствах, т.е. наделением или обделением их политическими, социально-экономическими и культурными правами.

3. Третья группа факторов – повседневное самочувствие русских и русскоязычных жителей новых независимых государств, определяемое наличием или отсутствием бытовой враждебности к ним со стороны коренного населения.

4. Четвертая группа факторов, обуславливающих ту или иную реакцию российских меньшинств на местный национализм, связана с теми социально-экономическими преимуществами, которые могут превышать издержки культурно-психологического характера и побуждать русских оставаться в новых независимых государствах, несмотря на антироссийские настроения и националистическое законодательство в вопросах языка и гражданства. Вероятность таких преимуществ особенно высока в странах Балтии, которые обладают лучшими, чем в России, перспективами экономической интеграции в Европу.

5. Пятая категория факторов касается российской государственной политики в отношении соотечественников за рубежом. Речь идет как о внешнеполитических шагах, так и о внутренней политике по отношению к беженцам и вынужденным переселенцам.

6. В свете всех этих соображений очевидно, что иммиграция в Россию представляет собой лишь один из возможных типов поведения российской диаспоры как реакции на национализм в новых независимых государствах. Вероятны и другие модели: ассимиляция или хотя бы усвоение культурных норм основного населения (аккультурация), либо же коллективная мобилизация с различными требованиями гражданского равноправия, особых языково-культурных прав территориальной автономии и т.п.⁴¹

Указанные обстоятельства, помимо всего прочего, определяют значительную вариативность сценариев социально-политического поведения русскоязычного населения, а, следовательно, и позиции в диаспоральной интеграции. Поведенческий спектр российских соотечественников в странах СНГ соответственно выглядит следующим образом: ригористическое противостояние титульному национализму; желание мигрировать на историческую Родину; спокойное отношение к ассимиляции

и превращению в материал построения постсоветской нации с доминантой коренного населения; позиция за активное проявление российской субъектности в стране проживания.

Понятно, что при таком разбросе в жизненных ориентирах наших соотечественников, говорить о возможности увидеть в ближайшее время сплоченную и организованную российскую диаспору в странах СНГ не приходится.

В свете вышесказанного, определение российской диаспоры как формирующегося организма, данное И. Ивановым, представляется достаточно убедительным.

«Российская диаспора, – пишет он, – рассматривается не просто как часть народа, проживающая за пределами современной России, имеющая с ней общие духовные, культурные и исторические корни и стремящаяся к поддержанию разнообразных контактов с исторической Родиной, но как транснациональная сеть, находящаяся в стадии становления, пока не содержащая социокультурный, общественно-политический и экономический потенциал.

Особенностями российской диаспоры является ее полиэтничность, поликонфессиональность, поликультурность, страновая специфика путей, форм и причин формирования. Значительная часть ее представлена носителями русской культуры, языка, традиций, которые себя идентифицируют с русскими и с Россией, но таковыми не являются по этническим признакам. Как следствие, возник еще один термин – «русскоязычная диаспора», ее основной признак – лингвистический.

Внутри одной общности эксперты выделяют разные социальные слои, что говорит о диаспоре не как о корпоративной структуре, а как о союзе корпораций. Выживают те, кому удастся соединить интересы различных социальных групп в нее входящих. Институционализированность – основной признак подобных сетей. Сплачивающим механизмом здесь является создание таких организаций, деятельность которых направлена на сохранение и развитие этнической идентичности, «эффективную социализацию»⁴².

Социально-политическая гетерогенность российской диаспоры в странах СНГ неизбежно порождает множественность ее организационных форм с несовпадающими целевыми мотивациями и установками. Такое положение дел порождает бесплодные попытки идеологического объединения диаспоральных структур «сверху». Так, в августе 2007 г. в Алматы состоялась страновая конференция, в которой приняли участие более тридцати общественных организаций, представлявших

русские, славянские, казачьи общества, а также традиционных российских этносов (чеченцев, ингушей, татар, башкир и др.)⁴³. В ноябре того же года в Киргизии прошла конференция российских соотечественников, объединявшая представителей российской диаспоры из всех пяти стран Центральной Азии⁴⁴. Этот же год был ознаменован созданием в Киеве Объединения организаций соотечественников «Русское содружество», соединившего около сорока общественных организаций Украины, а ялтинская Всеукраинская конференция русских организаций учредила Всеукраинский совет российских соотечественников (ВСРС)⁴⁵.

Однако общая эффективность «объединительного проекта» в странах СНГ пока невелика. Вот как оценивает состояние дел в этой связи руководителю казахстанского Общества «Светоч» А. Лобанов: «Организаций российских соотечественников в Казахстане не просто много, а безумно много. Но наличие такого огромного числа продиктовано не их востребованностью, а, скорее, личной активностью и амбициозностью руководителей, что в определенном плане неплохо, и свидетельствует о том, что в среде диаспоры существуют креативный потенциал и энергия. Тем не менее, практика показывает, что диаспора в Казахстане неспособна самостоятельно консолидироваться и представлять собой нечто целостное организационно и идеологически. Безусловно, консолидация возможна только при поддержке России. И здесь многое зависит от политики России в нашем регионе»⁴⁶.

Высказывание А. Лобанова относительно главной роли российского государства в консолидации российской диаспоры в ближнем зарубежье отражает типичную точку зрения руководителей общественных объединений. Однако, на наш взгляд, формирование российской диаспоры процесс объективный настолько, насколько объективный процесс перехода общества в стабильное состояние. История имеет немало примеров, когда диаспоры формировались даже в условиях отсутствия какой-либо поддержки материнского государства.

Явление нестабильности, структурной и идеологической неоднородности формирующейся российской диаспоры нашло свое отражение в научных трудах. В одном случае она нашла свое воплощение в «сетевом проекте организации диаспоры». «Может быть, – пишет Ю. Громыко, – наиболее важной и принципиальной задачей в настоящий момент является разработка и создание проекта сетевой организации диаспоры. Но речь не идет о формировании сети диаспоральных официальных

учреждений. Это приведет к преждевременной бюрократической саркомизации еще не сложившегося организма русской диаспоры. Под сетью понимается культурно-информационное культурно-социопроектное объединение нескольких диаспоральных очагов русских общин. Сеть должна стать кровеносной системой, под которой будут циркулировать различные жизнестроительные для диаспорального мира вещества»⁴⁷.

В другом случае отсутствие выраженных признаков, совпадающих с классическим определением диаспоры, дает основание исследователям отказывать российским соотечественникам в странах СНГ в диаспоральной конституционализации. «Положение российских соотечественников в республиках бывшего СССР не может быть описано с помощью концепции диаспоры, – пишет А.А. Князев. – Нельзя определять как диаспору любую группу лиц определенной этнической (и/или конфессиональной) принадлежности, если у них нет функционально выраженного внутреннего стимула, потребности к самосохранению, что, в свою очередь, предполагает соответствующие организационные формы реализации этой потребности. Нельзя назвать диаспорой или принадлежащей к диаспоре некую дисперсную группу эмигрантов, проживающих в зарубежной стране. Диаспора качественно отличается от дисперсной эмиграции наличием организационных форм своего функционирования и развития, от занятых бытовыми проблемами землячеств до общественных, национально-культурных и политических движений и политических партий. Привлекательность диаспоры для эмигранта во многом определяется тем, что диаспора берет на себя функцию социальной поддержки и при необходимости защиты конкретных эмигрантов, помогая им интегрироваться в новую социальную среду. В понимании автора, диаспора, помимо соответствия названным выше критериям, – это еще и община, проживающая на территории, исторически не принадлежащей народу, частью которого она является. К территории бывшего Советского Союза это не относится»⁴⁸.

Солидарной с А.А. Князевым позиции придерживается С.Ю. Пантелеев. По этому поводу он пишет: «Русские в постсоветских республиках не готовы были стать диаспорой. Да и сам диаспоральный подход к данной проблеме представляется, по крайней мере, дискуссионным»⁴⁹.

Отказ в концептуализации российской диаспоры в ближнем зарубежье этими отечественными исследователями направлен в сторону положительного разрешения политической и академической проблемы. Ее полноценное диаспоральное содержа-

ние авторы связывают с нарастающим потенциалом самоидентификации русскоязычного населения СНГ и диаспоральной политики России. Например, А.А. Князев даже указывает те социально-политические силы, которые могли бы воплотить «диаспоральный проект».

«Выживет и станет полноценной та общность, – пишет он, – которой удастся соединить интересы различных социальных групп, в нее входящих. Прежде всего, как наиболее важные в качестве идентификационных, – это интересы тех, кто является хранителем этнокультурного наследия. Это, без сомнения, остатки интеллигенции. Во-вторых, это те, кто обеспечивает экономическую основу выживания общины, включая и создание рабочих мест для соотечественников. И, в-третьих, это те, кто создает общественно-политические условия для сохранения этнической общины. Это могут быть партийные группы, депутаты в местных представительных органах и так далее»⁵⁰.

Совсем иную тональность имеют суждения некоторых западных обществоведов. Введение в научный оборот самого понятия «российская диаспора» они связывают исключительно с желанием России «отодвинуть свои административные границы», «политически утвердиться в постсоветском миропорядке». Вот, что пишут по этому поводу представители западной науки Х. Пилкингтон и М. Флинн: «Запущенная “сверху” “диаспоризация” привела к тому, что термином “диаспора” стали активно оперировать в политическом и публичном дискурсе, причем без предварительной четкой его спецификации, в чрезвычайно широком значении, охватывающем все и вся»⁵¹.

Одним словом, эта точка зрения сводится к выводу о том, что проблема российской диаспоры в странах СНГ инспирирована политическими амбициями России и не имеет под собой ни практического, ни академического основания.

Проблема структурности «диаспорального материала» и отличий адаптационного потенциала не новая. В 1990-е гг. достаточно широкое признание получила концепция аккультурации Дж. Берри⁵², которая выделяла четыре типа адаптационной психологии различных групп национальных меньшинств – ассимиляции, сепарации, маргинализации и интеграции. Для достижения интеграции, помимо социального консенсуса внутри диаспоры, требуется взаимное приспособление, включающее в себя принятие всеми этническими группами права жить как культурно различные народы, что требует от недоминантной группы адаптации к основным ценностям доминирующего общества. Доминирующая же группа должна быть готова

адаптировать свои социальные институты к потребностям всех этнических групп мультикультурного общества⁵³.

Однако такое понимание интеграции отсутствует даже в академических кругах, не говоря о политическом истеблишменте.

Примером околонучных рассуждений на этот счет может служить статья Микола Рябчука, являющаяся переводом доклада в Гумбольтовском университете в июне 2001 года⁵⁴.

Несмотря на утвердившееся в политологической науке мнение о недопустимости при определении русской и российской идентичности⁵⁵ «искусственного разрыва исторического пространства и попытки начинать историю с 1917 или 1991 года», М. Рябчук считает «советскость» главным критерием структурирования русскоязычного населения Украины. Утверждая этот принцип, он пишет, что «в постсоветских государствах, скорее, русскоязычных с советским менталитетом, чем этнических русских, следует считать единой социальной (культурной) общностью»⁵⁶.

Будучи «последовательным патриотом Украины», М. Рябчук видит опасность «нерешительных» мер по украинизации страны в генерации на основе «переходной группы» русскоязычных украинцев «собственной идентичности “креольского типа”, отличную от чисто украинской, и от “советской” – например, украинскую в политическом и гражданском смысле, но русскую в “культурном”»⁵⁷.

М. Рябчук также исключает возможность национального развития Украины по пути формирования гражданской идентичности на том основании, что такой сценарий как альтернатива «украинизации» не имеет культурного фундамента, «мощной духовной идеи»⁵⁸.

Ригоризм «украинскости» неизбежно рождает ригоризм наоборот. В пределах академического пространства (не говоря о политических перепалках) все чаще появляются определения украинской идентичности как симулякра, который «кроме шаровар, взятых у народов Востока, – чаще сводится к набору фальсификаций в области фольклористики (по признанию Н. Костомарова, – сочинение украинофилами XIX века “народных” песен, сказок и преданий), истории (Грушевский и другие, менее заметные фантазеры), и рефлексий на темы “национально-освободительной” мазеповской, петлюровской, бандеровской эпопеи...»

«Убогость этих “традиций”, – говорят сторонники этой позиции, – прекрасно осознается самими сведомыми украин-

цами, для чего и компенсируется ими сегодня на уровне развития мифов – политических и исторических. Но, к сожалению, усиленные наличием государственного аппарата, сегодня мифы превращаются в основу украинского государственного патриотизма, в основу реальной жизни украинства»⁵⁹.

В интеграции через ассимиляцию видят путь национально-го устройства постсоветского Казахстана идеологи казахской «великодержавности». Азимбай Гали, один из его вдохновителей, пишет: «То, что в Прибалтике делают жестко, в Закавказье грубо, в Казахстане должно быть сделано мягко, со свойственной казахам комплиментарностью. И это происходить должно во всех сферах – доминирование вещь принципиальная»⁶⁰.

По мнению Азимбай Гали, сценарий межнациональных отношений должна определять казахстанская элита, и тот, кто не будет ему следовать, обречен покинуть страну.

Помимо уже указанных особенностей, еще одна характеристика, присущая исключительно российской диаспоре ближнего зарубежья, вытекает из условий ее формирования. Большинство исследователей отмечают, что в ситуации с русскоязычным населением СНГ классическая миграционная схема не применима. Здесь мы имеем дело с нечасто встречающейся в мировой истории практикой, когда не соотечественники покинули Родину, а Родина покинула их. В связи с отличиями условий укоренения наших соотечественников в дальнем и ближнем зарубежье, Роджерс Брубейкер предлагает ввести в научный оборот два понятия – «movement of peoples across borders» и «movements of borders across peoples» («движение народов через границы» и «движение границ сквозь народы»)⁶¹.

Поэтому большинство оставшихся за пределами материнского государства воспринимают место проживания как «свою землю». Это обстоятельство налагает определенный отпечаток на рефлексивные свойства диаспоры, ее структуру, систему организации и т.д., и в этом смысле качественно отличает от диаспоры дальнего зарубежья. Если «русские эмигранты ориентированы на интеграцию в национальные сообщества новых стран проживания, и лишь на определенные формы сохранения связей с Россией и русской культурой»⁶², то русскоязычное население в бывших союзных республиках волнует, прежде всего, проблема сохранения «малой Родины» и своего социокультурного статуса на ее пространстве.

В связи с этим отдельные ученые и политики призывают ввести в научный оборот и официальный лексикон понятие «Русская земля» как «свойство русской идентичности, ухо-

дящее своими корнями в глубокую древность» и имеющее принципиальное значение для русской православной церкви, «являясь обозначением ее традиционной канонической территории». При этом сторонники такого взгляда на проблему «российской диаспоры» предостерегают от попыток воспринимать их позицию как посягательство на территориальную целостность новых независимых государств.

«Россия представляет интересы “многонационального российского народа” и имеет свою “Российскую землю”, официальную российскую территорию. В этом плане введение понятия “Русская земля” никак не должно ассоциироваться с территориальными претензиями Российского государства. Многонациональная Россия вполне может признавать наличие зарубежных территорий традиционного проживания одного из народов, населяющих Россию», – пишет О.В. Неменский⁶³.

Свою точку зрения сторонники автора считают состоятельной не только по существу, но и в связи с тем, что уже имеется такой прецедент в опыте стран СНГ. Так, например, в учебниках и картах, имеющих официальное хождение на Украине, обозначена «этническая территория украинцев», включающая земли соседних государств Словакии, Польши, Белоруссии, России (включая районы Дальнего Востока).

Позиция сторонников введения в политическую и научную лексику термина «Русская земля» имеет основание в связи с наличием пространственной характеристики диаспоры. Совершенно определенно на этот счет высказался В.Д. Попков. По его мнению, «пространство диаспоры населено не только теми, кто мигрировал, и их потомками, но равным образом и теми, кто остался в стране “исхода”». Возникновение и укрепление двойной идентичности способствует расширению диаспорального пространства «на основе постоянно расширяющейся области, организованной негосударственной и неконтролируемой сети взаимодействия и обмена между различными группами людей, которые образуют устойчивые связи, минуя границы и институты»⁶⁴.

Подведем некоторые итоги сказанному.

Российская диаспора остается предметом научных исследований и нескончаемых дискуссий. Несмотря на то, что в направлении изучения этой общности пройден достаточно сложный путь, имеющий свои достижения и результаты, остается неясным и потенциально полемическим большое количество вопросов: механизма консолидации диаспоры, институциональных качеств коммуникативных, трансграничных и внут-

ридиаспоральных свойств и т.д. Отсутствие устоявшейся точки зрения на эту проблему не является следствием обнаружения исследователями непознаваемого феномена или его существования исключительно в научных абстракциях.

Такое положение дел обусловлено рядом объективных и субъективных обстоятельств. К субъективным следует отнести присутствие диаспоральной проблематики не только в академическом, но, прежде всего, в политическом пространстве, включенность в общий дискурс национальной и международной политики России. Объективной доминантой, определяющей процесс научного освоения темы, является динамичное состояние самого предмета исследования, которое, в свою очередь, опосредовано процессами, происходящими как в материнском государстве, так и в «принимающих» странах.

Формирование в общественном сознании представления о российской диаспоре будет происходить по мере проявления во многом феноменальных институциональных черт, скольконибудь полная картина которых, особенно в странах СНГ, сложится не скоро. Однако «непознанность» этого общественного феномена – не повод разделять точку зрения скептиков о том, что проблема не заслуживает внимания по причине отсутствия у России когда-либо прочной диаспоры и невозможности складывания таковой в перспективе. Пришло время «собирать камни».

Российская диаспора как фактор политического процесса стран СНГ

В большей степени, чем сама общность, подвижно и разнообразно в проявлениях присутствие российской диаспоры в политическом процессе новых независимых государств.

Для половины стран СНГ проблема участия российской диаспоры в политическом процессе вообще не существует или существует в плане анализа постсоветского исторического опыта. Так, например, российская или, точнее, русская диаспора в Азербайджане к моменту распада СССР была самая многочисленная в Закавказье и ее удельный вес в общем составе населения достигал 7%. Влияние и социально-политический статус превышали абсолютную численность (392 тыс. чел.) русской общины в республике в связи с тем обстоятельством, что основная масса русских сосредотачивалась в столице и промышленных центрах и, как правило, была занята на ру-

ководящих административных, хозяйственных должностях, в науке, здравоохранении и культуре⁶⁵. За десятилетие суверенного развития Азербайджана численность русских в стране сократилась более чем в два раза. В настоящее время количество русских в Азербайджане уменьшилось до мизерного значения – 30–50 тыс. чел.⁶⁷, но, главное, изменились качественные характеристики российской диаспоры.

Можно смело утверждать, что в составе трудоспособного населения русских преобладают те, кто уже утратил или потенциально готов утратить российскую идентичность. Среди русских число мужчин составляет всего 37%, тогда как женщин – 63%⁶⁸. Причем, в основном, преобладает старшее поколение (до 60%); средний возраст русских в два раза превышает возрастные показатели коренного населения⁶⁹. Важно указать, что в числе женщин около 20% одиноких, не имеющих семьи, а 42% – состоят в браке с азербайджанцами и их дети уже никак не ощущают своей сопричастности с Россией⁷⁰.

По оценке А.С. Юнусова, «в политической жизни республики русская диаспора практически перестала играть какую-либо роль»⁷¹. Вступление в силу Закона «О государственном языке в Азербайджанской Республике» от 30 сентября 2002 г. и прекращение с 1 января 2008 г. вещания российских телеканалов выстраивают практически непреодолимое препятствие на пути представителей российской диаспоры в политическое пространство Азербайджана.

Интересно, что эксперты и официальные лица Бак, вопреки реальному положению дел, активно культивируют мифологему о сохранении значительного влияния русского населения на политические процессы в стране⁷². Думается, что такие декларации имеют смысл только как дополнительный аргумент в российско-азербайджанском диалоге.

В схожем положении находится российская диаспора в Армении.

С момента обретения независимости Армении на положение русского этноса повлияло два фактора, которые обусловили массовый выезд русских из Армении – принятие Закона «О языке» в 1993 г. и общее неблагоприятное социально-экономическое положение в республике⁷³. Если в 1989 г. в Армении проживали 51 тыс. русских, то, согласно последней переписи населения 2001 г., в республике насчитывается 14 660 этнических русских, что составляет 0,46% населения страны. Это вторая по численности группа национального меньшинства в республике после езидов (40 620 чел.)⁷⁴. Русская община Ар-

мении состоит из двух групп: мигрантов советского времени и старожильческого населения – молокан, которые проживают на территории республики более 150 лет. Согласно данным последней переписи населения республики 2001 г., 72% русских проживают в городах. Сельское население представлено в основном молоканами и насчитывает примерно 4,5–5 тыс. чел. Основная часть их проживает в Ереване и Лорийском марзе (с. Фиолетово и Лермонтово)⁷⁵.

Как и в Азербайджане, большая часть оставшихся в Армении россиян состоит в браке с армянами⁷⁶. Этнически «чистый» сегмент российской диаспоры включает в себя потомков молокан, духоборов, староверов, депортированных сюда в первой половине XIX в., как правило, преклонного возраста. Поэтому даже при наличии многих диаспоральных организаций («Россия», «Гармония», «Русские» и др.) говорить о сколько-нибудь ощутимом участии представителей диаспоры в политическом процессе страны не приходится.

Специфическое поле деятельности, далекое от политики, избрали для себя организации российской диаспоры в Грузии («Надежда», «Славянский дом», «Жемчужина»), которые объединяют, по разным оценкам, от 20 до 60 тыс. наших соотечественников⁷⁷. По свидетельству В. Сварчука, президента Международного гуманитарного благотворительного союза «Надежда», председателя Совета организаций соотечественников и русских неправительственных организаций Грузии, в составе представителей российской диаспоры «в основном, люди предпенсионного и пенсионного возраста». Поэтому основной функцией диаспоральных организаций в Грузии является оказание социальной поддержки соотечественникам, организация медицинской помощи, юридические консультации⁷⁸.

«Памир: воспоминание о русских» – так красноречиво назвал свою статью о положении российской диаспоры в Таджикистане эксперт из Душанбе В. Кленов. «Сегодня можно смело говорить, – пишет он, – что русских в Таджикистане больше нет. По самым оптимистичным подсчетам, их на Памире не больше 60 тыс. Главным образом, старики, дети, инвалиды. При всем желании назвать их полноценной диаспорой, способной прогрессировать, отстаивать свои интересы, язык не поворачивается. Так, остатки... А ведь еще в 1989 г. русских было в горной республике почти полмиллиона. На них держались вся промышленность, стройка и энергетика. Сегодня никто не знает, как вновь запустить на полную мощность турбины Нурекской гидроэлектростанции, “гремевшей” самой высокой в мире

плотиной. Русские так и не нашли себя в новом Таджикистане. Да и не могли, если откровенно, у них, как таджиков или узбеков, не было родственников на селе, чтобы прокормиться. Не получились из них «челноков» и мелких торгашей – капитал не тот, да и менталитет иной. Русская диаспора, точнее, ее остатки, переживает перманентный кризис, если сказать точнее, это уже агония. Минувшим летом общину «просветили» очередным социологическим опросом. Диагноз – растерянность и пессимизм. Их, родившихся в Таджикистане, еще держат могилы отцов и дедов, но сердце их уже в России, которую многие знают только по телевидению...»⁷⁹

Совсем иного рода причины, нежели банальный «исход», определяют отстраненность российской диаспоры от политических процессов в Туркмении и Узбекистане. Основной в их ряду является сохранение здесь жестких тоталитарных режимов, допускающих к участию в государственных делах только назначенные группы и персоны. Неприятие «русскости» и «российскости» в этих странах налагается на общую отчужденность народа от власти. Ситуацию усугубляет то обстоятельство, что до недавнего времени даже цивилизованный «исход» россиян из Туркмении и Узбекистана был невозможен. Поэтому численность «русской диаспоры» в них остается достаточно значительной.

В Туркмении, например, по некоторым данным, она объединяет более 400 тыс. чел., но даже официально обнародованная статистика о величине российской диаспоры выглядит внушительно – 120 тыс. чел.

«В 1997 году средние школы Туркмении были переведены на 9-летнюю программу обучения, и с 1998 года новые туркменские аттестаты о среднем образовании потеряли силу за пределами царства Туркменбаши. Всего лишь 5 процентов обучающихся в туркменских вузах и техникумах имели возможность получить образование на русском языке. С 1991 года ни одно туркменское заведение с русским языком обучения не получило ни единого учебника из России, и преподаватели были лишены возможности повышать свою квалификацию в российских вузах. Более того, попытки решить эти вопросы т.н. «методами народной дипломатии» натолкнулись на твердолобое противодействие туркменских властей. При этом преподавателей-математиков и физиков всех профилей туркменской национальности в Туркмении практически нет, эти предметы в школах, вузах и техникумах преподаются русскими и узбеками.

С 1992 года Туркменбаши лично подписал указ, которым на 10 лет запрещались любые операции с городскими благоустроенными квартирами. Примечательно, что на т. н. «частный сектор», заселенный в основном туркменами, ограничения не вводились. Вдобавок была заморожена приватизация квартир. Отныне желающий продать квартиру перед отъездом должен был сам вызвать государственного служащего-оценщика, оформить по назначенной им пене продажу квартиры. Из вырученной суммы 45 процентов фактически конфисковывалось в пользу государства. Затем продавец получал специальный талон на право оформить железнодорожный контейнер. Автомобили, мотоциклы продаже не подлежали: их предписывалось реализовать на месте. Дачи, гаражи чаще всего владельцами просто бросались или оформлялось их «дарение» – фактически взятка, облегчающая процедуру отъезда. Дабы обойти указ, стали заключаться фиктивные браки, которые затем расторгались: «супругу»-русскому доставались деньги, «жене»-туркменке – квартира. Тогда, попирая все мыслимые нормы гражданской общечития, были запрещены браки между европейцами и туркменами.

Уехавших временно на заработки в Россию ожидал иной сюрприз. Если квартира пустовала более 6 месяцев, то по ведомственной инструкции она заселялась туркменами. Вещи исчезали. Заселение «пустующих» квартир могло произойти и через месяц, и через пару недель после отъезда хозяина. Не смотря на то, что после двух нот МИД РФ произошли некоторые перемены, отданные законодательно закрытыми (!) указами Туркменбаши от 25.10. 95 и 1.01. 97 гг., «подзаконные акты» продолжают путать все и вся, а произвол чиновничества ничем не ограничивается. Перед русским населением Туркмении фактически поставлена дилемма: либо у тебя отберут все то, что ты нажил и наработал, либо – оставайся и терпи»⁸⁰.

За последние годы правления С. Ниязова были уволены более 40 тыс. русскоязычных врачей и учителей, была ликвидирована национальная Академия наук, в основном, с русскоязычным составом⁸¹.

Не только об участии в политической жизни Туркмении, но об элементарной возможности высказать собственное мнение представителями «русской диаспоры», говорит факт приема в посольстве Российской Федерации. Вот, что по этому поводу говорил председатель Совета русских общин Туркмении А. Фомин: «Наиболее вопиющий случай произошел в ноябре 1998 года, когда в здании нашего посольства 25 лидеров рус-

ской общины встретились с председателем Думы Селезневым и другими депутатами. Через несколько дней всех на по списку, составленному в посольстве, вызвали в Комитет национальной безопасности и продемонстрировали наши подслушанные разговоры. Либо Щелкунов «сдал» нас, либо никуда не годится служба безопасности посольства».

После приема в посольстве все участники встречи были арестованы.

«Часть их были арестованы и вынуждены были под пытками дать показания против меня моих соратников, – говорил А. Фомин. – Всех остальных уволили с работы, увольняли их родственников. Со мной же было так: в декабре 1998 года я выступил в Думе, где рассказал о преследовании русских и о том, что 95% жителей Туркмении высказалось бы за то, чтобы ориентироваться на Россию или присоединиться к России. На следующий день туркменбаши выступил по телевидению и обвинил меня в разжигании национальной вражды и подрыве стабильности. Мне позвонили из Ашхабада и сказали, чтобы я не возвращался. После этого русские общины были разгромлены»⁸².

Несмотря на двукратное сокращение (с 1 млн. 660 тыс. до 800 тыс. чел.), Узбекистан сохраняет четвертую по численности российскую диаспору в СНГ⁸³. Известный критик официальных властей Ташкента С. Ежков о положении русских в Узбекистане пишет: «Узбекское общество в основном толерантное, и правительство тоже старается, чтобы не возникло конфликтных ситуаций на этнической почве. В органах власти русских почти не осталось, хотя в узбекском спорте, искусстве и науке все еще нередко встречаются русские имена.

На сегодняшний день в Узбекистане нет никаких организаций, занимающихся проблемами, с которыми сталкиваются этнические меньшинства страны. Правда, действуют различные культурные и национальные центры. Они, в основном, пропагандируют интернационализм и никогда не поднимают проблемные вопросы, касающиеся тех или иных этнических групп. Эта область находится под контролем государства»⁸⁴.

Таким образом, продолжающаяся дискуссия о сценариях социально-политического поведения российской диаспоры в странах СНГ правомерна лишь отчасти. На самом деле, представители российской диаспоры в странах Закавказья и Таджикистане обречены на «доживание» и полную ассимиляцию. Условия их существования, демографические геронтологические и гендерные процессы, не говоря о консолидации и

формальной организации для участия в политической жизни, ведут к полной утрате остатков русскоязычного населения российской идентичности.

При определенных усилиях со стороны Российской Федерации к описанному сценарию перспектив российской диаспоры в Туркмении и Узбекистане может быть добавлена возможность относительно комфортных условий для переезда на историческую Родину, и только в весьма призрачной перспективе может сложиться ситуация для интеграции наших соотечественников в политический процесс этих стран.

Отсутствие дифференцированного подхода к оценке положения российской диаспоры на постсоветском пространстве, в полной мере характерное современным научным исследованиям, переносится в практику выстраивания политической стратегии Российской Федерации. Примером оптимистического взгляда на состояние диаспоральных процессов и единого подхода к общностям, имеющим различные качественные характеристики, может служить выступление Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова на совещании в Совете Федерации 22 февраля 2005 года: «Одним из важнейших результатов этой деятельности стало крепнущее осознание зарубежными соотечественниками своих культурных и духовных корней, осознание того, что Россия их не бросает. И, соответственно, растущее стремление сотрудничать с Россией в различных областях. Это стимулирует организационное оформление диаспоры, способствует развитию в ней объединительных процессов. Такие примеры мы видим в Армении, Болгарии, Германии, Грузии, Италии, Казахстане, Македонии, Эстонии. Угроза, которая нависла над русской школой в Латвии в результате школьной реформы, осуществленной и осуществляемой официальной Ригой, стала мощным толчком к консолидации нашей диаспоры и в этой стране»⁸⁵.

По-прежнему существенным фактором политического процесса является российская диаспора в Казахстане, Киргизии, Республике Молдова и Украине⁸⁶. Последние две страны в этом контексте имеют большую специфику. В Молдове политические устремления в большей части пророссийского населения вылились в движение, направленное против развала СССР и образование Приднестровской Молдавской Республики. И, не смотря на то, что этнические русские являются в ПМР одной из трех самых больших по величине национальных групп (30,3%), российская идентичность здесь, как преемница советской, превалирует⁸⁷.

Говорить о «российской диаспоре» на Украине можно с большими оговорками. Во-первых, русские и украинцы имеют общие родовые, исторические и культурные корни, и, вообще, в досоветский период рассматривались как один народ. Именно этим определяется имманентность гражданской украинской идентичности россиян. То же обстоятельство обуславливает наличие среди украинцев значительной части тех, кто ощущает себя внутри российского социокультурного пространства.

Участие представителей российской диаспоры в политическом процессе стран СНГ имеет страновые особенности, вытекающие из характера политического режима принимающих государств, степени влияния высших факторов, политического потенциала и степени организации самой диаспоры. Естественно, что соотношение, качества и временные параметры действия этих факторов в различных странах проявляются по-своему. Однако интеграция наших соотечественников в политическое пространство ближнего зарубежья имеет общие закономерности, позволяющие выделить в этом процессе три основных периода. Все они имеют качественные характеристики, отличающие их друг от друга. Первый период, назовем его периодом «разделенной нации». Второй период – «освоения нового суверенитета». Третий период – «формирования социально-политического функционального пространства диаспоры». При этом сразу оговоримся, что диаспору вообще, а «российскую диаспору» в особенности, мы рассматриваем как процесс⁸⁸, поэтому намеченную периодизацию рассматриваем в динамике и полагаем, что тенденции и содержания, наметившиеся в прошлом и продолжающие проявляться сегодня, получают логическое развитие в будущем.

В название первого периода мы вынесли политическую метафору, имеющую широкое хождение в политологии и введенную для характеристики положения российской диаспоры в странах СНГ в начальный постсоветский период. Для этого периода характерно острое противостояние двух политических направлений. Одного, в основном, объединяемого национальные элиты, направленного в сторону обретения суверенитета и националистического ригоризма, другого – включающего русскоязычное население (но не только), ориентированного на сохранение прежнего социально-политического статуса территорий и самого населения в их пространстве. На этом этапе рефлексия россиян, оказавшихся за пределами Родины, не идет дальше попытки удержать советское статус-кво. Именно

поэтому на этом этапе невозможны закономерные интеграционные процессы, которые были присущи всем диаспорам, проходившим путь своего становления. Россияне по-прежнему надеялись на восстановление прежнего общественного порядка, по крайней мере, в части восстановления прежней государственности, о развале которой не промышляла основная масса народа, проживавшего в СССР. В этой связи совершенно справедливое суждение о причинах утраты государственности Российской империей и СССР высказал А.И. Вдовин. По его мнению, причина «разрушения Российской империи в 1917 и Советского Союза в 1991 годах» заключалась не в «прогнивших устоях», а в «отчуждении между государством и народом»⁸⁹.

Например, опрос соотечественников в Северо-Казахстанской области на протяжении трех лет (с 1995 по 1998 гг.) обнаруживал в их сознании присутствие мифологемы о том, что демаркации границы между Россией и Казахстаном будет предшествовать обмен территориями: к России отойдет участок Казахстана, по которому проходит Южно-Уральская РЖД, а к Казахстану – участок Алтайского края, на котором расположена часть железной дороги «Темир – Жолы»⁹⁰.

По данным Московского фонда «Индем» (руководитель Г. Сатаров), на весну 1998 г. 24% опрошенных русских считали себя гражданами СССР; 11% – России; гражданами какой-нибудь другой страны, никакой или затруднились ответить – 12% опрошенных, даже 5% казахов «ощущали» себя гражданами СССР⁹¹.

Столкновение двух политических направлений общественных сил ближнего зарубежья вылились в острые конфликты, приведшие к образованию на отдельных территориях непризнанных государственных образований и автономий или этническому противостоянию. Только благодаря подавляющему преобладанию коренного населения, острый конфликт в Киргизии вылился в массовую эмиграцию россиян, а не в открытое столкновение. Осторожная позиция верховной власти в Казахстане позволила с большим трудом преодолеть сепаратистские движения в Петропавловске, Усть-Каменогорске и Уральске⁹².

В современной политологической литературе новых независимых государств активно продвигается мнение о том, что межнациональная напряженность и обострение политической ситуации в первый постсоветский период было связано, прежде всего, со стихийным желанием титульных народов «сбросить

ярмо колониального гнета», «расчистить дорогу возрождению независимой нации»⁹³. Однако такая позиция ставит реальное положение вещей «с ног на голову». Всплеск политического противостояния был инспирирован желанием, прежде всего, высших эшелонов власти порвать остатки нитей, связывающих их с Москвой, и обрести уверенность полноправного хозяина, бая, гетмана на суверенной территории. Сложно не согласиться с авторами коллективной монографии «Геноцид. Русские в Казахстане: трагическая судьба» о том, что «весь комплекс проблем, связанных с национальным вопросом – во многом (в определяющем?), суть продукт определенного манипулирования и явление массовидное. Идеология всегда имеет цель и полностью зависит от «центра принятия решений», контролируемого правящей элитой. Социальная напряженность умело воплощается последней в нациообразующие идеи и идеологемы, которые затем трансформируются в сепаратизм и “самостийничество”»⁹⁴.

Точно также нечеткость российской позиции в отношении соотечественников, а, вернее сказать, полное равнодушие или даже предательство вело к усилению прессинга со стороны властей бывших союзных республик. Как пишут сами молдавские историки, «серый кардинал» перестройки академик А. Яковлев в 1992 году во время официального визита в Кишинев заверял местных этнократов, что «Москва не поддержит сопротивления русских “воле молдавского народа”». В определенной степени именно это заявление подтолкнуло молдавские власти к вводу войск в «мятежное» Приднестровье⁹⁵.

Политическому дискурсу России в отношении соотечественников были присущи стереотипы, к сожалению, и сегодня полностью не изжитые. Смысл их, лежащий на поверхности и не отличающийся особой глубиной и интеллектуальными изысками, подмечали как отечественные, так и западные политики. Вот что по этому поводу писал Марлен Ларюэль: «Если страна проводит пророссийскую политику на международной арене, участвуя во всех экономических и таможенных союзах, созданных на постсоветском пространстве, но не предоставляет достаточно прав своим русскоязычным гражданам, как, например, Казахстан, то отношение – скорее, положительное. Страны, которые совмещают обе отрицательные тенденции, то есть проводящие внешнюю политику, диаметрально противоположную политике Российской Федерации, и поставившие русское меньшинство в более или менее трудное положение, например, Украина или страны Балтии, удостоиваются жес-

ткой и крайне эмоциональной критике. Именно в адрес этих государств общественные объединения диаспоры выдвигают основные требования. Важно отметить, что внимание сосредоточено на западных республиках бывшего СССР, а странам Центральной Азии и Кавказа уделяется гораздо меньше внимания, даже в тех случаях, когда отношения России с этими государствами явно плохи, как с Грузией, или где положение русских катастрофично»⁹⁶.

Естественно, что характер политической реальности первого постсоветского периода практически исключил полноценную интеграцию российских соотечественников в политическое пространство стран СНГ. Повсеместно в бывших республиках СССР, утративших контроль Центра, стал разворачиваться процесс монополизации власти элитами титульной нации. В Казахстане, где титульное население в момент обретения независимости уступало по численности представителям трех восточнославянских этносов – русских, украинцев и белорусов, в марте 1994 г. на выборах в Верховный Совет 58% депутатских мест досталось казахам, а русским – только 21%⁹⁷.

В Киргизии тенденция вытеснения русских из органов власти проявилась еще более ярко. Из 105 депутатов Жогорку Кенеша (Верховного Совета) республики, избранных в 1995 г., 85 являлись киргизами (81%), 8 – узбеками (76%), 6 – русскими и украинцами (5,7%), по 2 – карачаевцами и дунганями и один – немцем. В общей сложности нетитульным этносам, составлявшим 41% населения республики, достались 19% депутатских мандатов. Количество парламентариев из числа русских и украинцев оказалось более чем в 4 раза ниже их удельного веса в составе населения (24%)⁹⁸.

На Украине в органах власти Львова и Львовской области совершенно не представлены 120 тыс. русских⁹⁹.

Одним из методов отстранения наших соотечественников от политических институтов недопущения россиян во власть, являлась искусственная переделка избирательных округов и административно-территориальное реформатирование областей проживания нетитульного населения. Так, Бельцы (Молдова) были включены в состав уезда для того, чтобы растворить нетитульное население промышленного города в конгломерате сельских населенных пунктов, где преобладают этнические молдаване¹⁰⁰.

К Северо-Казахстанской области с преобладающим русскоязычным населением были присоединены четыре района Кокчетавской области, населенные казахами, благодаря чему

удалось провести в местный маслихат более половины депутатов коренной национальности¹⁰¹. Депутаты-казахи сразу принялись за выполнение политического заказа власти по переименованию города Петропавловская (русской крепости, основанной в 1752 г.) в Кзыл-Жар, что не могло не вызвать острой ответной реакции.

Проблему россиян в Крыму украинские власти пытались решить через инспирирование «татарского вопроса».

На полуостров уже вернулось более четверти миллиона татар, образовано свыше 300 поселков их компактного проживания (2000 г. назывался последним годом выполнения госпрограммы возвращения и обустройства депортированных татар)¹⁰². В условиях решения сложнейших проблем выделения участков земли под строительство и создания социальной инфраструктуры в местах компактного расселения крымских татар, принятия ими украинского гражданства, и, главное, выдачи репатриантам земельных паев, когда практически все сельхозугодия распределены между местными жителями, активизировались действия радикальной части переселенцев, зачастую приобретающие насильственный характер. В Бахчисарае, например, татары-меджлисовцы захватили райисполком и выставили требование утвердить заместителем председателем татарина, поскольку их доля среди населения района превысила 30%. Характерно, что местный прокурор не усмотрел в факте «захвата здания городской администрации гражданами крымско-татарской национальности, имевшего место 10 декабря 1999 г., состава преступления».

Меджлис выдвинул требования о 30%-ной квоте для татар в Верховном совете Крыма и о передаче им ряда русскоязычных школ (хотя власти и обещали не проводить подобного рода «конверсию», школы с русским языком обучения в Симферополе, Старом Крыму и других городах постепенно преобразуются в украинские или татарские; уже сегодня есть немало примеров, когда русский язык преподают татары), и о возвращении татарских названий ряду населенных пунктов. Принято постановление Верховного Совета Крыма о переводе татарской письменности на латиницу, появились кустарно изготовленные дорожные указатели с довоенными названиями сел, выполненные в латинской транскрипции. Самовольно устанавливаются памятники и мемориалы: один из них сооружен в селении Дачное у Судака в память о татарах, казненных по приговору российского суда за убийство настоятеля Кизилташского монастыря в 1886 г.¹⁰³

Попытка политической организации «русской диаспоры» наталкивалась на противодействие властей. Так, Республиканскому общественному славянскому движению «Лад» казахстанским руководством отказывалось даже в регистрации. И хотя, по мнению самих ладовцев, их общество «явилось важным стабилизирующим фактором общественной жизни республики», после принятия Заявления «О ходе президентской избирательной компании в Казахстане» в 1998 г. председатель РСД «Лад» В. Михайлов был жестоко избит¹⁰⁴.

Что касается отношения властных структур к внешней миграции, то, по мнению элитного чиновничества, отъезд из Казахстана массы славян и немцев, «являлся исторически закономерным процессом и достаточно естественной реакцией большинства мигрантов на дилемму выбора богатой, перспективной или близкой по этническим признакам и традициям Родины для себя и своих детей»¹⁰⁵.

Чтобы как-то хронологически и качественно локализовать период «разделенной нации», обратимся к мнению В.В. Дубовицкого, доктора исторических наук, атамана общины казаков «Амударьинской линии», исследовавшего положение российских соотечественников в постсоветских государствах Центральной Азии.

Общая неподготовленность русских к диаспоральному существованию ярко отразилась в прогнозах судьбы этой части этноса, опубликованных в период 1991–1997 гг., где, по сути дела, им предрекалось только две альтернативы: репатриация (в основном, путем «самовывоза», т.е. бегства), либо ассимиляция в стране пребывания¹⁰⁶. Оба этих социальных явления не оставляли места для жизни в диаспоре – «части этноса, проживающего за пределами своего национального государства». И только примерно с 1997 г. появляется мнение о том, что «...культурные ориентации, лояльность подавляющего большинства населения, которое мы называем соотечественниками, прежде всего ориентированы на новые государства... и утверждение, что эти люди не имеют перспектив и шансов там выжить – это грандиозный блеф»¹⁰⁷.

По разным причинам, но одинаково неустойчиво, многие исследователи склонны считать, что начальный этап интеграции русской диаспоры в политический процесс стран СНГ не завершился до сегодняшнего дня. В качестве подтверждения своей позиции сторонники такой точки зрения считают институциональную несостоятельность русской диаспоры. Например, Институт стран СНГ считает, что искусственное

ускорение процесса диаспоризации нетитульного населения в этих государствах инспирируется «с целью придать нетитульным народам статус чуждых новым республикам элементов»¹⁰⁸. Прямо противоположную цель отказа в институализации российской диаспоры и сохранения за нашими соотечественниками статуса разделенной нации преследуют некоторые политологи ближнего зарубежья, имея в виду единственно прогнозируемое разрешение ситуации – воссоединение нации на исторической Родине, а, следовательно, исключение обретения ими субъектности в политическом пространстве «принимающих» государств¹⁰⁹.

«Таким образом, соотечественники России за рубежом – это не диаспора (в смысле рассеяния), это 20 млн. жителей исторической России, которые в одночасье потеряли свое Отечество и стали разделенной нацией, – пишет З.М. Омарова. – В данном контексте логично говорить о существовании на сегодня на постсоветском пространстве социокультурной реальности под названием “Русский мир”»¹¹⁰.

Отсутствие в научной литературе указаний на периодизацию процесса интеграции российской диаспоры в политическом процессе стран СНГ в значительной степени восполняется наличием репрезентативного анализа качественных черт, присущих этому процессу, что, в свою очередь, позволяет на основе их систематизации определить этапы, отличающиеся специфическими характеристиками.

Так, к характеристикам второго периода процесса вхождения россиян в политическое пространство СНГ, которые мы условно обозначили как «период освоения нового суверенитета», безусловно, следует отнести, во-первых, институционализацию диаспоральных сетей. По мнению М.А. Аствацатуровой, решающим признаком диаспоры выступает именно формирование институтов и организаций, деятельность которых направлена на сохранение и развитие этнической идентичности, на эффективную социализацию¹¹¹.

Многие политологи считают институционализацию основополагающим признаком диаспоры вообще и ее присутствия в политическом пространстве, в частности.

Только за вторую половину 1990-х годов, несмотря на абсолютное уменьшение размеров российской диаспоры в Казахстане, было зарегистрировано более 100 центральных и региональных союзов, объединений, обществ культурного и социального плана, охватывающих российских соотечественников¹¹².

Численность русских в Киргизии только в 2006 г. снизилась до 9,5% в общем составе населения, в то время как в этом же году было зарегистрировано 27 новых обществ русских¹¹³.

Из представителей наиболее пассионарной части российской диаспоры на этом этапе формируются группы, получившие в политологической литературе название «профессиональных русских» или «профессиональных россиян».

Во-вторых, важной чертой второго периода политической адаптации россиян в странах СНГ явилось установление баланса между «выгодной ассимиляцией», с одной стороны, и необходимой этнодистанцией, с другой. Иными словами, в этот период происходило форматирование функционального диаспорального пространства¹¹⁴, предполагавшего позиционирование или субъективизацию россиян в социально-политической практике «принимающих» государств. Именно на втором этапе проявляется такой феномен как двойная идентичность. Многие россияне, наряду с осознанием своей сопричастности с Россией, формируют образ малой Родины, свой статус в которой они готовы отстаивать. При этом связь с большой Родиной зачастую уходит на второй план. «Среди тех, кто решил остаться или не смог уехать, – пишет Марлен Ларюэль, – есть, в частности, люди, признавшие себя гражданами новых государств, не имеющие семейных связей с Россией, никогда там не жившие и предполагающие, что не смогут никоим образом найти там для себя место. Некоторые другие стремятся найти способ совместить принадлежность к двум идентичностям (называя себя, например, №казахстанскими русскими») в надежде в той или иной мере добиться интеграции в качестве представителей национального меньшинства одного из новых государств. Часть из них обладает сильной региональной идентичностью, позволяющей избежать трудного выбора (например, заявляя о себе как о крымских русских, уральских и алтайских казаках, выделяя скорее “малую родину”, нежели “большую”»¹¹⁵.

По разным причинам в значительной части «русской диаспоры» складывается устойчивое убеждение о невозможности переезда в Россию. Данные социологического опроса 1999 г., проведенного Институтом стран СНГ в Казахстане и Киргизии, показывают степень значимости причин, по которым российские соотечественники приняли решение остаться в «принимающей стране»: отсутствие материальной возможности переезда – 36,6%; боязнь понижения профессионального и социального положения на новом месте жительства – 12%; отсутствие в России семейных корней и родственных связей – 10,5%;

непривлекательность России как страны для постоянного места жительства – 9,5% ; наличие стабильного материального состояния в стране пребывания – 8,2% ; семейное положение (наличие престарелых родственников и др.) – 6,7% ; отсутствие возможности у детей адаптироваться в новой образовательной среде – 5,9% ; комфортность окружающей среды – 4,7% ; наличие тесной гуманитарной и культурной связи с исторической Родиной – 3,2% ; стабильное социальное положение и возможность карьерного роста – 2,5% ; привычка – 0,2¹¹⁶ .

Результаты, приведенные выше в контексте нашего сочинения, показательны в двух моментах. Во-первых, в кругу причин, обуславливающих выбор соотечественников в пользу «принимающей страны» преобладают семейно-бытовые факторы, и, во-вторых, отсутствуют факторы, говорящие о позитивной оценке социально-политического положения российской диаспоры в странах СНГ.

Абстрагируясь от конкретных причин явления, отметим только, что в поведении россиян в рассматриваемый нами период наметился и конституализировался сценарий их поведения, направленный в сторону «добровольной ассимиляции», что, во-первых, обусловило дискретность связи с исторической Родиной (сегодня только четверть русских рассматривают Россию в качестве Родины вне зависимости от того, в какой стране бывшего СССР они проживают¹¹⁷), а, во-вторых, привело к квази-явлению и изъятию у части россиян «этнической памяти». Последнее проявилось в появлении социальных групп «других русских». Такая группа российских соотечественников присутствует практически во всех бывших республиках СССР и включает русских и россиян, удерживающихся в государственном аппарате и властных структурах. «Другие русские» в большей степени, чем коренная элита, проповедуют новую «суверенную идентичность», выступают ярыми приверженцами национальной государственности, языка, культуры.

Такая прослойка служит для руководства новых независимых государств «репрезентативным» аргументом в пользу лояльности к нетитульному населению.

Приведем типичную оценку этого явления, разделяемую большинством политологов. По поводу положения россиян в Молдавии, например, Михаил Платонов пишет: «Россияне не видят для себя возможности реально участвовать в управлении делами государства, гражданами которого являются, не видят будущего для своих детей в этой стране, где пути к вершинам власти, в высшие органы государственного управления, во

многие сферы науки, культуры, образования, информатики, бизнеса «не титульным» гражданам либо полностью перекрыты, либо оставлены такие узкие лазейки, “просочиться” через которые удастся редким “счастливчикам”, да и то ценой отказа от собственной национальной идентичности. Через эти лазейки-шлюзы молдавские власти, стремящиеся показать Европе свою мнимую толерантность в области межнациональных отношений, периодически и строго дозировано пропускают на государственные должности (второго или даже третьего разряда важности!), согласных “играть по предложенным правилам” представителей отдельных национальных диаспор страны, делая из них своего рода “свадебных генералов”, которых демонстрируют затем “еврокомиссарам” всякий раз, как только в Совете Европы, ОБСЕ или ПАСЕ возникает вопрос о неблагоприятной ситуации в области межнациональных отношений в Молдове.

“Официальный” представитель русских людей в Молдове Михаил Сидоров, делегированный в парламент страны полиэтнической общественной организацией “Республика”, за почти три года, проведенных в стенах высшего законодательного собрания Молдовы, практически ничем и Ника не проявил себя в деле выражения и защиты интересов своих соотечественников, боясь молвить слово “поперек власти” даже тогда, когда этого настоятельно требуют складывающиеся обстоятельства.

Как показали социологические опросы, проведенные в 2002–2002 г. Службой изучения общественного мнения Фонда «Социум-Молдова», мало кто из молдавских россиян хотя бы однажды слышал и о существовании самого Михаила Сидорова и других членов Координационного совета, о Российской общине Кишинева вообще, о том, где она находится, кто ее возглавляет, как с ней связаться»¹¹⁸.

Еще одной чертой, определившей процесс интеграции наших соотечественников в политический процесс стран СНГ в этот период, стало сокращение «пассионарной» части русскоговорящего населения. По мнению большинства исследователей, россияне, сделавшие выбор в пользу переезда на историческую Родину, уже вернулись в Россию. Данные социологического опроса, проведенного летом 2003 г. в одной из самых русскоязычных областей Казахстана – Восточно-Казахстанской, показали, что эмиграционные настроения у местного населения выражены слабо, во всяком случае, в сравнении с началом – серединой 1990-х годов. Большинство опрошенных – 84,0% казахов и 66,7% русских – заявили, что никуда пе-

реезжать не собираются. При этом вероятность отъезда и тех, кто желал бы уехать «когда-нибудь», – а это 13,4% казахов и 25,0% русских, – невелика, так как большинство из них даже не смогли назвать страну возможной эмиграции. Да и причины, по которым сравнительно немногочисленные потенциальные эмигранты хотят уехать, в основном, социально-экономического свойства, удельный вес этнонациональных мотивов невелик. Например, «оторванность от исторической родины» указали в качестве причины возможного переезда 5% респондентов. Весьма показательно и то, что гражданами РК считают себя 62,8% опрошенных русских и 80,7% казахов¹¹⁹.

На наш взгляд, верные наблюдения на этот счет высказал А. Алексеенко, считающий, что политическая составляющая в поведении представителей российской диаспоры, в том числе и в выборе перспектив своего присутствия в «принимающей стране», потеряла свою остроту.

«Влияние государства на эмиграцию, – пишет он, – значительно слабее, чем 10 лет назад, когда его этнополитические инициативы послужили одной из главных причин массовой эмиграции; реакция нетитульного населения на политику Центра, чрезмерно обостренная в период становления Казахстана как независимого государства, сейчас более спокойная. Можно даже сказать, что государственная политика ушла из сферы интересов большинства. Люди адаптировались к суверенитету, сосуществуют с центральной властью в довольно стабильном режиме. Глубже всего их волнуют проблемы бытовые, личные, то есть те, что решаются ими в основном самостоятельно, без надежды на поддержку государства. Соответственно, настроения населения (в том числе и миграционные) все сильнее определяет местная среда»¹²⁰.

Описание второго периода вхождения российской диаспоры в постсоветское политическое пространство необходимо дополнить еще одной важной характеристикой, без которой представление о нем было бы неполным. У части национальной политической элиты появляется осознание необходимости включения русскоязычного населения в политический процесс, особенно в тех случаях, когда это может предотвратить клановое, родовое, территориальное противостояние.

С отчаянным призывом вернуться к нравственным истокам, доброте, взаимной помощи, согласию и единству был вынужден обратиться на курултае глава Нарынской областной госадминистрации Б. Болотбеков. Он открыто заявил, что в области нет согласия и единства, клановые, родовые, племенные

деления приобретают зловещий характер, заметно отражаясь на политике, влияя на общественное сознание. Клановые столкновения особенно стали заметны и нетерпимы в период выдвижения кандидатов в депутаты нового Жогорку Кенеша, на шесть мест в котором, предназначенных для области, было выдвинуто около ста кандидатов. Особенно его беспокоило то обстоятельство, что до конца выборов большая часть руководителей – кто в лице спонсоров, кто в качестве доверенного лица – забыли свою основную работу¹²¹.

В полном объеме «русская карта» была разыграна во время которых выборов президента Казахстана. Русскоязычным казахстанцам активно внушалась мысль о том, что только действующий президент может обеспечить права нетитульного населения Казахстана. В то же время наличие поддержки со стороны россиян являлось весомым аргументом, умиротворяющим оппонентов из числа местной политической элиты.

Для привлечения представителей российской диаспоры на парламентских выборах в феврале 2001 года в Молдове Партия коммунистов прибегла к популистским обещаниям возврата русскому языку статуса второго государственного, расширения системы дошкольного, школьного и высшего образования на русском языке и даже вступления Молдовы в Союз России и Белоруссии.

И, наконец, третий период вхождения российской диаспоры в политический процесс стран СНГ отчасти характеризуется полной реализацией явлений, наметившихся в предшествующий период, отчасти актуализацией новых сущностных качеств.

В частности, следует заметить, что в сочетании разнонаправленных парадигм социально-политического положения россиян в странах СНГ, доминирующей тенденцией становится тенденция ассимиляции россиян.

Во-первых, потому что пределы «принимающих стран» уже покинула наиболее активная и политически востребованная часть российской диаспоры. Так, например, к 2009 году за пределы Казахстана выехали более половины пятидесяти тысячного корпуса активистов Республиканского славянского движения «Лад»¹²².

Во-вторых, явное запаздывание в силу объективных обстоятельств процесса становления российской диаспоральной политики привело к тому, что в сознании наших соотечественников в ближнем зарубежье сформировался устойчивый стереотип о необходимости строить свое поведение, опираясь

исключительно на местные условия, и сценарий, предлагаемый официальными властями.

Изменение в настроении россиян хорошо уловил правящий Центр, поэтому во многих странах СНГ доля русскоязычного населения в государственном управлении увеличилась. Два русских оказались в числе семи сенаторов, непосредственно назначенных в соответствии с конституцией президентом Казахстана Н. Назарбаевым в 1999 году. В Нижнюю палату парламента на выборах 1999 г. прошли 58 казахов и 19 русских. В целом на долю казахов, составлявших к 1999 г. 53,4% населения, приходилось 75,3%, а русских, удельный вес которых достигал 30%, – 24,7% депутатов Мажилиса¹²³. В действующем составе нижней палаты парламента Казахстана, избранном в соответствии с новой конституцией в августе 2007 г., представлены 82 казаха, 17 русских (15,9%), 2 немца и по одному белорусу, балкарцу, корейцу, украинцу, узбеку и уйгуру. Одним из двух заместителей председателя Мажилиса был избран С.А. Дьяченко, имеющий длительный опыт политической работы, а заместителем председателя Сената – А.С. Судьин¹²⁴. По данным заместителя министра информации Казахстана О. Рябченко, представившего 14 августа 2007 г. доклад Комитету ООН по ликвидации всех форм расовой дискриминации, среди государственных служащих страны казахи составляют 79%, русские – 14,5%, украинцы – 0,9%¹²⁵.

По итогам выборов 2005 г. киргизы составили уже 85% членов парламента. Кроме них, в Жогорку Кенеш, число депутатов которого по конституции 2003 г. было сокращено до 75, прошли 7 узбеков (9,3%), один русский и карачаевец. Тем самым доля русских среди депутатов парламента (1,3%) оказалась ниже их доли в составе населения (12,5% по переписи 1999 г.) уже почти в 10 раз. При этом доля узбеков была лишь немногим ниже их удельного веса среди жителей республики (13,8%).

Тенденция изменилась в 2007 году. В парламента, избранный в декабре 2007 г., вошли 73 киргиза (81%), 7 русских (8,2%), два корейца, по одному уйгуру, дунганину, карачаевцу и узбеку. Причина столь резкого увеличения количества русских – новое избирательное законодательство Киргизии, согласно которому выборы проводятся исключительно по партийным спискам, а сами партии обязаны включать в свои избирательные списки не менее 15% представителей нетитульных этнических групп. В прежние годы, когда избрание парламента происходило по одномандатным округам, депутаты из числа коренного населения могли пользоваться всеми

преимуществами клановой поддержки, которое некоренное население было лишено.

Более того, премьер-министром Киргизии в декабре 2007 г. был назначен этнический русский И. Чудинов, ранее работавший министром промышленности, энергетики и топливных ресурсов. После Н. Танаева, возглавлявшего правительство республики в 2002–2005 гг. и вынужденного покинуть Киргизию в ходе «тюльпановой» революции, И. Чудинов стал вторым русским, занимающим этот пост. Как следствие, на сегодняшний день Киргизия стала единственной республикой Центральной Азии, в которой доля русских в парламенте почти соответствует их удельному весу в составе населения, а правительство возглавляет русский премьер-министр¹²⁶.

Увеличение представительства россиян во властных структурах стран СНГ не имеет ничего общего с их реальным участием в государственных делах и является лишь симулякром реальной демократизации и укрепления политических позиций представителей российской диаспоры. Доказательств сказанному великое множество. Приведем лишь один из последних примеров несоответствия декларируемого и фактического положения русскоязычных во власти бывших союзных республик. В апреле 2009 года было проведено первое в истории Казахстана заседание правительства на государственном языке. Для русскоязычных журналистов, присутствовавших как обычно на заседании, не был обеспечен синхронный перевод с казахского языка, что вызвало естественное недоумение. Пресс-центр правительства не обеспечивал минимальных условий функционирования системы синхронного перевода казахского и русского языков, предписанных Конституцией и Законом.

На первый взгляд, произошедшее выглядит как недоразумение, как техническая оплошность, как некое досадное упущение... Но, по заявлению РД «Лад», «это была продуманная акция, своеобразный урок для тех, кто не владеет казахским языком. Цель – психологическое давление на русскоговорящую часть населения и прощупывание ее “болевого порога” для ужесточения администрирования в сфере языковой политики»¹²⁷.

Интересно, что ни премьер-министр и никто из членов правительства и не подумали хоть как-то официально объясниться перед «нетитульной» общественностью. Напротив, министр информации и культуры привел случившееся как положительный пример, на который должны равняться все казахстанские министерства. Общий смысл его рассуждений сводится к двум словам: надо привыкать.

А то, что при этом были нарушены законные права русскоязычных граждан, и то, что, учитывая ранг лиц, вовлеченных в ситуацию, этим закладывается дурная традиция пренебрежительного отношения к Конституции, – об этом министр «культурно» промолчал. Хотя по своим функциональным обязанностям именно он и ответственен за случившееся.

В связи с усилением тенденции к ассимиляции нетитульного населения стран СНГ изменилась ситуация с сохранением функционального пространства русского языка. Практически все эксперты в области диаспоральной тематики отмечают повсеместный рост интереса к русскому языку. Этот факт отметили ведущие российские лингвисты, обсуждая проблемы современного положения русского языка за рубежом в рамках XI Евразийского телефорума «Расширение территории сотрудничества».

«Положение русского языка в странах бывшего СССР остается достаточно прочным», – считает один из авторов закона о государственном языке РФ, профессор Московского государственного лингвистического университета Вячеслав Белоусов. По его словам, «интерес к изучению русского языка в этих странах после некоторого спада за последние годы заметно вырос». По данным «Гэллуп Медиа» на 2007 год, «очень важным изучение русского языка в Таджикистане считают 98%, в Узбекистане – 97%, в Киргизии – 96%». В Молдавии количество людей, считающих необходимым изучение русского языка, по сравнению с 2006 годом, выросло на 12%, в Армении – на 6%¹²⁸.

При этом следует заметить, что на фоне всплеска интереса к русскому языку происходит смена его социальной функции в ближнем зарубежье, что вполне естественно нашло свое отражение в российской официальной лексике. Из инструмента сохранения российского социокультурного пространства русский язык превращается «в язык межнационального общения» и выполняет потребности постсоветской международной коммуникации. Таким образом, в процессе интеграции российской диаспоры в политическое пространство суверенных государств русский язык сколько-нибудь заметной роли не играет.

Третьему периоду инкорпорирования российской диаспоры в постсоветское политическое пространство характерны, в целом, стабильность межнациональных отношений и понимание их конфликтности, что, казалось бы, создает более благоприятные условия для этого процесса.

По данным социологического опроса Ассоциацией социологов и политологов Казахстана, в декабре 2008 г. казахстанцы

позитивно оценивают обстановку в плане межнациональных отношений (см. таблицу 1).

В целом, недоминантное большинство опрошенных склоняется к мнению о стабильном характере межнациональных отношений. В разрезе национальных групп этой точки зрения в большей степени, по сравнению с другими, придерживаются казахи. Только треть казахстанцев – 31,2% – в той или иной степени критично оценивают состояние межнациональных отношений в стране.

Таблица 1

Как Вы оцениваете состояние межнациональных отношений в регионе, где Вы проживаете? (% от числа опрошенных)¹²⁹

	Всего	Казахи	Русские	Другая национальность
Межнациональные отношения стабильные	45,8	9	6	8
Имеется небольшая напряженность в отношениях между отдельными этническими группами	26,1	22,7	31,5	28,9
Налицо сильная межнациональная напряженность, то и дело вспыхивают конфликты на национальной почве	5,1	4,4	6,3	5,8
Затрудняюсь ответить	22,9	24	21,4	21,5

Однако нормализация межнациональных отношений, безусловно способствующая генерации новой казахстанской национальной идентичности при прочих равных условиях, не имеет отношения к подлинной интеграции народов, предполагающей сохранение за нетитульным народом достойного социально-по-

литического статуса. Об этом говорят данные другой таблицы, составленной на основе данных опроса (см. таблицу 2).

В условиях повсеместной информатизации общества существенным, если не главным, фактором повышения социально-политической активности российской диаспоры в странах СНГ становятся диаспоральные коммуникации между различными группами интересов в самой диаспоре, между диаспорой и официальной властью и, особенно, диаспорой и материнским государством. Примеры эффективной работы диаспорального коммуникативного механизма через Интернет приводил в своем выступлении на семинаре в Институте стран СНГ руководитель Днепропетровской русской общины В.П. Трухов¹³⁰.

Таблица 2

С какими фактами нарушения прав Вам приходилось сталкиваться за последний год?¹³¹

	Всего	Казахи	Русские	Другая национальность
1	2	3	4	5
Усиление этнических предрассудков, неприязненное отношение к людям других национальностей по месту работы, учебы, жительства, к приезжим	16	14	19,1	17,9
Оскорбления, унижение человеческого достоинства, хулиганские действия, конфликты и другие нарушения общественного порядка	11,7	9,2	16,3	13
Назначение на руководящие или престижные должности	10,7	8,8	13,4	13,4

1	2	3	4	5
Прием или увольнение с работы	8,5	8,1	8,5	10,2
Поступление в учреждения образования	4	3,7	4,4	4,2
Националистическая пропаганда в СМИ	1,7	1,4	2,6	1,2
Деятельность организаций националистического толка	1,4	1,4	1,5	1,2
Ни с чем из перечисленного не сталкивались	31	22,7	27,1	27,8
Затруднились ответить	28,3	28,3	28,1	28,7
Другое	1,2	1,2	1,6	0,7

Напротив, данные проведенного в марте 2006 г. опроса российского населения о ситуации в Приднестровье и проблемах соотечественников в этом регионе показывают, что при технической возможности создания эффективного коммуникативного механизма, таковой в связи российская диаспора – российское население практически отсутствует.

Диаграммы и таблица № 3 показывают степень информированности россиян о положении дел с их соотечественниками в Приднестровье, а политическая позиция, выраженная в ответах, общность в восприятии проблем.

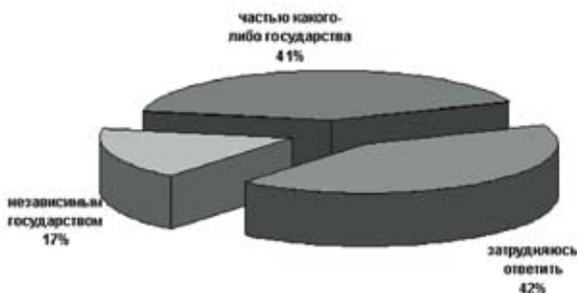
Трудности, происшедшие в последнее время с российскими соотечественниками в странах СНГ, в известном смысле, необратимая метаморфоза, которая дает значительное основание полагать, что продуктивным путь консолидирующих усилий российской диаспоры и диаспоральной политики России сегодня лежит в плоскости актуализации международных правовых норм во взаимоотношениях: нетитульное население – власть.

Если сразу после развала СССР определение положения россиян в новых независимых государствах правового статуса «национальное меньшинство» не соответствовало их реальному положению (не соответствует и сегодня, например, в Белоруссии и на Украине), то в настоящий момент такая идентификация позволила бы, основываясь на международной правовой базе,

позиционировать свои политические амбиции и права, имея в качестве аргумента не просто этнонациональные претензии, но авторитет международного права. Остановимся на этом аспекте проблемы очень кратко, так как в современной науке вопрос международной правовой базы рассмотрен достаточно¹³².

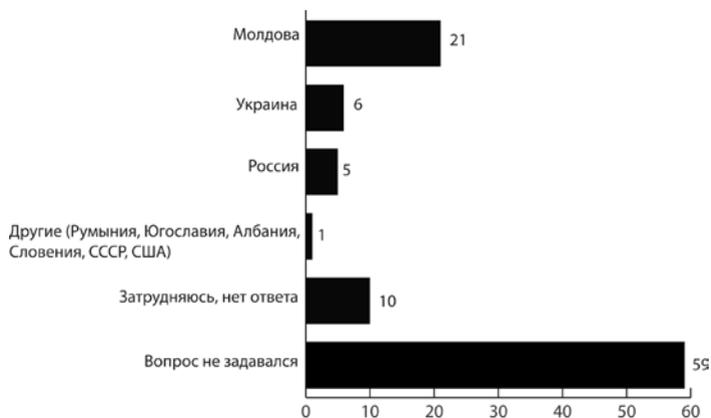
Таблица 3

Как Вы считаете, официально сегодня Приднестровье является независимым государством или частью какого-либо государства?¹³³

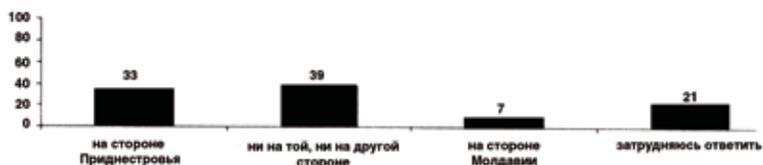

По Вашему мнению, частью какого государства является Приднестровье?

(Открытый вопрос. Задавался заявившим, что сегодня Приднестровье официально является частью определенного государства – 41% от всех опрошенных)

Приднестровье – это самопровозглашенная республика на территории Молдавии. При этом добивается независимости, хочет выйти из состава Молдавии. А молдавские власти хотят оставить Приднестровье в составе Молдавии. На чьей стороне Ваши симпатии – на стороне Приднестровья, на стороне Молдавии или ни на той, ни на другой стороне?

Понятия «национальное меньшинство» и «этническое меньшинство» фигурируют в международных документах, таких как Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН) и Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств Совета Европы (принята 18 апреля 1995 года).

Содержание, которое вкладывается в понятие «национальное меньшинство» в социологии, истории, антропологии, политологии и других дисциплинах существенно различается. Разработка данного понятия в международном праве связана с необходимостью отграничить данную категорию с целью правовой защиты соответствующих групп населения, поэтому некоторые общности, являющиеся национальными меньшинствами в обыденном смысле или признаваемые таковыми в других науках, с точки зрения международного права таковыми не являются. Типичный пример этого – иностранцы, которые могут образовывать и образуют во многих странах этническую общность, но при этом они не являются ею в правовом смысле, т.е. не могут рассчитывать на правовую защиту в качестве национального меньшинства.

В 1992 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. В документе изложены права меньшинств и их отдельных представителей на самобытность, защиту со стороны государства, пользование своими культурой, языком, верой, создание своих объединений, свободные и мирные контакты через границы

с гражданами других государств той же национальности, религии и языка, активное участие в решении вопросов, их касающихся и т.д. В Декларации также зафиксированы обязанности государств: охранять самобытность меньшинств, создавать благоприятные условия для выражения и развития ими своей культуры, языка, религии, содействовать их полному участию в развитии данного государства, учитывать законные интересы меньшинств в своей внутренней и внешней политике и т.д. Вместе с тем, в документе ничего не сказано о том, кого же следует относить к национальным меньшинствам.

В международном праве давно ведутся поиски универсального понятия меньшинства, но до настоящего времени они были безуспешными. В Европе, например, государства – члены Совета Европы не достигли согласия в трактовке данного понятия. В Пояснительном докладе к Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств указывается, что «на данном этапе не представляется возможным дать такое определение, которое получило бы общее одобрение» (пункт 12). В качестве ориентира обычно используется определение, предложенное в Рекомендации Парламентской Ассамблеи Совета Европы 1201 (1993 г.) «О дополнительном Протоколе о правах национальных меньшинств в Европейской конвенции о правах человека». В ст. 1 проекта Протокола предусматривалось, что выражение «национальные меньшинства» относится к группам лиц, которые проживают на территории государства и являются гражданами данного государства, имеют давнюю, неизменную и устойчивую связь с этим государством; обладают явно выраженными этническими, культурными, религиозными или языковыми характеристиками; являются, несмотря на меньшую численность по сравнению с остальным населением страны в целом или отдельного ее региона, достаточно представительными; стремятся сообща сохранить все то, что составляет их общую идентичность, включая собственную культуру, традиции, религию или язык.

В научной литературе наиболее признанным является определение, автор которого известный юрист – специалист в области международного права Ф. Капоторти. По его мнению, под меньшинством понимается «меньшая по численности, не занимающая господствующего положения группа, члены которой -граждане этого государства – обладают с этнической, религиозной или языковой точки зрения характеристиками, отличающимися от характеристик основной части населения, и проявляют, пусть даже косвенно, чувство солидарности с целями сохранения своей культуры, своих традиций, своей

религии или своего языка¹³⁴. Это определение отражает как объективные, так и субъективные стороны понятия и содержит четыре критерия для выделения национального меньшинства: первый критерий носит численный характер; второй – качественный: худшее положение меньшинства по отношению к большинству; третий – наличие специфических этнических, религиозных или языковых характеристик; четвертый – осознанное чувство солидарности.

Нетрудно заметить, что международно-правовой подход к национальным меньшинствам, носит достаточно специфический характер, поскольку группы лиц, обладающих явными и признаваемыми всеми этническими отличиями, но не являющихся гражданами данного государства не образуют национального меньшинства.

Следует отметить, что само существование этнических, культурных, языковых и религиозных отличий не обязательно порождает национальные меньшинства, поскольку решение о признании меньшинствами групп на территории каждой страны оставлено за государством. Таким образом, с точки зрения международного права, национальные меньшинства есть там, где их существование признано государством, в противном случае на эти объективно существующие меньшинства не распространяются международные документы и международная защита. Кроме того, на основе выработанного наукой международно-правового определения понятия «меньшинства» и международных нормативных актов каждое государство принимает собственное определение.

В Конвенции (статья 3) говорится совершенно прямо, что каждый, принадлежащий к национальному меньшинству, имеет право самостоятельно решать, хочет он или нет, чтобы с ним обращались как с лицом, принадлежащим к национальному меньшинству, и в связи с этим выбором данному лицу не должно причиняться какого-либо ущерба. Но возникает интересный вопрос: получается, что это право выбора имеют только, говоря словами Конвенции, лица, принадлежащие к национальному меньшинству. Но кто и как решает, какое лицо принадлежит к национальному меньшинству, а какое нет, т.е. кто имеет это право выбора? Если обратиться к пояснительной записке к Конвенции, то там на этот счет, хотя и не совсем четко, говорится, что решение о принадлежности к национальному меньшинству не может быть абсолютно произвольным и должно основываться на некоторых «объективных критериях». Впрочем, о том, что это за критерии, в записке не поясняется.

Рамочная конвенция рассматривает права меньшинств как индивидуальные права, которые в ряде случаев можно реализовать совместно с другими лицами, принадлежащими к данной группе. Определение же Рекомендации 1201 сформулировано в терминах коллективных прав. Меньшинство рассматривается как группа, и в этом фундаментальное противоречие. Существует очень мало государств, которые пытались ввести какие-то собственные «групповые» дефиниции, например,

Венгрия. Венгерский закон 1993 г. определяет меньшинства как группу, которая проживала на территории Венгрии более ста лет.

В отличие от «национального меньшинства» понятие «диаспора» не является правовым понятием и за ним юридически не закреплена возможность представлять и защищать свои интересы в системе государственных и межгосударственных институтов.

Конечно, признание универсальным правового статуса россиян в странах СНГ в качестве «национального меньшинства» было бы преждевременным и политически неверным. Например, на Украине, где ассимиляционные процессы тоже дают о себе знать, тем не менее, реальное положение россиян даже при неблагоприятной политической ситуации будет еще долгое время выходить за рамки этой правовой институции.

Таким образом, рассмотрение политического феномена интеграции российской диаспоры в постсоветское политическое пространство позволяет сделать некоторые выводы.

– Имеющее хождение в научной литературе, прикладных исследованиях и публичной риторике утверждение о том, что российская диаспора в ближнем зарубежье сохраняет возможность выбрать из трех сценариев жизненного поведения: «ассимиляции в титульную культуру и язык, отъезд в Россию и отстаивание равного статуса в новом сообществе»¹³⁵ не корректно. По крайней мере, последняя поведенческая парадигма имеет свою территориальную локализацию. Гипотетически сохраняют такую возможность россияне в Казахстане, Киргизии, Молдове, Украине.

– Процесс интеграции российской диаспоры в политическое пространство стран СНГ структурирован по периодам, имеющим свои качественные характеристики и сущностные черты.

– Изменения, происшедшие в течение последнего периода, в значительной степени обусловили имманентность политического пространства ближнего зарубежья интеграции с новым субъектом – формирующейся российской диаспорой.

Государственная диаспоральная политика как фактор социально-политического поведения россиян в странах СНГ

Помимо объективных факторов, определяющих сценарий социально-политического поведения российских соотечественников в ближнем зарубежье, большое значение имеет диаспоральная политика России как материнского государства. В предыдущих разделах мы говорили о том, что социально-политическая обстановка и международный престиж исторической Родины прямо влияет на консолидирующие процессы внутри новой общности стран СНГ.

В становлении политической позиции, как и активности ее реализации, особую роль, кроме осознания сопричастности со стабильной и сильной материнской страной, приобретает ощущение интегрированности в российское политическое пространство, инструментом формирования которого является диаспоральная политика. Диаспоральная политика России является необходимой основой привлечения к активной политической жизни стран СНГ представителей российской диаспоры.

Кроме того, диаспоральная политика России результирует не только в мотивации политического поведения ее объектов, но и способствует складыванию субъектности собственно диаспоральной общности, находящей «выход» в самоорганизации и социально-политической идентификации.

Активизация российской диаспоральной политики со второй половины первого десятилетия нового века способствовала резкому всплеску процесса самоорганизации и политической активности россиян в бывших союзных республиках. В полной мере принципиальная позиция России в острых ситуациях, связанных с жизненной позицией соотечественников (проблемы присутствия кораблей НАТО в Крыму, преследования ветеранов ВОВ, пересмотра исторического прошлого и т.д.), является катализатором политических настроений российской диаспоры.

В современной политологии уже имеются попытки рассмотреть российскую диаспору как фактор политического влияния на постсоветском пространстве¹³⁶.

Процесс формирования российской диаспоральной политики развивался неравномерно и обуславливался обстоятельствами, определившими качественные отличия его этапов. Причины малой эффективности диаспоральной политики пер-

вого этапа (вторая половина 1990-х годов) целиком коренились в неверных исходных предположениях о полноценной замене советской государственности, вновь созданной на основе Содружества Независимых Государств. В реальности центробежные устремления местных политических элит привели к дезинтеграции бывших союзных республик и откату консолидирующего потенциала на уровень значительно более низкий, чем в европейском Союзе (чей пример активно пропагандировался в качестве возможной модели будущей государственности).

Официальные власти Москвы в политической позиции на постсоветском пространстве умышленно избегали акцента на национальную идентичность русскоязычного населения стран СНГ, так как стремились избежать массовой миграции соотечественников на историческую Родину, испытывавшую серьезные социально-экономические проблемы. Например, содержание многочисленных российско-казахстанских встреч на высшем уровне практически не включало вопросов, связанных с соблюдением прав россиян в Казахстане, и выглядело так, как будто этой проблемы вовсе не существовало¹³⁷. Президент РФ Б.Н. Ельцин благодушно выслушивал «теоретические» открытия Н. Назарбаева о включении всех представителей бывшей «исторической общности советский народ» в постсоветскую интеграцию новой казахстанской нации.

Выстраиванию реалистической диаспоральной политики препятствовала явная переоценка роли сложившихся институтов международного права в складывании цивилизованного миропорядка на постсоветском пространстве, обеспечивающего самобытное и свободное развитие нетитульных народов в бывших союзных республиках.

Кроме того, позиция администрации Б. Ельцина исходила из рационального соображения делегирования части проблем, связанных с гуманитарной катастрофой, обусловленной развалом СССР. вновь образовавшимся независимым государствам, что, вне всякого сомнения, пагубно отразилось на положении российских соотечественников. Итогом такого видения диаспоральной политики стало упущенное в этой сфере время, в течение которого произошли необратимые процессы, сказавшиеся не только на социально-политическом и материальном положении соотечественников, но и на престиже и международном авторитете России.

Таким образом, упущенные возможности первого этапа диаспоральной политики привели во многом к невозможным потерям.

Во-первых, современные потребности консолидации российской диаспоры в странах СНГ требуют значительно больших материальных, моральных и политических затрат. Упущенные возможности, когда «советский цемент» еще позволял опереться на фундамент прежних десятилетий, сегодня оборачиваются необходимостью опережающей стратегии, способной остановить происходящие процессы разрушения российской идентичности русскоязычного населения стран СНГ.

Во-вторых, в результате «политического забвения» 90-х годов трансформировался сам «диаспоральный материал». Наиболее пассионарная его часть покинула «малую Родину» и тем самым обеднила социальную среду, продуцирующую диаспоральных лидеров.

В-третьих, дезинтеграционные процессы в СНГ существенно ослабили потенциальные возможности России политического влияния в бывших союзных республиках.

Потенциал зарубежных диаспор активно используется целым рядом государств в своей внешнеполитической деятельности. Многие из них имеют официальные концепции или программы по взаимодействию с организациями «зарубежных соотечественников», при этом поддержка зарубежной диаспоры определяется как важное направление внешнеполитической деятельности. В некоторых странах (Франция, Китай, Венгрия и др.) существуют государственные ведомства, координирующие политику в отношении своих соотечественников за рубежом.

По мнению многих исследователей-политологов, в современном мире диаспоры превращаются в активную общественную силу, способную содействовать или противостоять определенным политическим процессам, не исключая возможности сознательного воздействия и их регулирования, особенно в такой сфере, как защита национальных интересов вне стран проживания своего народа.

Ряд специалистов-политологов отмечает, что цель внешнеполитического курса России по отношению к русской диаспоре в странах СНГ и Балтии – не допустить изоляции русского населения от материнской части своей нации, его насильственной ассимиляции и дискриминации в районах нынешнего проживания.

Другая часть политологов полагает, что диаспора обладает политическими функциями и является важным фактором системы международных отношений и необходимо использовать ее политический потенциал в интересах России, иначе велика вероятность его использования другими странами в своих интересах.

Важен и другой аспект государственной поддержки соотечественников, а именно: российская диаспора за рубежом составляет социальную опору интересов Российской Федерации в государствах постсоветского пространства. Будучи носителями языков и культуры России, соотечественники являются, по сути, форпостом своей духовной и исторической родины за ее пределами. Именно поэтому поддержка зарубежной диаспоры и развитие связей с Россией, сохранение очагов российской культуры за рубежом соответствует цели продвижения культурного влияния Российской Федерации на сопредельные страны.

От успехов в работе с соотечественниками в значительной мере зависят результаты сохранения и развития влияния России на зарубежные государства, поэтому этот аспект внешней политики России нельзя недооценивать.

В последнее время связи по линии «Россия – российская диаспора» приобрели, несмотря на все сложности, прежде всего в самих диаспорах, заметную динамику и качественно новый характер, суть которого в переходе от простой патерналистской модели оказания гуманитарной помощи к партнерским отношениям, от раздробленности к консолидации и взаимодействию по тем проблемам, которые действительно волнуют все¹³⁸.

Формирование правового поля, регламентирующего политику Российской Федерации по поддержке соотечественников в зарубежных странах, началось с 1994 года (Указ Президента Российской Федерации «Об основных направлениях государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом» и постановление Правительства Российской Федерации «Основные направления государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом»), где отмечалось, что наши соотечественники за рубежом столкнулись со сложной экономической, культурной и психологической ситуацией и нуждаются в помощи и поддержке России¹³⁹.

Следует отметить, что международные соглашения со странами СНГ, затрагивающие гуманитарное сотрудничество и статус граждан Российской Федерации, проживающих за рубежом, слабо используются в целях защиты интересов соотечественников. Помощь России соотечественникам за рубежом оказывается на основе соответствующих двусторонних соглашений, путем принятия мер, согласованных с государственными органами власти соответствующей страны. При этом, как содержание договоров, так и сами меры по поддержке соотечественников за рубежом должны учитывать специфику ситуации в каждой стране.

Основополагающими документами в части работы с соотечественниками в проверяемый период являлись «Концепция поддержки Российской Федерацией соотечественников за рубежом на современном этапе» (далее – Концепция), одобренная Президентом Российской Федерации 30 августа 2001 года и Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (с изменениями от 31.05.2002, 22.08.2004, 29.12.2004, 31.12.2005, 18.07.2006) (далее – Закон)¹⁴⁰.

В Концепции обозначены основные направления поддержки соотечественников, однако, концептуальный документ, отражающий системные меры как по защите интересов соотечественников в сфере правового обеспечения, культурных и гуманитарных потребностей, так и в области развития взаимодействия России с российскими диаспорами различных стран проживания и социальных групп, при изменившейся в настоящее время ситуации в России, странах ближнего и дальнего зарубежья и на международной арене, до настоящего времени не разработан.

Отдельные положения вышеупомянутого Закона нуждаются в уточнении.

Под понятием «соотечественники за рубежом» подразумеваются граждане Российской Федерации, постоянно проживающие за пределами Российской Федерации (далее – граждане Российской Федерации, проживающие за рубежом); лица, имевшие гражданство СССР, проживающие в государствах, входивших в состав СССР, получившие гражданство этих государств или ставшие лицами без гражданства (далее – лица, состоявшие в гражданстве СССР); выходцы (эмигранты) из Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР и Российской Федерации, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность и ставшие гражданами иностранного государства, либо имеющие вид на жительство или ставшие лицами без гражданства (далее – выходцы (эмигранты)); потомки лиц, принадлежавших к вышеуказанным группам, за исключением потомков лиц титульных наций иностранных государств (далее – потомки соотечественников).

Такое расширительное толкование является неконкретным для закрепления его на правовом поле и не позволяет определить механизм и соразмерить реальные ресурсы России для поддержки соотечественников за рубежом.

Опыт зарубежных государств показывает, что наиболее эффективным является выстраивание работы с диаспорой не по

страновому, а по стратовому признаку, предполагающему консолидацию социально значимых слоев диаспоры, выступающих в качестве опорных точек по работе с соотечественниками. Стратовый подход закреплен в программе правительства Москвы и осуществляется практически. Причем, в качестве одного из основных стратов выбрана деловая элита русского зарубежья. Попытки осуществить стратовый подход предпринимает Администрация г. Санкт-Петербурга, выделив в качестве объектов две социальные группы: ветераны и молодежь.

Следует отметить, что на современном этапе концепция работы с соотечественниками строится не на их гражданской принадлежности, а на принципе этнокультурной и духовной самоидентификации соотечественника, что ставит во главу угла не вопрос статуса при приобретении каких-либо льгот, а вопрос личного выбора и самоопределения. Принято, что соотечественниками считаются лица, постоянно проживающие за пределами Российской Федерации, но связанные с Россией историческими, этническими, культурными, языковыми и духовными узами, стремящиеся сохранить свою российскую самобытность и испытывающие потребность в поддержании контактов и сотрудничестве с Россией.

Кроме того, в Законе содержатся положения, которые не были исполнены, в силу того, что не были разработаны формы и механизм их реализации. Так, в статье 3 Закона декларируется порядок признания и подтверждения принадлежности к соотечественникам. Принадлежность к соотечественникам подтверждается специальным документом (свидетельством) установленного Правительством Российской Федерации образца. Выдача документа (свидетельства) за пределами территории Российской Федерации производится соотечественнику по письменному заявлению лица в месячный срок дипломатическими представительствами или консульскими учреждениями Российской Федерации, на территории Российской Федерации – территориальными органами федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции по месту пребывания лица. Необходимо отметить, что в настоящее время не разработаны и не утверждены механизм и порядок выдачи подобного документа, при этом, одна из причин этого – неопределенность понятия «соотечественник», о чем упоминалось выше. В то же время в дипломатических кругах существует мнение, что идентификация соотечественников как таковых, путем официальной регистрации государственными органами

Российской Федерации с последующей выдачей специального удостоверения представляется мерой, которая не отвечает обычной международной практике и может вызвать осложнения в отношениях России с иностранными государствами.

Деятельность по организации работы с соотечественниками за рубежом в России осуществляется федеральными органами законодательной и исполнительной власти, а также на уровне органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, неправительственных и общественных организаций.

На федеральном уровне координацию в отношении соотечественников за рубежом осуществляет Правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом (далее – ПКДСР, Комиссия) созданная в 1994 году (постановление Правительства Российской Федерации от 31 августа 1994 г. № 1064), на которую, согласно Положению, утвержденном) постановлением Правительства Российской Федерации от 11 декабря 1994 г. № 1369 (с изменениями) возложены функции по координации деятельности федеральных органов власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и общественных организаций, а также контроль за деятельностью министерств и ведомств Российской Федерации по реализации Основных направлений государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом и систематическое информирование Правительства Российской Федерации и Президента Российской Федерации о ходе их реализации.

ПКДСР обеспечивает реализацию первоочередных мероприятий по поддержке соотечественников за рубежом и осуществляет контроль за использованием финансовых средств, выделяемых из федерального бюджета на поддержку соотечественников. Ежегодно Комиссией утверждается Перечень направлений использования бюджетных средств на поддержку соотечественников за рубежом (далее – Перечень направлений) с указанием конкретных мероприятий и показателей их финансирования.

Кроме того, в функции Комиссии входит контроль за выполнением постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации по вопросам, относящимся к ее компетенции, разработка предложений по совершенствованию правовой базы для реализации мер, направленных на поддержку соотечественников за рубежом, а также проектов решений федеральных органов исполнительной власти и межгосударственных соглашений по вопросам поддержки соотечественников за рубежом.

Также Комиссия организует мониторинг положения соотечественников за рубежом и регулярно информирует Президента Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, другие органы государственной власти, общественные организации и средства массовой информации о состоянии работы с соотечественниками и предпринимаемых действиях, совместно с МИДом России взаимодействует с правительственными органами зарубежных государств и международными организациями по вопросам выработки двусторонних и многосторонних соглашений о поддержке соотечественников, проживающих за рубежом, способствует участию коммерческих и некоммерческих организаций в реализации мероприятий по поддержке соотечественников за рубежом.

С 1 ноября 2005 года в МИДе России учрежден Департамент по работе с соотечественниками за рубежом, который, согласно Положению, обеспечивает выполнение решений высших органов государственной власти по реализации государственной политики в отношении соотечественников за рубежом, защите их прав и законных интересов, играет координирующую роль в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации по этой проблеме, обеспечивает деятельность ПКДСР.

Потребности усиления российской позиции на постсоветском пространстве вызвали к жизни Указ Президента РФ Д. Медведева № 1315 от 6 сентября 2008 года «О создании Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество)»¹⁴¹.

Агентство является правопреемником Российского центра международного научного и культурного сотрудничества при МИД России, федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом в сфере обеспечения и развития международных отношений Российской Федерации с государствами-участниками СНГ, другими иностранными государствами, а также в сфере международного гуманитарного сотрудничества.

Основные исполнители Программы – министерства и ведомства Российской Федерации. В качестве соисполнителей по согласованию могут выступать Администрация Президента Российской Федерации, соответствующие комитеты палат Федерального Собрания Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, российские общественные и религиозные организации.

Координация и контроль за исполнением Программы возложены на Правительственную комиссию по делам соотечественников за рубежом.

Поддержка российских соотечественников за рубежом отнесена к числу основных задач ряда федеральных органов исполнительной власти¹⁴².

Постановление Правительства Российской Федерации «О Программе мер по поддержке соотечественников за рубежом» предписывает федеральному Министерству финансов предусматривать ежегодно средства на выполнение мероприятий программы при формировании проектов федерального бюджета, а федеральным органам исполнительной власти и органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации при планировании своей работы учитывать мероприятия, предусмотренные Программой.

В соответствии с Программой мер по поддержке соотечественников за рубежом постановлением Правительства РФ от 16 октября 2000 г. № 785 утвержден Порядок использования средств, выделяемых из федерального бюджета на реализацию мероприятий по поддержке соотечественников, проживающих в государствах – участниках СНГ и государствах Балтии¹⁴³. Порядок предусматривает следующие приоритетные направления использования бюджетных средств: 1) содействие в проведении в Российской Федерации мероприятий с участием общественных организаций соотечественников, проживающих в государствах – участниках СНГ и государствах Балтии (далее именуются – соотечественники); 2) приобретение и доставка учебной и учебно-методической литературы, а также учебного оборудования в школы и высшие учебные заведения с преподаванием на русском языке в государствах – участниках СНГ и государствах Балтии; 3) проведение в Российской Федерации мероприятий для соотечественников в области образования, науки и культуры, а также мероприятий лечебно оздоровительного характера; 4) оказание содействия соотечественникам в области реализации права на получение информации на родном языке¹⁴⁴; 5) оказание гуманитарной и безвозмездной материальной помощи особо нуждающимся категориям соотечественников; 6) оказание помощи в защите основных прав и свобод соотечественников. Таким образом, именно на этих направлениях Российское государство предполагало сосредоточить свои усилия в 2000–2002 г. 22 мая 2002 г. правительственным постановлением № 330¹⁴⁵ вышеизложенное постановление «Об утверждении Порядка использования средств, выделяемых из

федерального бюджета на реализацию мероприятий по поддержке соотечественников, проживающих в государствах – участниках СНГ и государствах Балтии» признано утратившим силу. Взамен его тем же постановлением утверждены Правила использования средств федерального бюджета, выделяемых на реализацию мероприятий по поддержке соотечественников, проживающих за рубежом. Отныне перечень направлений использования средств федерального бюджета, выделяемых на поддержку соотечественников, определяется Правительственной комиссией по делам соотечественников за рубежом.

Повышению эффективности работы с соотечественниками способствует их материальная поддержка. Положительная динамика выделяемых средств на поддержку соотечественников по линии посольств видна из таблицы 4.

Нетрудно заметить, что в числе важнейших мер по оказанию эффективной помощи российским соотечественникам за рубежом рассмотренные внутригосударственные нормативные акты называют активизацию уже существующих международно-правовых механизмов по защите прав человека и национальных меньшинств, разработку аналогичных механизмов в рамках Содружества Независимых Государств, а также заключение двусторонних соглашений между Российской Федерацией и государствами – бывшими республиками СССР.

Таблица 4

Распределение средств, выделенных посольствам Российской Федерации в странах СНГ и Балтии, на поддержку соотечественников за рубежом¹⁴⁶

Посольства Российской Федерации в странах СНГ и Балтии	Выделено бюджетных средств, тыс. руб.		
	2004 г.	2005 г.	2006 г.
1	2	3	4
Азербайджан	5 760,0	10 793,0	11 928,0
Армения	7 531,0	8 640,0	8 7890,0
Белоруссия	4 635,0	2 380,0	8 084,0
Грузия	8 235,0	8 035,0	7 855,0
Казахстан	13 254,7	19 482,8	29 512,1
Киргизия	11 978,0	17 107,0	16 445,0
Латвия	15 520,7	16 993,0	21 312,0

1	2	3	4
Литва	10 071,0	12 148,0	23 291,1
Молдавия (с Приднестровьем)	9 494,3	9 662,5	12 743,1
Таджикистан	4 061,0	1 285,0	8 510,0
Туркмения	2 856,0	4 255,0	5 470,0
Узбекистан	12 078,0	17 902,4	19 427,7

Гарантии недискриминации граждан одного государства, проживающих на территории другого государства, и/или национальных меньшинств содержатся также в двусторонних соглашениях об основах межгосударственных отношений Российской Федерации и государств – бывших республик СССР¹⁴⁷. Сегодня такие базовые договоры заключены Россией со всеми республиками бывшего СССР, однако не все они ратифицированы одной или обеими сторонами и вступили в силу.

Например, ст. 12 российско-украинского договора о дружбе: «Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечивают защиту этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности национальных меньшинств на своей территории и создают условия для поощрения этой самобытности. Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон гарантирует право лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, индивидуально или совместно с другими лицами, принадлежащими к национальным меньшинствам, свободно выражать, сохранять и развивать свою этническую, культурную, языковую или религиозную самобытность и поддерживать и развивать свою культуру, не подвергаясь каким-либо попыткам ассимиляции вопреки их воле. Высокие Договаривающиеся Стороны гарантируют право лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, полностью и эффективно осуществлять свои права человека и основные свободы и пользоваться ими без какой либо дискриминации и в условиях полного равенства перед законом. Высокие Договаривающиеся Стороны будут содействовать созданию равных возможностей и условий для изучения русского языка в Украине и украинского языка в Российской Федерации, подготовки педагогических кадров для преподавания на этих языках в образовательных учреждениях, оказывать в этих условиях равноценную государственную поддержку». Между тем если в 1991 г. на Украине было 22000 школ на русском языке, сейчас только 2300¹⁴⁸.

С Туркменистаном у Российской Федерации существует Договор о сотрудничестве в целях обеспечения прав российского меньшинства в Туркменистане и туркменского – в Российской Федерации (Москва, 18 мая 1995 г.; вступил в силу 10 июня 1997 г.)¹⁴⁹.

Гарантии защиты прав российских соотечественников в области информации, культуры, образования и науки включены в соответствие двусторонние соглашения России с республиками бывшего СССР¹⁵⁰.

В области социальной защиты в настоящий момент существуют двусторонние соглашения России с Арменией¹⁵¹, Белоруссией¹⁵², Грузией¹⁵³, Казахстаном¹⁵⁴, Киргизией¹⁵⁵, Молдавией¹⁵⁶ и Украиной¹⁵⁷. Преимущественно это договоренности о трудовой деятельности и социальной защите трудящихся за пределами своих государств (российские военные пенсионеры – особая тема).

Положения о равенстве правовой защиты российских граждан и граждан государства их пребывания в отношении личных и имущественных прав помимо Конвенции СНГ содержатся в двусторонних договорах Российской Федерации и рядом бывших республик СССР: Латвией¹⁵⁸, Литвой¹⁵⁹, Эстонией¹⁶⁰, Молдавией¹⁶¹, Азербайджаном¹⁶², Киргизией¹⁶³, Грузией¹⁶⁴.

Несмотря на то, что с начала нынешнего тысячелетия российская политика в отношении соотечественников в странах СНГ претерпела позитивные качественные изменения, тем не менее в силу обозначенных причин ее результативность остается низкой. Иллюстрацией результативности диаспоральной политики России может служить социологическое исследование реализации Государственной программы содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом в Центрально-Азиатском регионе, проведенное Институтом стран СНГ по заданию МИД РФ в 2008 г., и включавшего в том числе показатели информированности россиян, проживающих в странах СНГ, о важнейшей составной части диаспоральной политики России¹⁶⁵.

При этом заметим, что в вопросах переселения на историческую Родину наши соотечественники проявляют наибольшую активность, поэтому российская диаспоральная политика здесь встречает наибольший мотивационный поток со стороны представителей российской диаспоры, чего не скажешь о других ее направлениях.

Программа переселения соотечественников была объявлена два года назад. За это время в Казахстане многие респонденты слышали о Программе (более 70%). Ничего не знают о Про-

грамме около четверти опрошенных. Если учесть, что 37% опрошенных не собираются уезжать из Казахстана, информированность о Программе заинтересованных респондентов – неплохая, только один из 10 желающих покинуть Казахстан не слышал о Программе (таблица 5)¹⁶⁶.

Социологическое исследование проведено в октябре 2008 года в Акмолинской, Актюбинской, Алма-Атинской (Алматинской), Карагандинской, кустанайской (Костанайской), Павлодарской областях в городской и сельской местности.

По типу расселения: 12,1% респондентов было опрошено в столице, 55,1% – в городах, преимущественно в областных центрах, 32,8% – в сельских населенных пунктах.

Число состоявшихся интервью – 1000.

Опрос проводился методом случайного отбора с применением квотной выборки, репрезентирующей взрослое население областей по месту проживания (городская или сельская местность), полу и возрасту.

Наибольшую осведомленность о Программе показали респонденты средних возрастных групп. В группе молодежи до 24 лет и старшей возрастной группе большинство респондентов только слышали о Программе, но суть ее представляют весьма слабо (таблица 6)¹⁶⁷.

Таблица 5

**Знаете ли Вы о Программе добровольного переселения
соотечественников в Россию, которая была утверждена
Указом Президента РФ в июне 2006 года?
(по желанию выехать, %)**

	Желающие выехать на ПМЖ в Россию	Остающиеся в Казахстане
Да, я хорошо знаком с ее содержанием	35,4	14,1
О программе слышал, но суть ее представляю слабо	50,1	45,9
Ничего не знаю об этой программе	12,9	35,7
Затрудняюсь ответить	1,3	2,4
Отказ	0,3	1,9

Таблица 6

**Знаете ли Вы о Программе добровольного переселения
соотечественников в Россию, которая была утверждена
Указом Президента РФ в июне 2006 года?
(по возрасту, %)**

	до 24	25–34	35–54	старше 55
Да, я хорошо знаком с ее содержанием	13,7	35,3	24,4	14,3
О программе слышал, но суть ее представляю слабо	46,9	40,3	53,5	50,8
Ничего не знаю об этой программе	35,8	22,6	19,1	31,7
Затрудняюсь ответить	2,6	1,5	1,7	3,2
Отказ	1,1	0,5	1,4	0

Больше знают о Программе переселения люди с более высоким образовательным уровнем, что объясняется большей доступностью этой категории лиц к СМИ, ресурсам Интернета и пр. (таблица 7).

Таблица 7

**Знаете ли Вы о Программе добровольного переселения
соотечественников в Россию, которая была утверждена Указом
Президента РФ в июне 2006 года?
(по образованию, %) ¹⁶⁸**

	Начальное, неполное среднее	Среднее, среднее специальное	Высшее
1	2	3	4
Да, я хорошо знаком с ее содержанием	6,7	21,0	25,6
О программе слышал, но суть ее представляю слабо	53,3	49,1	48,3

Ничего не знаю об этой программе	40,0	26,7	23,8
Затрудняюсь ответить	0	2,4	1,4
Отказ	0	0,8	0,9

Нет необходимости дополнять приведенные данные по Казахстану аналогичными результатами опроса по Узбекистану, Киргизии, Таджикистану¹⁶⁹. Во всех бывших союзных республиках российские соотечественники достаточно информированы о шагах, предпринимаемых Россией в вопросах «возвращения» россиян на историческую Родину. Факт информированности представителей российской диаспоры можно считать позитивным показателем изменений, происшедших на втором этапе реализации российской диаспоральной политики. Причем важно не только то обстоятельство, что содержание государственных программ по вопросам соотечественников в странах СНГ стало достоянием тех, на кого они ориентированы, но главное, что вытекает из приведенных данных, эти программы затрагивают не проблему «вообще», а нацелены на вопросы, особенно волнующие наших соотечественников.

Вместе с тем, было бы некорректным представлять дело так, как будто сегодня удалось решить все проблемы. Слабым звеном государственной диаспоральной политики по-прежнему является ее результативность, а, следовательно, потенциальная способность влияния на политическую активность россиян в странах ближнего зарубежья. Об этом говорят данные систематического мониторинга, проводимого Институтом стран СНГ попутно с ежегодными исследованиями, проводимыми по заказу Московского Правительства и МИД РФ¹⁷⁰.

Данные опроса тех, кто считает себя российским соотечественником в Казахстане, Киргизии и на Украине, показывают, что практически две трети россиян в странах СНГ не ощущают на своем положении никакого влияния политики России. Причем темпы изменения к лучшему этой ситуации, прямо скажем, далеки от желаемых (таблица 8)¹⁷¹.

При этом ситуацию усугубляет тот факт, что в числе наименее удовлетворенных российской диаспоральной политикой присутствуют группы в трудоспособном среднем возрасте и молодежь, т.е. та часть русскоязычного населения, которая в наибольшей степени несет в себе потенциал политической

обильности и составляет перспективный резерв «интеграционного потенциала» в постсоветское политическое пространство (см. таблицу 9)¹⁷².

Таблица 8

Влияет ли политика России на Ваше положение в стране проживания? (в % к общему числу опрошенных)

	Казахстан		Киргизия		Украина	
	2006 г.	2009 г.	2006 г.	2009 г.	2006 г.	2009 г.
Да, влияет	11,3	12,4	7,1	8,2	17,4	21,6
Влияет, недостаточно	16,1	18,4	6,8	8,4	23,2	24,5
Абсолютно не влияет	72,6	69,2	86,1	83,4	59,4	53,9
Итого	100%	100%	100%	100%	100%	100%

Таблица 9

Влияет ли политика России на Ваше положение в стране проживания? (в % к общему числу опрошенных)

Казахстан				Киргизия				Украина			
до 24 лет	25-34	35-54	старше 55	до 24 лет	25-34	35-54	старше 55	до 24 лет	25-34	35-54	старше 55
Да, влияет											
3,5	4,7	4,4	36,7	1,2	1,7	3,7	28,1	9,2	12,5	18,8	43,2
Влияет, недостаточно											
9,2	10,8	19,7	34,1	1,4	1,8	2,3	27,1	8,8	14,6	25,1	39,8
Абсолютно не влияет											
87,3	84,5	75,9	39,2	97,4	96,5	94,0	71,8	82,0	72,9	56,1	17,0
ИТОГО:											
100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%

Наибольшей результативности политика России по проблемам соотечественников достигает в вопросах миграции на историческую Родину, что вполне объяснимо, и вопросах сохранения культурной самобытности, что также не вызывает сомнений. Над проблемой сохранения российского культурного поля в странах СНГ работают многие общественные организации и государственные ведомства, начиная от библиотек¹⁷³ (см. таблицу 10), до учреждения, специально созданного для этого фонда «Русский мир», имеющего по несколько представительств в каждой стране. Кроме того, успех российской диаспоральной политики в этих направлениях обеспечивается отсутствием противодействия со стороны властных структур стран ближнего зарубежья. При этом желательность больших успехов не преуменьшает значение и этих подвижек в совершенствовании политики России в отношении соотечественников. Результаты в указанных направлениях диаспоральной политики, безусловно, имеют «кумулятивное» свойство и способствуют социально-политической рефлексии россиян, а, следовательно, становлению их жизненной позиции.

Таблица 10

В каких жизненных ситуациях Вы ощущаете влияние политической позиции России?
в % к ответившим положительно)

	Казахстан	Киргизия	Украина
1	2	3	4
В возможности переезда в Россию	21,6	29,2	6,7
В создании благоприятных отношений со страной, где Вы проживаете	17,2	12,3	7,1
В отношении титульного населения к России и к Вам как российскому соотечественнику	5,3	7,4	21,6
В гарантиях Ваших политических и социальных прав	4,1	11,4	14,4

1	2	3	4
В возможности профессионального, карьерного роста	2,2	3,1	3,4
В сохранении культурных и национальных традиций	28,6	26,7	22,5
В другом	21,0	9,9	24,3

Таким образом, мировой опыт показывает важность и значимость эффективной диаспоральной политики материнского государства, в том числе в формировании политической позиции и активности представителей диаспоры.

Российская политика в отношении соотечественников имеет четко очерченные два этапа. На первом этапе, продолжавшемся с середины 90-х годов до начала нынешнего столетия, причины субъективного характера не позволили в полной мере реализовать возможности диаспоральной политики как фактора интеграции россиян в политическое пространство СНГ. Устранение этих препятствий на втором этапе, тем не менее, не создало благоприятных условий для кардинального повышения ее эффективности.

Во-первых, пределы бывших союзных республик покинула наиболее потенциально активная часть русскоязычного населения. Во-вторых, были утрачены уникальные возможности России политического влияния на страны ближнего зарубежья. В-третьих, сложности реализации диаспоральной политики России связаны в настоящий момент с усилившейся тенденцией ассимиляции значительной части россиян в социокультурное пространство новых независимых государств, ее интеграции в «новые нации». В-четвертых, активная реализация политического курса России сегодня сопряжена с большими материальными затратами, которые не всегда возможны для бюджета страны.

При всех несовершенствах диаспоральной политики России следует отметить повышение ее эффективности в плане информированности нетитульного населения стран СНГ и результативности в отдельных ее направлениях, что, безусловно, способствует формированию жизненной позиции россиян в ближнем зарубежье.

ВЫВОД

Таким образом, современная диаспоральная политика, характеризующаяся усилением внимания государства к проблеме соотечественников, особенно в ближнем зарубежье, настоятельно требует решения двух основных академических и практических задач. Во-первых, ее функциональные границы зависят от корректного определения понятия российской диаспоры. Во-вторых, набор средств реализации политики в отношении соотечественников, проживающих в странах СНГ, прямо вытекает из адекватного видения доминирующих линий общественного поведения представителей российской диаспоры. Отсутствие ясности в этих вопросах оборачивается распылением средств и невостребованностью усилий в этом важном политическом направлении деятельности российского государства.

Мнения политологов в этих узловых вопросах расходятся. Одна группа экспертов и ученых полагает, что российская диаспора это понятие, исключаящее этническую идентичность и имеющее только «общегражданские корни». Близкая к этой позиции точка зрения тех, кто считает возможным относить к российской диаспоре всех, кто ощущает социокультурное единство с Россией. Сторонников такой трактовки понятия сближает с экспертами, аргументирующими его содержание в границах нового термина «Русский мир».

Прямо противоположно выглядит позиция сторонников этнической доминанты в содержании понятия «российская диаспора». Причем подавляющее большинство этой группы исследователей склонно считать институциональным качеством российской диаспоры – «русскость». Вместе с тем, на наш взгляд, каждая из этих точек зрения в отдельности грешит недостатками, обусловленными недостаточным учетом того обстоятельства, что российская диаспора, как и материнская общность – российский народ, находится в стадии формирования, далекой от состояния завершенности. Исключение в диаспоральной политике этнического содержания приведет к результатам, прямо противоположным желательным. Как показал опыт, именно этническая составляющая диаспоральных объединений в ближнем зарубежье является наиболее уязвимой точкой, «надавив» на которую можно легко дезинтегрировать их ряды. О доминировании «русскости» в процессе формирования российской диаспоры можно говорить только в плане «перспективного проекта». Русская, как и любая другая, этническая идея может стать доминирующей не по принуждению, а в силу ее всеобщей значимости.

Также преждевременно говорить о «российской идентичности» как о социально-политической реальности. К сожалению, центробежные силы, разобщающие российское общество, пока далеко не преодолены. В настоящий момент нет того стержня, который объединял наш народ в годы испытаний Великой войны, освоения целинных земель, великих строек и т.д.

Думаю, не случайно в официальной лексике мы чаще встречаем не понятие «российская диаспора», а термины «соотечественники», «Русский мир». Вполне возможно, что именно они в большей степени отражают социально-политическую реальность переходного состояния постсоветской общности – российской диаспоры.

Таким образом, российская диаспора это формирующийся организм, основанный на социокультурной общности, гражданской принадлежности и этнической близости с российским народом.

Российское государство, проводя активную диаспоральную политику, ориентируется на три линии общественного поведения соотечественников в ближнем зарубежье:

- интеграция в постсоветское политическое пространство;
- пассивная ассимиляция;
- миграция на постоянное место жительства в Россию.

Соответственно этим линиям поведения выстраивается механизм политики, ориентированной на представителей российской диаспоры, соотношение его отдельных составляющих: социальная и правовая поддержка; содействие социальной и политической консолидации; создание благоприятных условий для переезда в Россию. Безусловно, в тех или иных масштабах все эти компоненты присутствуют в наборе политических мероприятий России в странах СНГ. Однако верная расстановка акцентов, доминирующих политических направлений в различных регионах постсоветского пространства представляется весьма важной, так как позволяет избежать непродуктивных политических усилий и материальных затрат.

Анализ одного из аспектов стратегии диаспоральной политики России – интеграции российской диаспоры в политический процесс стран СНГ – дает основание утверждать, что это направление усилий нашего государства имеет на сегодня четко выраженную территориальную локализацию.

Учитывая, что российская диаспора во многих странах СНГ является важным фактором политического процесса, в качестве актуальной политической задачи современности выдвигается задача ее сублимации в фактор реализации национальных интересов России на постсоветском пространстве.

ГЛАВА II

Имманентность политического процесса стран СНГ интеграции с российской диаспорой

Объективные условия инкорпорации россиян в постсоветское политическое пространство

Предваряя анализ конкретного материала, характеризующего факторы объективного свойства, способствующие или, напротив, создающие препятствия, в том числе и не преодолимые для функционирования россиян в политическом процессе стран СНГ, следует заметить, во-первых, отсутствие в научной литературе ясности в этом вопросе, что, в свою очередь, порождает или ошибочное предположение (питаемое амбициями, сохранившимися с советских времен) о безусловной возможности повышения эффективности политической позиции и активности российской диаспоры в ближнем зарубежье, или огульное отрицание таковой.

Во-вторых, использование оценок, не основанных на научном анализе, ведет к одностороннему возложению всей полноты ответственности за политическую индифферентность большей части россиян на руководство новых суверенных государств, препятствующее обретению россиянами полноценного политического статуса.

Представить реальную картину социально-политического положения россиян в странах СНГ, соотношение объективной и субъективной обусловленности процесса интеграции российской диаспоры в постсоветский политический процесс призван этот и следующий разделы исследования.

С целью выявления наиболее значимых условий интеграции российской диаспоры в политический процесс стран СНГ бы предпринят контент-анализ 717 материалов, размещенных в газетах (Кыргызстана, Казахстана, Украины) за 2007–2009 гг.¹⁷⁴

В качестве критерия значимости предпосылок политической интеграции россиян, выявляемых по материалам СМИ, была принята частота отражения проблем на газетных страницах.

Таким образом, по степени значимости условия вхождения русскоязычного населения в постсоветское политическое пространство выглядят следующим образом (в %).

1. Сохранение функционального пространства русского языка – 43%.

2. Отношения страны проживания с Россией и наличие у населения лояльного отношения к последней – 21%.

3. Сохранение общих исторических традиций и культурных ценностей – 17%.

4. Уровень интеграции в СНГ – 4%.

5. Другие – 15%.

В другие вошли указания на 11 условий, включающие специальные вопросы экономического характера, материального благосостояния, региональные проблемы и т.д., не превышающие в удельном весе 1,7% каждое.

Приведем некоторые, наиболее яркие, выдержки из публикаций, характеризующие вышеприведенные положения.

«Гуманитарная сфера жизни конкретного человека и общества в целом строится в процессе реализации разнообразных человеческих качеств, тех, которые делают человека человеком и позволяют каждому индивиду осуществлять самооценку своего места в мире, оценивать сам мир, формировать способы миропостижения и мировыражения, конструировать и вписываться в определенные социальные модели, придерживаться характерных мировоззренческих схем. Именно в гуманитарной сфере человек осуществляет свои мировоззренческие установки и использует аутентичные средства социальной коммуникации. Самым подлинным средством социальной коммуникации является средство общения между людьми, поэтому выбор и сохранение языка как основного средства общения относится к категории самых высоких гуманитарных требований» (А.С. Филатов. Гуманитарный кризис на Украине как вызов Русскому миру). «Российско-казахстанские отношения как лучший индикатор наших взаимоотношений с властью Астаны. Малейшие колебания в политической атмосфере сразу отражаются на самочувствии русскоязычных Казахстана» (В.И. Любушин. Россия и Казахстан: дружба, прошедшая века). «Выхолащивая исторический опыт братских отношений и общее героическое прошлое народов бывшего Союза, некоторые представители политических элит новых суверенных государств стремятся сформировать представление о враждебности “носителей” советских традиций – россиянах, о невозможности конструктивного диалога с ними» (А.А. Князев. История как средство политической борьбы).

Основу анализа объективных условий вхождения российских соотечественников в политическое поле стран СНГ составили социологические исследования социально-политической ситуации в бывших союзных республиках, проводимых Институтом стран СНГ по заданию Московского Правительства в августе 2008 г.

Сбор первичной социологической информации проводился методом личного интервью (face of face) по месту проживания респондентов. Опрос и регистрация осуществлялись с помощью стандартизованного опросника. Для отбора респондентов применялось квотная выборка, репрезентирующая взрослое население стран по полу, возрасту и региону проживания. Объем выборочной совокупности составил соответственно в Казахстане – 1000 человек, в Кыргызстане – 1000 человек, на Украине – 2295 человек.

Обработка и анализ первичной социологической информации осуществлялись с использованием статистической программы SPSS 11.0 for Windows. Для решения основных задач исследования использовались следующие методы статистики: анализ вариационных рядов, проверка значимости различий, дискриминантный анализ. Для подготовки презентаций результатов исследования использовались пакеты MS Excel и MS Word.

Исследование охватило всю территорию Казахстана, Кыргызстана и Украины, как городов, так и сел. Количественный метод исследования представил опрос респондентов на основе национальной, случайной, стратифицированной выборки, который позволяет провести репрезентативное исследование на уровне регионов стран, городской и сельской местности, возрасту, уровню образования.

Целевой группой являлось взрослое население (в возрасте 18 лет и старше). В основу генеральной совокупности были положены официальные данные о численности и структуре населения на начало 2008 года.

В силу отсутствия у подавляющей части российской диаспоры в странах СНГ (включая Украину) достаточного знания языка титульной нации, основным условием ее присутствия в политике является сохранение в стране проживания функционального пространства русского языка. Проанализируем данные исследования, касающиеся этого аспекта жизнедеятельности наших соотечественников.

В Киргизии, не смотря на то, что 68,5% опрошенных считают себя представителями кыргызской национальности количество тех, кто считает для себя родным языком кыргызский,

несколько ниже – 67,3% . Такая же тенденция просматривается среди представителей узбекской национальности – 13,5 и 12,4% соответственно. Русский язык является родным для 13,9% опрошенных (хотя относят себя к русским 11,4%), при этом еще 3% респондентов назвали два родных языка – кыргызский и русский, а 0,3% – казахский и русский. В целом можно говорить, что русский язык является в Кыргызстане вторым языком по частоте упоминания, в качестве родного.

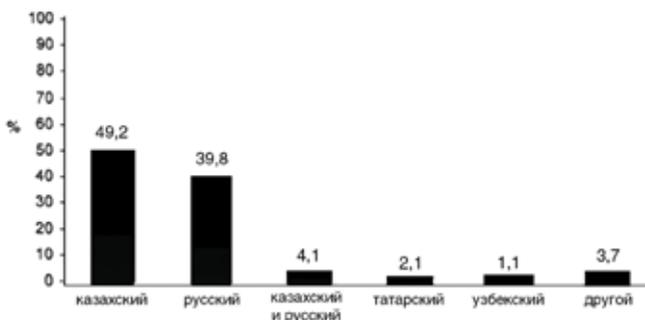
Таблица 11

**Ответы респондентов на вопрос
«Какой язык Вы считаете для себя родным?»¹⁷⁵**

Родной язык	%
кыргызский	67,3
русский	13,9
узбекский	12,4
кыргызский и русский	2,9
турецкий	1,2
казахский	0,4
таджик	0,4
курдский	0,4
казахский и русский	0,3
дунганский	0,3
корейский	0,1
уйгурский	0,1
татарский	0,1
китайский	0,1
туркменский	0,1
Всего	100

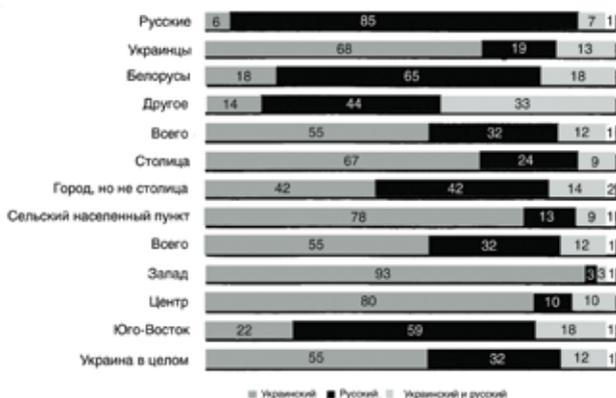
В Казахстане 40% респондентов считают своим родным языком русский. Относительное большинство (49,2%) казахстанцев считают своим родным языком казахский. 4% опрошенных склонны думать, что у них два родных языка – казахский и русский, 0,2% – турецкий и русский 0,1% – казахский и дунганский, татарский, узбекский, немецкий, корейский, дунганский, армянский, чеченский, белорусский, удмурдский, молдавский, болгарский, еврейский.

**Ответы респондентов на вопрос
«Какой язык Вы считаете для себя родным?»¹⁷⁶**

Более половины населения Украины считает украинский язык своим родным языком (см. диаграмму 13). Вместе с тем, для значительной части жителей страны родным языком является русский или же и русский, и украинский языки. При этом удельный вес тех, кто считает русский своим родным языком заметно выше, чем удельный вес идентифицирующих себя с русскими.

Распределение респондентов разных категорий по ответам на вопрос о том, какой язык они считают свои родным (% к отвечавшим)¹⁷⁷

Таким образом, картина сохранения функционального пространства русского языка в странах СНГ в значительно усеченных границах позволяет говорить о наличии объективных условий вхождения российской диаспоры в политическое пространство стран пребывания.

Безусловно, обстоятельством, способствующим этому, является территориальная локализация русскоязычного поля в городах, административных центрах и столицах новых независимых государств.

В Киргизии респонденты, считающие своим родным языком русский, проживают в основном в столице, в то время как кыргызстанцы, упоминающие в качестве родного языка кыргызский – в сельской местности.

Диаграмма 14

**Ответы респондентов на вопрос
«Какой язык Вы считаете для себя родным?»
в разрезе региона проживания, %¹⁷⁸**

Также в Казахстане наибольшая часть респондентов, считающих своим родным языком русский, проживает в столице – 66,7%, в то время как ответы «моим родным языком является казахский» – в селе (59,4%). 97% русских, 48% представителей других национальностей и 3,3% казахов сказали, что их родным языком является один язык – русский.

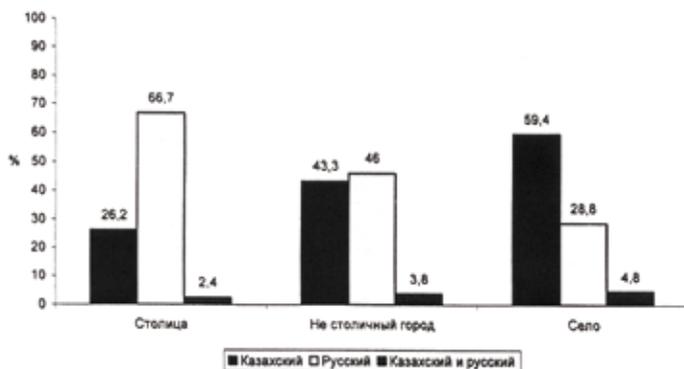
Важнейшей предпосылкой интеграции россиян в политический процесс стран СНГ является отношение страны их проживания и России, наличие у населения лояльного отношения к исторической Родине наших соотечественников.

Как показало исследование, в Киргизии 84% опрошенных – это значительное большинство, относятся к России положительно. Каждый десятый (12,3%) – безразлично и лишь 2%

респондентов сказали, что их отношение к этому ближайшему соседу отрицательно.

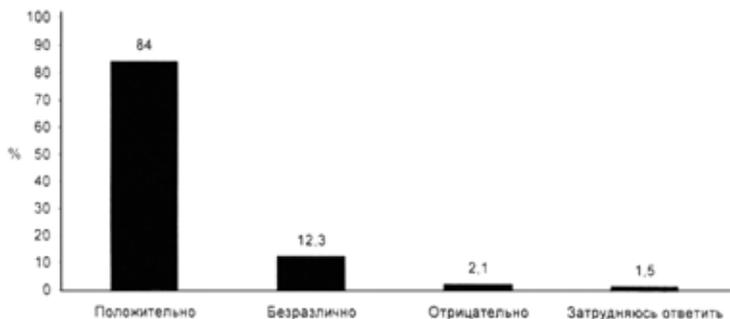
Диаграмма 15

Респонденты, считающие своим родным языком казахский, русский в разрезе региона проживания, %¹⁷⁹

Диаграмма 16

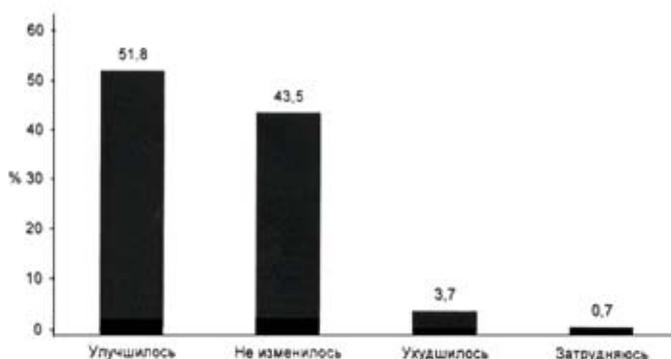
Отношение кыргызстанцев к России, %¹⁸⁰

Отметим, что каждый второй опрошенный отмечает, что его личное отношение к России за последний год улучшилось.

При этом значительна доля кыргызстанцев (44%), которые за истекшие годы ни как не изменили своего отношения к России ни в лучшую, ни в худшую сторону.

Оценка кыргызстанцами изменения своего личного отношения к России за последний год¹⁸¹

Кыргызстанцы считают, что не смотря на то, что и российские и кыргызские власти стремятся в своей политике к сближению двух стран, кыргызские власти делают это несколько больше чем российские.

Тем не менее, Россия по представлению большинства (70%) кыргызстанцев является дружественной страной и кыргызстанцы положительно относятся к деятельности российского бизнеса на своей территории. Учитывая вышеизложенное, по мнению большинства кыргызстанцев, Россия должна более активно развивать экономические и культурные связи с Кыргызстаном.

Оценка населением стремления российских и кыргызских властей в своей политике к сближению двух стран¹⁸²

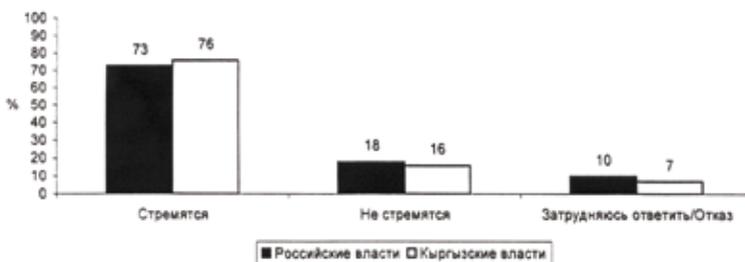

Диаграмма 19

Ответы респондентов на вопрос «Как Вы считаете, Россия – это дружественное или недружественное государство по отношению к Кыргызстану?»¹⁸³

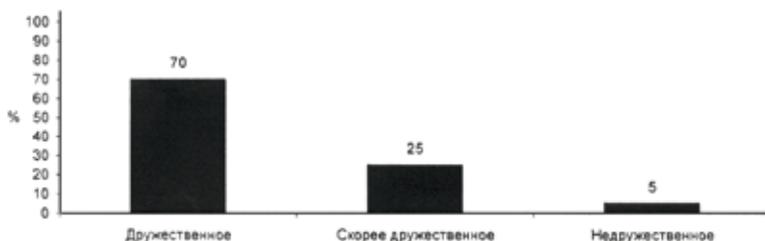

Диаграмма 20

Ответы респондентов на вопрос «Как Вы относитесь к деятельности российского бизнеса на территории Кыргызстана?»¹⁸⁴

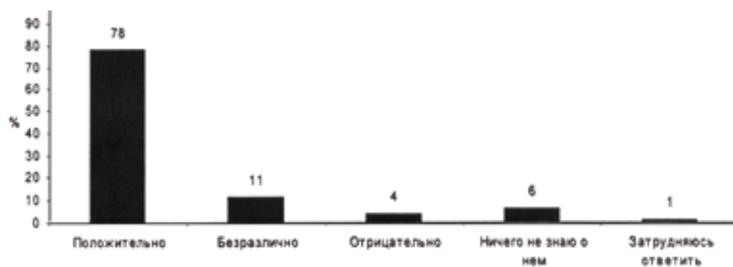
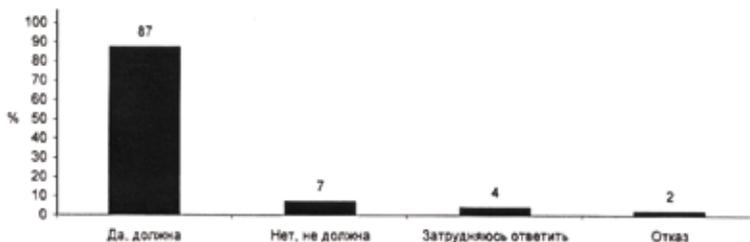

Диаграмма 21

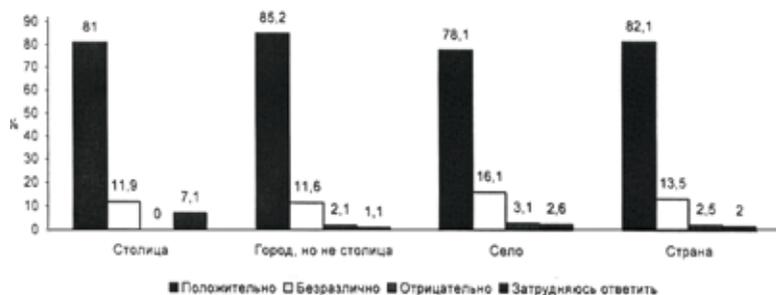
Ответы респондентов на вопрос «Как Вы считаете, должна ли Россия активнее развивать экономические и культурные связи с Кыргызстаном?»¹⁸⁵

Как показало исследование 82% респондентов в Казахстане относятся к России положительно. Каждый десятый (13%) – безразлично и лишь 2,5% респондентов сказали, что их отношение к России отрицательно. Наибольшее количество равнодушных и отрицательно относящихся к России в сельской местности.

Диаграмма 22

Оценка казахстанцами своего личного отношения к России, %¹⁸⁶

При этом половина опрошенных жителей страны за последнее время не изменили своего отношения к России, а двое их пяти (44%) – улучшили. Особенно заметное улучшение отношения к России за последние годы прослеживается у сельчан.

Казахстанцы считают, что и российские и казахские власти стремятся в своей политике к сближению двух стран, и делают это в равной друг другу степени. Жители столицы в наибольшей степени, чем другие склонны затрудняться отвечая на этот вопрос.

Диаграмма 23

Ответы респондентов на вопрос «Как изменилось за последний год Ваше личное отношение к России?»¹⁸⁷

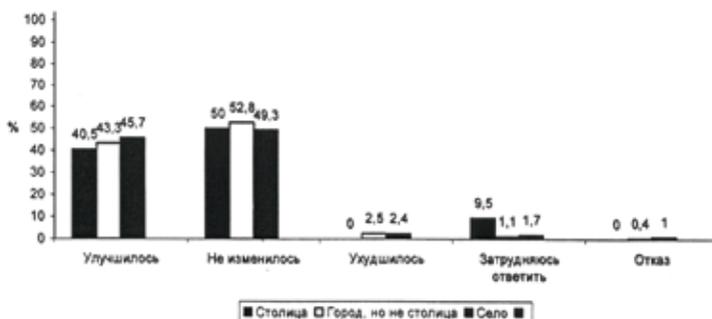
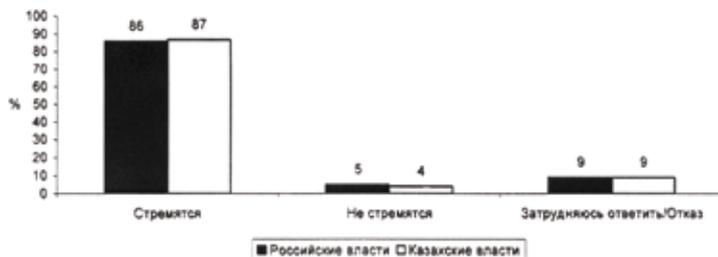

Диаграмма 24

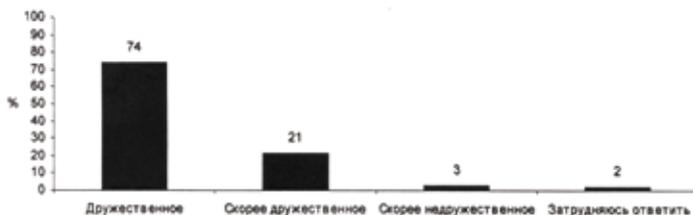
Оценка населением стремления российских и казахских властей в своей политике к сближению двух стран¹⁸⁸

Россия по представлению большинства (74%) казахстанцев является дружественной страной и казахстанцы положительно относятся к деятельности российского бизнеса на своей территории. Учитывая вышеизложенное, по мнению большинства жителей страны, Россия должна более активно развивать экономические и культурные связи с Казахстаном.

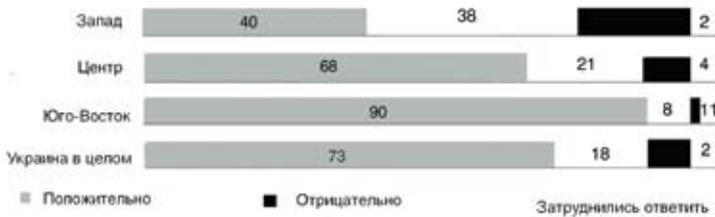
Диаграмма 25

Ответы респондентов на вопрос «Как Вы считаете, Россия – это дружественное или недружественное государство по отношению к Казахстану?»¹⁸⁹

В ходе опроса на Украине примерно 3/4 респондентов заявили о том, что они положительно относятся к России. Наиболее часто позитивное отношение к России демонстрировали жители Юго-восточного региона. Существенно реже, хотя и в большинстве случаев, позитивное отношение к России высказывали жители центральных областей Украины. Что касается Западного региона, то среди его жителей преобладает безразличное или даже отрицательное отношение к этой стране.

Распределение респондентов разных регионов по ответам на вопрос о том, как они сегодня относятся к России (% к опрошенным)¹⁹⁰

По оценкам большинства опрошенных, их личное отношение к России за последний год не изменилось. Более того, в целом по Украине наблюдается некоторое превышение удельного веса позитивных перемен отношения к России над переменами негативного характера. Вместе с тем, прослеживается определенная специфика в распределении ответов на этот вопрос, полученных от жителей разных регионов страны. К примеру, позитивные перемены своего отношения к России в течение последнего года, чаще всего, отмечали жители юго-восточных областей Украины. В то же время негативные жители центральных и западных областей чаще заявляли, что их отношение к России за этот период ухудшилось.

Примерно каждый шестой житель Украины сегодня затрудняется оценить, стремятся или не стремятся российские власти в своей внешней политике к сближению с Украиной. Что касается тех, кого есть своя точка зрения по этому вопросу, то они разделились на две примерно равные части. Половина из них считает, что во внешней политике российских властей такое стремление просматривается, а половина его не находит. Наиболее существенно распределение этих мнений зависит от региона проживания опрошенных. При этом стремление российских властей к сближению с Украиной чаще склонны отмечать жители Юго-востока страны, а на отсутствие такового чаще указывают жители Центрального и Западного регионов.

Более определенно распределены мнения населения Украины в целом относительно стремления украинских властей к внешнеполитическому сближению с Россией: более половины взрослого населения страны не видит такого стремления во внешнеполитическом курсе нынешнего украинского руководс-

тва. В этом отношении интересно отметить, что ответы, в которых отмечается отсутствие стремления украинских властей к сближению с Россией, преобладают во всех регионах страны. Правда, в Юго-восточном регионе такие ответы встречаются существенно чаще, чем в Центральных или Западных областях Украины.

Диаграмма 27

Распределение респондентов разных регионов по ответам на вопрос о том, как за последний год изменилось их личное отношение к России (% к опрошенным)¹⁹¹

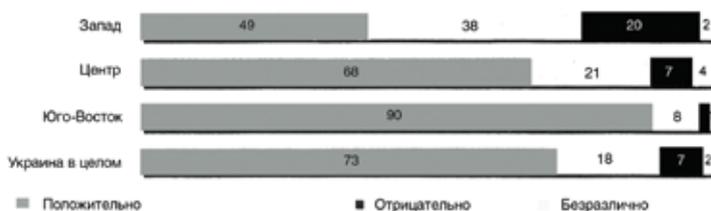
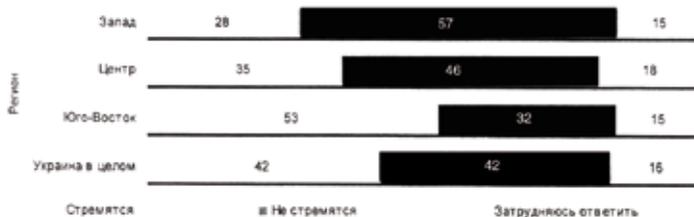

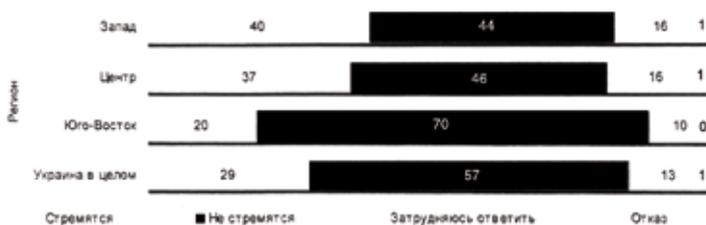
Диаграмма 28

Распределение респондентов разных регионов по ответам на вопрос о том, стремятся ли российские власти во внешней политике к сближению с Украиной (% к опрошенным)¹⁹²

Итак, опрос общественного мнения в странах СНГ показывает, что основная масса населения с симпатией относится к России, что, безусловно, является важным фактором актуализации политических амбиций российской диаспоры.

Распределение респондентов разных регионов по ответам на вопрос о том, стремятся ли украинские власти во внешней политике к сближению с Россией (% к опрошенным)¹⁹³

Еще одним основанием, повышающим потенциал участия россиян в политическом процессе стран СНГ, является сохранение традиций общего прошлого народов, объединяемых единой советской страной. Несмотря на усилия властных структур, заинтересованных (как правило) вести отсчет истории своей страны и народа с 1991 года, советские исторические корни остаются феноменом современной политической и социокультурной реальности. По данным социологического опроса, организованного Институтом стран СНГ в 2007 году по заданию МИД Российской Федерации, 63,6% опрошенных в Армении, 51,3% – в Беларуси, 53% – в Казахстане, 78,6% – в Киргизии, 83% – в Молдове, 72,8% – на Украине сожалели о распаде Советского Союза¹⁹⁴.

Показателем сохранения исторических традиций и культурных ценностей, сформированных в СССР, может служить отношение к памятникам советской эпохи. Так, кыргызстанцы положительно относятся к сохранению памятников советской эпохи на территории страны. Об этом говорят 84% опрошенных. При этом каждый десятый (14,3%) равнодушен к сохранению памятников прошедшей эпохи и менее процента респондентов относятся к этому отрицательно.

Казахстанцы положительно относятся к сохранению памятников советской эпохи на территории своей страны. Об этом говорят большинство – 72% опрошенных. При этом каждый пятый (20,23%) равнодушен к сохранению памятников прошедшей эпохи и менее пяти процентов респондентов относятся к этому отрицательно. Наибольшее количество (75,7%) положительно относящихся к сохранению памятников проживает в селе, а в столице Казахстана их меньшинство (64,3%).

Диаграмма 30

Отношение кыргызстанцев к сохранению памятников советской эпохи, %¹⁹⁵

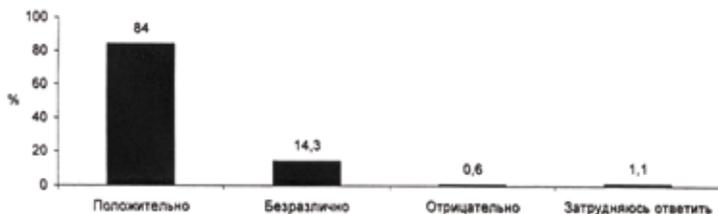
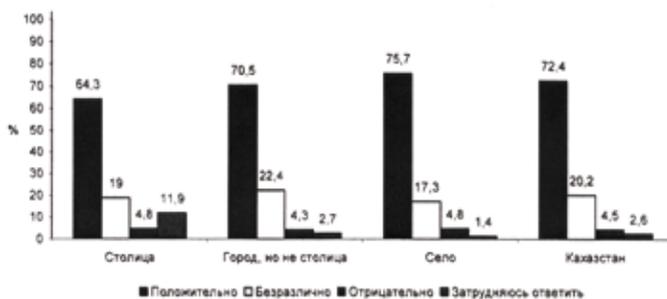

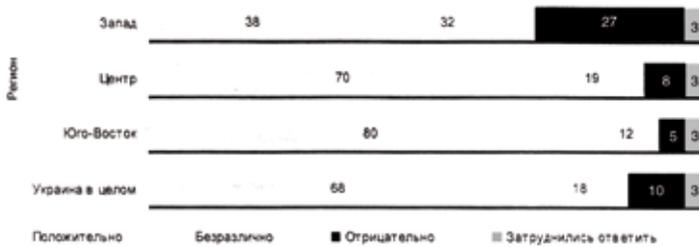
Диаграмма 31

Отношение казахстанцев к сохранению памятников советской эпохи, %¹⁹⁶

Население Украины в целом достаточно лояльно относится к сохранению памятников советской эпохи, которые остались на территории страны: около 2/3 взрослых жителей страны воспринимают их положительно, и лишь примерно у одного из десяти они вызывают негативную реакцию. Наиболее существенным фактором, формирующим характер отношения граждан Украины к памятникам советского периода, является регион их проживания. К примеру, если на Юго-востоке и в Центре 70-80% взрослого населения положительно относится к сохранению этих памятников, то на Западе Украины такое отношение встречается примерно вдвое реже. Более того, примерно четверти жителей западных областей присуще негативное отношение к памятникам советской эпохи.

Распределение респондентов разных регионов по ответам на вопрос о том, как они лично относятся к сохранению памятников советской эпохи в Украине (% к опрошенным)¹⁹⁷

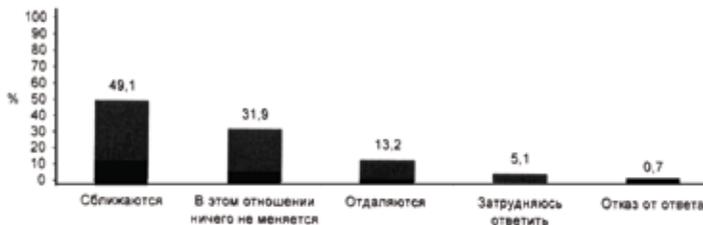

Таким образом, наряду с сохранением функционального поля русского языка, наличие в современном политическом и социокультурном поле традиций, определяемых совместным прошлым народов, ранее входивших в единое государство, также благоприятствует интеграции российской диаспоры в политический процесс стран СНГ.

Как показал контент-анализ материалов СМИ, существенную роль в складывании условий присутствия россиян в постсоветском политическом пространстве является состояние интеграционных процессов в Содружестве Независимых Государств. В Киргизии относительное большинство, около половины (49%) опрошенных констатируют тот факт, что в последнее время страны СНГ сближаются друг с другом.

Треть – считает, что ничего в этом отношении не меняется.

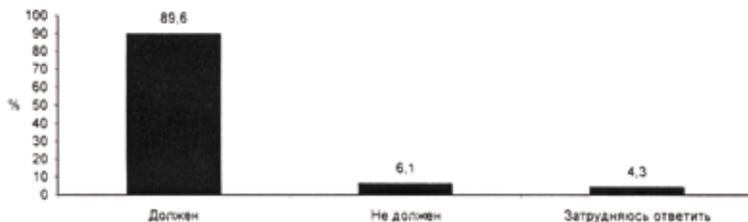
Ответы респондентов на вопрос «Как вы считаете, в последнее время страны СНГ сближаются друг с другом, отдаляются друг от друга, или в этом отношении ничего не меняется»¹⁹⁸

В целом кыргызстанцы достаточно хорошо относятся к СНГ и почти единодушно (90%) считают, что Кыргызстан должен стремиться к укреплению СНГ. Сельчане и респонденты возрастной категории 41–60 лет в наибольшей степени демонстрируют свое позитивное отношение к укреплению СНГ.

Диаграмма 34

Отношение кыргызстанцев к тому, что Кыргызстан должен стремиться к укреплению СНГ¹⁹⁹

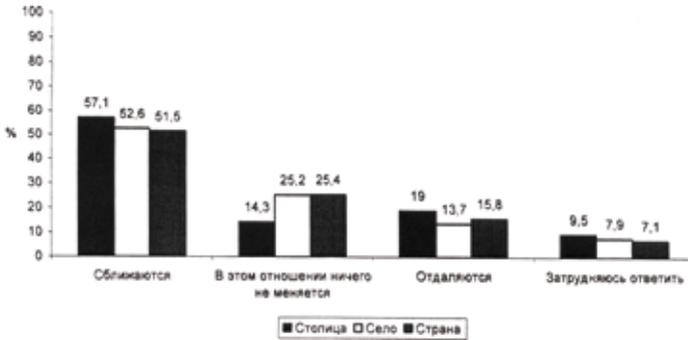

В Казахстане более половины (52%) опрошенных констатируют тот факт, что в последнее время страны СНГ сближаются друг с другом. Каждый четвертый считает, что ничего в этом отношении не меняется. В столице страны жители в большей степени (57%) чем где-либо ощущают сближение стран СНГ друг с другом. К этой категории оптимистов относится и молодежь. Так, если 58% молодежи до 20 лет считает, что страны СНГ сближаются друг с другом в последние годы, количество таких респондентов среди возрастной категории (которая жила в СССР) 51–60 лет снижается до 45%.

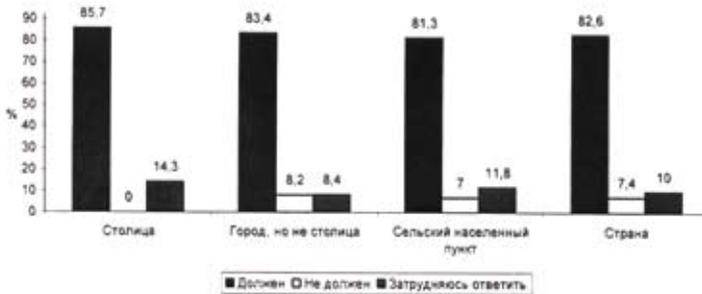
В целом казахстанцы хорошо относятся к СНГ и почти единодушно (83%) считают, что их страна должна стремиться к укреплению СНГ. В наибольшей степени поддерживают такой курс в столице и в меньшей степени – в селе.

По понятным причинам, население Украины и Молдавии настроено менее оптимистично по отношению к реальному положению дел и перспективам развития СНГ. Однако в целом необходимо констатировать, что известное влияние на политический процесс бывших союзных республик новое надгосударственное образование имеет, в том числе и на повышение политического статуса российской диаспоры.

**Ответы респондентов на вопрос
«Как вы считаете, в последнее время страны СНГ сближаются друг с другом, отдаляются друг от друга, или в этом отношении ничего не меняется?»²⁰⁰**

Отношение казахстанцев к тому, чтобы Казахстан стремился к укреплению СНГ²⁰¹

Таким образом, следует констатировать, что в настоящий момент сохраняются объективные условия инкорпорации россиян в постсоветское политическое пространство.

Конечно, наличие объективных условий имеет страновые и региональные особенности, но в целом они определяют социально-политический ландшафт стран проживания наших соотечественников. Вместе с тем, социально-политическая обстановка в ближнем зарубежье находится в постоянном развитии. Естественно, ее динамика может иметь как позитивные,

так и негативные последствия в контексте рассматриваемой нами проблемы.

Фактором, существенно влияющим на социально-политические сдвиги в странах СНГ, является соотношение политических сил и внутренняя политика властных структур.

Субъективная обусловленность интеграции российской диаспоры в политический процесс ближнего зарубежья

Несмотря на то, что культурные и социальные потребности развития новых суверенных государств, в основном, совпадают с вектором развития условий, которые способствуют гармоничному вхождению представителей российской диаспоры в политический процесс, руководство этих стран, в лучшем случае, препятствует их углублению и расширению, а, в худшем, создает порой непреодолимые преграды такому развитию.

Понятно, что главным препятствием политической адаптации российской диаспоры в странах СНГ может быть искусственное вытеснение русского языка из образовательного процесса, деловой сферы, официальной лексики. Превращение русского языка исключительно в средство международного общения или низведения поля его функционирования в бытовую плоскость означало бы полное отлучение наших соотечественников от участия в реальной политике постсоветских республик.

Не случайно в этой связи именно в языковой сфере аккумулируется главная политическая проблема отношений власти с нетитульным населением. Нельзя сказать, что с укреплением национальной государственности политика руководства новых независимых государств относительно русского языка становится более лояльной.

Так, проблема статуса русского языка вновь реанимировалась в связи с обсуждением проекта новой Конституции Киргизии.

Национальной комиссией по государственному языку было принято решение о том, что с 1 января 2007 г. начнется перевод всего делопроизводства на государственный язык²⁰². Национальная комиссия по государственному языку также выступила с инициативой, чтобы все телеканалы Киргизии перешли на национальный язык «хотя бы на 50%». При этом, по данным, полученным в результате мониторинга положения российской диаспоры в странах бывшего СССР (заказчиком проекта был

МИД РФ), только 7% опрошенных владеют киргизским в совершенстве, 23% могут изъясняться с трудом и 70% не знают его вообще. Почти 50% опрошенных заявили, что в случае полного вытеснения официального языка они покинут республику. И только 27% сказали, что останутся и выучат государственный язык. Больше половины русских живут с мыслью об отъезде в Россию, и только 2% собираются остаться²⁰³.

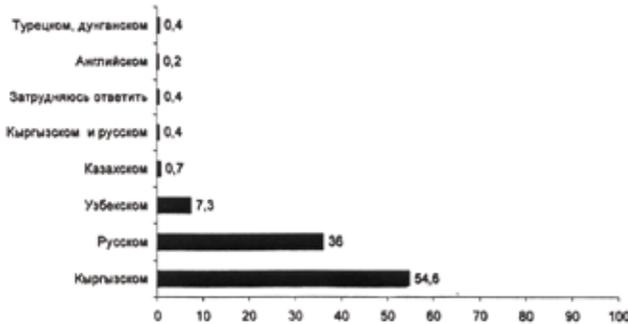
При этом, по данным представительства ФМС РФ, Киргизию продолжают покидать, прежде всего, трудоспособное население и молодежь, так среди выезжающих количество пенсионеров составляет 7–8%. Основная масса выезжающих – люди с высшим, средним образованием, специалисты в разных отраслях²⁰⁴.

Ситуацию усугубляют националистические лозунги, которые звучат в Киргизии все чаще из уст представителей отдельных политических партий и так называемого «гражданского сектора». Ряд общественно-политических организаций и движений в начале 2006 г. создали специальный штаб по защите киргизского языка и лишению русского статуса официального. В киргизских СМИ была развернута активная кампания по пропаганде «возрождения самобытности киргизской культуры», более того, представителями «гражданского общества» неоднократно заявлялось о поддержке англоязычной культуры в Киргизии как альтернативы русской культуре. В этом направлении активно работают Фонд Сороса, Freedom House, ряд местных НПО.

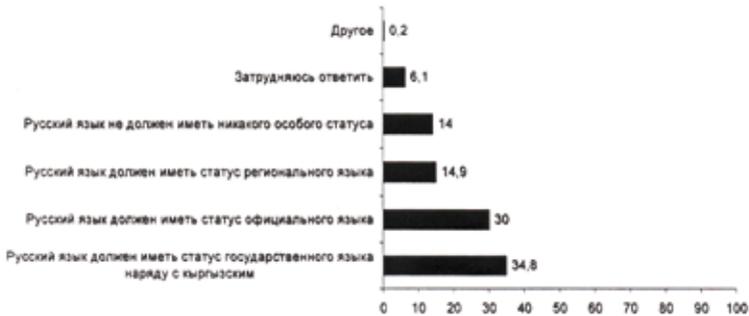
Политика ограничения функционирования русского языка идет явно в разрез с интересами не только россиян, но и коренного населения Киргизии. Несмотря на то, что 70,6% учебных и трудовых коллективов, в которых работали опрошиваемые, в 2008 году имели преимущественно кыргызский национальный состав, в 36% из них используется русский язык.

Фактическое использование русского языка на территории Кыргызстана ведет к тому, что значительная часть жителей страны выступают за присвоение русскому языку определенного статуса и тем самым официального признания его использования на работе и при обучении детей. Относительное большинство (35%) опрошенных считают, что русский язык в настоящее время должен иметь статус государственного языка наряду с кыргызским. Каждый третий кыргызстанец высказывается за то, что русский язык должен иметь статус официального языка, примерно каждый десятый считает, что никакого статуса русскому языку не надо присваивать.

**Языки, на которых общаются респонденты на работе
и в учебных заведениях, %²⁰⁵**

**Желаемый статус русского языка
в Кыргызстане²⁰⁶**

Характерно, что респонденты в возрасте от 18 до 30 лет в большей степени выступают за то, чтобы русский язык имел статус официального, языка, в то время как респонденты в возрастных группах старше 30 лет склонны в большей степени считать, что русский язык должен иметь статус государственного языка наряду с киргизским.

За то, чтобы русский язык имел статус государственного языка наряду с киргизским в наибольшей степени высказываются русский – 72,8%. За то, чтобы русский язык имел статус официального языка – представители других национальностей.

Ответы респондентов на вопрос «Как Вы считаете, каким должен быть статус русского языка в Вашем государстве?» в разрезе возраста респондента, %²⁰⁷

	18–20 лет	21–30 лет	31–40 лет	41–60 лет	60 лет и старше
Русский язык должен иметь статус государственного языка наряду с кыргызским	29	30	33	37	47
Русский язык должен иметь статус регионального языка	18	16	16	13	12
Русский язык должен иметь статус официального языка	37	32	31	28	24
Русский язык не должен иметь никакого особого статуса	11	13	13	167	15
Затрудняюсь ответить	5	9	6	6	3
ВСЕГО	100	100	100	100	100

Наиболее конструктивной выглядит языковая политика в Казахстане.

В 1989 году был принят закон «О языках в Казахской ССР», который определил статус казахского и русского языков. В частности, в нем говорилось, что «государственным языком Казахской ССР является казахский язык», а русский язык является «языком межнационального общения». Такое определение статуса русского языка в какой-то мере способствовало межэтнической напряженности и стало одной из основных причин массовой эмиграции русскоязычного населения страны. С 1990 г. по 1996 г. из Казахстана выехало 2,283 млн. чел.,

в результате чего Республика лишилась десятков тысяч квалифицированных специалистов, занятых в различных сферах деятельности. Это явилось причиной изменения государственной политики по вопросу русского языка. В 1995 году была принята новая Конституция Республики Казахстан. В статье 7 Конституции по-новому определен правовой статус языков. Государственным языком Республики Казахстан является казахский язык. Русский язык получил статус официального имеющего возможность наравне с казахским языком применяться в государственных организациях и органах местного самоуправления.

В 1997 г. был принят закон «О языках в Республике Казахстан», где подчеркивалось, что русский язык наравне с государственным – казахским языком – может применяться в делопроизводстве учетно-статистической, финансовой документации, вооруженных силах, правоохранительных органах, судопроизводстве.

В целях дальнейшей реализации «Закона о языках в Республике Казахстан» 7 февраля 2001 г. была утверждена «Государственная программа функционирования и развития языков на 2001–2010 годы». В этой программе определены три основных направления стратегии государственной

политики в области развития языков: расширение и укрепление социально-коммуникативных функций государственного языка; сохранение культурных функций русского языка; развитие языков этнических меньшинств.

Центральная власть Казахстана испытывает серьезное давление со стороны националистически настроенной элиты, в том числе и в вопросах языковой политики. Так, при обсуждении законопроекта «О языках в Республике Казахстан» «прения по некоторым статьям чуть было не перешли во внутрипарламентский межнациональный конфликт. Группа мажилисменов считала, что в законопроекте недостаточно подчеркнута приоритетность государственного языка и завышен статус русского языка. По их инициативе почти во всех статьях, где наравне с государственным, языком предполагалось использование русского языка и последний был поставлен рядом с государственным, сделаны ремарки, обуславливающие применение русского языка лишь “при необходимости”»²⁰⁸.

Под давлением сторонников коренизации национального языкового пространства 30 мая 2006 г. Президент РК внес дополнения в «Государственную программу функционирования и развития языков на 2001–2010 годы». В них определен комп-

лекс мер по внедрению казахского языка в сфере государственного управления, в законодательной власти, судопроизводстве, вооруженных силах, правоохранительных органах, в образовательных учреждениях, т.е. постепенно и последовательно казахский язык должен распространиться на все сферы жизни общества. В практике межгосударственного сотрудничества Республики Казахстан обязательным требованием должно стать использование государственного языка при подготовке и заключении международных договоров. Официальные мероприятия необходимо, проводить на государственном языке, обеспечивая при этом качественный синхронный перевод на другие языки. Нормативные правовые акты, выступления должностных лиц, документы для служебного пользования должны готовиться в первую очередь на государственном языке. Государственным органам необходимо провести работу по поэтапному переходу до 2010 года делопроизводства, ведения учетно-статистической, финансовой и технической документации на государственный язык.

Понятно, что повсеместный переход в делопроизводстве и документообороте на государственный язык создаст большие сложности для полноценного участия в государственных делах русскоязычных граждан.

На внедрение казахского языка в делопроизводстве в 2008 году выделено 500 млн. тенге из республиканского бюджета²⁰⁹.

В начале 2007 г. группа специалистов во главе с государственным секретарем Оралбаем Абдыкаримовым провела выездное совещание «Государственный язык – символ государственности» в г. Усть-Каменогорске. На совещании было отмечено, что несмотря на все законодательные, технические и методические возможности для расширения сферы применения государственного языка, в 2006 г. менее шести процентов всего документооборота в Казахстане велось на государственном языке. Выступая на этом совещании, аким Восточно-Казахстанской области Ж. Карибжанов привел следующие данные. В 2006 г. в аппарат акимата области из Канцелярии премьер-министра поступило 423 документа, из которых только 12 исполнено на государственном языке (2,8%), а из присланных министерствами 876 документов только 4,5% написаны на казахском языке. Председатель Комитета по языкам Министерства культуры и информации Е. Кажыбек, выступая на этом совещании, сказал, что в 2007 г. ситуация кардинально изменится. «Пора оставить эмоции по поводу повышения ста-

туса и сферы применения государственного языка и просто усиленно работать над этим»²¹⁰.

26 января 2007 г. в Парламенте Республики прошел «круглый стол» «Государственный язык – стержень национальной политики». Министр культуры и информации Е. Ертысбаев доложил о вопросах воплощения его ведомством плана мероприятий по применению и развитию языков на 2007–2008 гг. В частности, министр сообщил о совершенствовании нормативно-правовой базы в языковой сфере.

В ноябре 2007 г. вышло постановление № 1122 Правительства Республики Казахстан «О Концепции расширения сферы функционирования государственного языка, повышения его конкурентоспособности на 2007–2010 гг.». Структура концепции включает: анализ современного состояния языковой ситуации в Республике Казахстан; цель и задачи Концепции; основные направления и механизмы реализации Концепции; ожидаемые результаты. В анализе современного состояния языковой ситуации в Республике Казахстан отмечается: «... Необходимо проведение постоянного научно обоснованного мониторинга функционального соотношения языков, реальной оценки их востребованности...» Далее отмечается, что «проведенный анализ ведения делопроизводства показывает, что подготовка документов в центральных государственных органах на государственном языке составляет всего лишь 20–30%, а общий документооборот 45–50 % ... Даже в регионах с подавляющим большинством казахского населения эти показатели не являются позитивными, так как основная нагрузка при этом ложится на специалистов-переводчиков...»²¹¹

Русский по-прежнему занимает значительные позиции в казахстанском дошкольном воспитании и образовательном процессе. Хотя нажим в сторону коренизации и здесь ощущается в полной мере.

С начала 1990-х годов было закрыто более 80% детских дошкольных учреждений и, в основном, это были учреждения с русским языком общения. В этом контексте интересна динамика изменений количества дошкольных организаций, представленная в таблице 39 в течение пяти лет с 2001 по 2005 годы.

Из приведенных данных видно, что количество детских дошкольных учреждений на русском языке общения неуклонно снижается, за пять лет уменьшилось на 120 или на 27%, в то же время число детских учреждений с казахским языком общения с 2003 года увеличилось на 18,3%.

Таблица 40²¹²

Число дошкольных организаций	2001	2002	2003	2004	2005
Всего	1100	1093	1104	1118	1177
В том числе					
На казахском языке	268	265	283	289	328
% к общему количеству	24,4	24,2	25,6	25,8	27,9
На русском языке	444	416	379	342	324
% к общему количеству	40,4	38,1	34,4	30,6	27,5
На нескольких языках	388	412	442	487	525
% к общему количеству	35,2	37,7	40,0	43,6	44,6

Под предлогом реформы среднего образования с 1993/94 учебного года неуклонно сокращается количество школ с русским языком. Динамика их сокращения показана в таблице 41.

Таблица 41²¹³

Учебный год	2001/ 2002	2002/ 2003	2003/ 2004	2004/ 2005	2005/ 2006	Умен. (-), увел. (+)
Школы с русским языком обучения	2403	2304	2231	2182	2100	-303
Школы с русско-казахским языком обучен, (смешанные)	2050	2060	2051	2049	2045	-5
Школы с казахским языком обучения	3677	3687	3687	3689	3723	+46

Общее количество студентов, обучающихся в ВУЗах в 2005–2006 учебном году, составило 775762 человек, из них на русском языке обучения – 438032 (56,5 %), на казахском языке

ке – 330199 (42,6%). Как видно из приведенных данных, высшее образование на русском языке преобладает, но если посмотреть динамику изменений количества студентов за последние пять лет, можно увидеть, что происходит постепенное вытеснение высшего образования на русском языке.

Таблица 42²¹⁴

	2001/ 2002	2002/ 2003	2003/ 2004	2004/ 2005	2005/ 2006
Всего студентов	514738	597489	658106	747104	775762
Обучаются на каз. языке	162166	216559	254084	298798	330199
% от общего количества	31,5	36,2	38,6	40,0	42,6
Обучаются на рус. языке	348731	375863	397928	438119	438032
% от общего количества	67,7	62,9	60,5	58,6	56,5

За пять лет, при общем росте количества студентов, обучающихся на русском языке, на 89301 человека, в процентном отношении – заметно снижение по отношению к общему количеству студентов – на 11,2%. По национальностям – количество студентов, обучающихся в ВУЗах Казахстана в 2005/2006 учебном году, распределилось следующим образом: казахи – 547265 (70,5%), русские – 160343 (20,7%), украинцы и белорусы – 13955 (1,8%), другие национальности – 54199 (7%). Из представителей титульной нации на русском языке обучения – учатся 217066 студентов или 39,4% от всех студентов казахов. Это говорит, прежде всего, о популярности и востребованности высшего образования на русском языке у коренной национальности, на это влияет более высокое качество преподавания на русском языке.

Политической адаптации россиян способствует сохранение в Казахстане русскоязычного информационного поля, представленного русскими периодическими изданиями, телевидением и радиовещанием на русском языке.

Помимо российских газет и журналов, имеющих свободное хождение в Казахстане (в каталоге «Казапочты» предусмотрена подписка на 214 газет и 752 журнала Российской Федерации),

здесь издается 88 республиканских газет и 120 журналов на русском языке, что составляет от общего числа соответственно 40% и 38,5%²¹⁵.

В целом центральной власти пока удается сохранять баланс между ускоренным насаждением государственного языка и сохранением русского языка в оптимальном формате, позволяющем предотвратить открытое недовольство со стороны нетитульного населения.

Исследование показало, что те, кто работает или учится в учебных заведениях на работе и учебе в основном (58%) общаются на русском языке. На казахском говоря 40% работающих и учащихся. Русскоязычная аудитория больше представлена с городах и столице, чем в сельской местности. Наличие международных организаций и иностранного бизнеса привело к тому, что 0,4% на работе и во время учебы общаются на английском языке.

Таблица 43

**Языки, на которых общаются на работе
и в учебных заведениях, %²¹⁶**

	Столица	Нестолличный город	Село	Страна
На казахском	40	35,5	47,3	40,1
На русском	60	63,7	50,2	58,4
Затрудняюсь ответить, отказ от ответа	0,0	0,4	1,3	0,7
Английский	0,0	0,2	0,3	0,2
Татарский	0,0	0,2	0,6	0,4
На русском и казахском	0,0	0,0	0,3	0,1
ВСЕГО	100	100,0	100	100,0

Большая часть респондентов (60,5%) работает или учится в коллективах представленных преимущественно казахами и преимущественно русскими (27,5%). Около 3% опрошенных говорят что коллективы в которых они учатся или работают представлены всеми национальностями.

Значительная часть жителей страны выступают за повышение статуса русского языка и тем самым официального призна-

ния его использования на работе и при обучении детей. Более половины (57,8%) опрошенных считают, что русский язык в настоящее время должен иметь статус государственного языка наряду с казахским. Часть таких респондентов проживает в не столичных городах и селах. Все остальные ответы респондентов такие как «Русский язык должен иметь статус регионального языка», «Русский язык должен иметь статус официального языка» рассеяны и не представляют большой доли. При этом каждый десятый (12,5%) склонен думать, что русский язык не должен иметь ни какого статуса. Столица Казахстана выделяется тем, что здесь в наибольшей степени встречаются два варианта ответов – «Русский язык должен иметь статус государственного языка наряду с казахским» и «Русский язык должен иметь статус официального языка».

Таблица 44

**Ответы на вопрос «Как Вы считаете, каким должен быть статус русского языка в Вашем государстве?»
в разрезе региона проживания, %²¹⁷**

	Столица	Нестоличный город	Село	Страна
1	2	3	4	5
Русский язык должен иметь статус государственного языка наряду с казахским	41	61	56	58
Русский язык должен иметь статус регионального языка	7	8	17	12
Русский язык должен иметь статус официального языка	41	12	7	11

1	2	3	4	5
Русский язык не должен иметь никакого особого статуса	2	12	14	12
Затрудняюсь ответить	5	6	6	6
Другое (язык межнационального общения, на втором месте)	5	1	0	1
ВСЕГО	100	100	100	100

Средством инициирования «нерусскости» и обретением дополнительной аргументации суверенности для руководства Украины стала форсированная политика вытеснения русского языка, хотя оснований для такой политики в этой стране меньше, чем в любой другой стране СНГ. Для большей части населения Украины, включая и украинцев, русский язык остается основным. Для аргументации этого положения возьмем результаты исследований, которые нельзя обвинить в предвзятости.

По мониторинговому опросу Института социологии Национальной академии наук Украины «Украинское общество: мониторинг социальных изменений», который проводился с 1992 года, в 2006 году родным языком украинский назвали 62% всех опрошенных, родным языком русский – 36%. Это были ответы на вопрос «Какой ваш родной язык?». А вот на вопрос «На каком языке (языках) вы общаетесь в семье?» ответы были несколько иными: только на украинском – 38%, только на русском – 39,2%, по-разному, в зависимости от обстоятельств – 22,6% (для сравнения: в 1992 году только на украинском общались 36,9%, только на русском – 29,1%, по-разному – 32%). Еще более разительные отличия показали ответы на вопрос «На каком языке вы хотели бы заполнить анкету в следующий раз?»: 48,5% респондентов ответили – на украинском, 51,5% – на русском. Отсюда можно сделать вывод, что, фактически русскоязычных граждан в целом по Украине значительно больше (более 50%), что же касается отдельных регионов, то здесь число таковых еще более значительно: Луганская область – 99%, Донецкая – 96,8%, АР Крым – 95,6%,

Харьковская область – 87,4%, Одесская – 84,6%, Днепропетровская – 79,7%, Запорожская – 78,4%, Херсонская – 70,7%, Николаевская – 68,1%, г. Киев – 63,2%²¹⁸.

Расхождение между прямыми (36%) и косвенными свидетельствами (51,5%) употребления русского языка обусловлено официально внедряемым в общественное сознание представлением о его «второсортности». В официально проповедуемом «клише» человек, не владеющий государственным языком, – недочеловек.

Искусственное уничтожение русского языка подкрепляется решениями самых высоких государственных инстанций.

Нельзя не вспомнить в связи с этим решение Конституционного суда о недопустимости употребления русского языка в «публичной сфере». Серьезный психологический прессинг, а соответственно и манипулятивное воздействие оказывают на русскоязычных граждан призывы и оценочные номинации в публичной речи официальных лиц («Одна держава – одна мова» – президент В. Ющенко; «собача мова» – министр культуры В. Вовкун) и в различных масс-медиа («язык попсы и блатняка», «киевский русский диалект», «двудушие», «двуличие», «двуязыкая бездуховность» «задавлена хвороба», «мутант» – о двуязычии и под.).

Значительным воздействующим фактором является и то, что украинский язык – это «язык власти», язык «национально сознательных граждан» (укр. «національно свідмі») является масс-медийным клише и используется в русскоязычной прессе как с положительной, так и с отрицательной оценкой в зависимости от позиции автора). Сделать профессиональную карьеру, получить национальное признание можно только перейдя полностью на украинский язык, забыв о своем родном языке. В таких условиях, как иронизирует доктор философских наук Е. Головаха, русскому языку оставлено «место только в интимном и конспиративном общении»²¹⁹.

Обществу повсеместно внушается мысль о том, что родной язык это язык родины, т.е. Украины, и если ты гражданин Украины, то и родным языком для тебя является только украинский язык, отсюда следует: «вивчи рідну мову!». Нельзя не вспомнить, как новоизбранный мэр г. Киева (май 2008), обращаясь к телезрителям на русском языке, пообещал выучить «рідну мову».

Большая часть русскоязычных студентов 1-го курса отделения русской филологии Киевского университета, отвечая на вопрос о родном языке, назвали таковым украинский язык.

Приведем красноречивые данные Л.А. Кудрявцевой, специально изучавшей положение русского языка в образовательном процессе²²⁰.

По данным официальной статистики, школ с русским языком обучения на Украине в 1990 году было 4633, сейчас их осталось 1199. Динамика дерусификации школьного образования, например в Киеве, выглядит следующим образом: в 1991 г. школ с украинским языком обучения было 135, с русским – 129, в 1992 г. соответственно: 154 и 72, в 1993 г. – 289 и 39, в 1994 г. – 306 и 35, в 1997 г. – 360 и 18, в 1998 г. – 387 и 17, в 1999 г. – 417 и 1.1, в 2007 г. – 527 и 6²²¹. Что же касается школ с украинским языком обучения, то русский язык не является базовым компонентом, а, следовательно, его изучение зависит от расположения к нему чиновников образовательной сферы. Последние данные таковы: только 30% учащихся в таких школах изучают русский язык в той или иной форме (это может быть 1 или 2 года по 1 часу в неделю, или один семестр, или факультатив), а 70 % – не изучают русский язык ни к какой форме. В некоторых областях Западного региона (Тернопольская, Львовская, Ивано-Франковская области) русский язык с 1993 г. не изучается вообще.

Если учесть тот факт, что около 19% школьников обучаются в школах с русским языком преподавания, то в целом русский язык на Украине изучают около 50 % школьников и соответственно столько же его не изучают.

Темпы дерусификации таковы, что только за 1 год после введения в действие украинского Закона о Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств и соответственно осуществления мониторинга со стороны Совета Европы относительно выполнения Украиной взятых на себя обязательств по Хартии (в 2006 – 2007 учебном году) исчезло 106 школ с русским языком обучения. Как это происходило, можно увидеть на примере одного из русскоязычных районов Одесской области, где по официальным данным имеется 32 села, в которых изначально и по сей день более 97 % жителей – этнические русские. Все школы с русским языком обучения в Арцизском районе Одесщины были одновременно переведены (при отсутствии выбора) на украинский язык обучения. И власти объясняют это необходимостью получения селянами конкурентоспособного среднего образования в связи с полным переводом высшей школы на украинский язык обучения. Действительно, у выпускников украинских школ с русским языком обучения очень мало шансов получить высшее об-

разование на Украине, поскольку, во-первых, нет высших учебных заведений, в которых осуществляется подготовка национальных кадров, и ни в одном из вузов страны нет групп с обучением на русском языке, хотя и то и другое предусмотрено украинским законодательством. Во-вторых, постановлением Министерства образования и науки (2008) внешнее тестирование, которое полностью заменило вступительные экзамены в вузы, с 2010 года для выпускников всех школ, в том числе и с русским языком обучения, будет проводиться исключительно на украинском языке. Таким образом, русскоязычным детям будет весьма трудно реализовать свое конституционное право на образование.

Сокращение образовательного пространства для русскоязычных идет по всем направлениям и регионам. Так, например, в школах с русским языком обучения и в русском классе гимназии № 1 г. Одессы историю Украины, этику, географию, военное дело изучают на украинском языке. Такая же картина и в других русскоязычных регионах. По физике, химии, математике материалы для контрольных работ на русском языке нередко отсутствуют, приобрести их в продаже очень трудно и даже невозможно. Программа предусматривает изучение иностранных языков по учебникам, не имеющим русскоязычных комментариев, а лишь украиноязычные (например, изучение французского языка по учебникам Чумак Н.П., Голуб Т.В.).

Учителей физики, математики и других предметов для школ с русским языком обучения не готовят ни в одном педуниверситете страны. Да они уже скоро и не будут нужны, поскольку согласно Указу Президента № 224/208 от 28.03.08 «О дополнительных мерах по повышению качества образования в Украине» Министерство в кратчайший срок разработало для русских школ новые учебные программы, в которых предусмотрено преподавание большинства школьных предметов одновременно на русском и украинском языках. Данный указ полностью противоречит Конституции, Законам о языках и Европейской Хартии и готовит почву для полного уничтожения школ с русским языком обучения.

Нельзя не сказать о печальной участи русской литературы, которая перестала существовать как самостоятельная учебная дисциплина, войдя скромной частью в состав курса мировой литературы (18% от общего числа часов). Естественное неприятие родителей вызывает и тот факт, что их русскоязычные дети читают произведения всемирно известных русских классиков в переводе на украинский язык.

В решении Коллегии Министерства образования и науки Украины от 21 марта 2008 г. (Протокол № 3/1-4) содержится требование к ректорам: «4.3. Принять меры относительно безусловного выполнения статьи 10 Конституции Украины о государственном языке, в первую очередь обеспечив преподавание учебных дисциплин и проведение внеучебных мероприятий в высших учебных заведениях на украинском языке.

До 18 апреля 2008 года подать министерству информацию о списке дисциплин, которые преподаются на государственном и других языках, а также информацию о доле гуманитарных, естественных и технических дисциплин и математики, преподавание которых ведется на государственном языке. Упомянуть также причины преподавания дисциплин на негосударственном языке».

Министр образования И. Вакарчук заявляет: «Государственным языком в Украине является украинский язык. Поэтому преподавание в высших учебных заведениях должно происходить на государственном языке»²²².

Политику в отношении русского языка на Украине кроме как дискриминационной определить невозможно. Имеется много ярких свидетельств отношения населения, в том числе украинского, к такой политике. Приведем одно из них. Вот что пишет студент 5 курса Института иностранной филологии Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова Р.М. Байда: «Язык, который имеет многовековую историю, великолепный и неповторимый колорит, язык, на котором говорили целые народы, писали стихи и романы величайшие классики истории человечества, кучка власть имущих пытается просто истребить ради своих псевдонациональных целей, прикрываясь мнимой “заботой об Украине“. Но если мы такая демократическая “нация” и у нас такие огромные планы на будущее, а наши политики стараются для нас, так сказать, делать все возможное и невозможное ради нашего блага, то придание русскому языку, на котором говорит большая часть населения, статуса второго государственного стало бы логично самым ярким проявлением демократии»²²³.

Несмотря на усилия властей по вытеснению русского языка, функциональное пространство последнего на Украине остается значительным, о чем говорят данные социологического исследования Института стран СНГ.

Распределение респондентов разных категорий по ответам на вопрос о том, на каком языке они общаются на работе, в учебном заведении (занятое население; % к отвечавшим)²²⁴

Занятая часть населения Украины, в плане использования того или иного языка для общения по месту работы или учебы, делится на три основные группы: на общающихся с коллегами только на украинском, только на русском или же и на украинском, и на русском языках. При этом совокупный удельный вес занятого населения, использующего в общении с коллегами русский язык или же и украинский, и русский языки, заметно выше, чем удельный вес тех, кто использует в этих целях только украинский язык. В ходе статистического анализа нами было выявлено четыре основных фактора, влияющих на выбор занятым населением языка общения с коллегами по работе или учебе. Прежде всего, этот выбор определяется регионом проживания: русский язык, чаще всего, используется на Юго-востоке, а украинский – на Западе Украины и в Центре. Несколько слабее выбор языка общения влияет то, какой язык работники считают своим родным: это общение чаще происходит на том языке, который работники считают своим родным. Далее, заметное влияние на такой выбор оказывает национальный состав трудового или учебного коллектива: чаще всего для общения используется тот язык, который соответствует

этнической принадлежности большинства членов коллектива. Наконец, в определенной мере рассматриваемые варианты выбора зависят от места проживания: на украинском языке, как правило, общаются в трудовых коллективах, находящихся в сельской местности, а в столице и других городах работники в основном общаются на русском или же и на русском, и на украинском языках.

В настоящее время у населения Украины отсутствует единое мнение относительно того, каким должен быть статус русского языка в стране (см. диаграмму 45). Меньшая часть жителей считает, что у русского языка не должно быть никакого особого статуса. Большинство же, напротив, полагает, что такой статус ему необходим. При этом оно чаще поддерживает идею о придании русскому языку статуса второго (наряду с украинским) государственного языка, и реже – идею о придании русскому языку статуса регионального языка. Результаты статистического анализа показывают, что выбор той или иной точки зрения по данному вопросу зависит от региона проживания населения, того, какой язык оно считает родным, а также от того, в какой местности оно живет. Так, противники придания какого-либо статуса русскому языку чаще всего встречаются в Центральном и, особенно, в Западном регионах, а сторонники этого решения – на Юго-востоке. Далее, сторонники придания русскому языку статуса второго государственного или хотя бы регионального языка чаще всего встречаются среди тех, кто считает своим родным языком русский или же и русский, и украинский языки.

Кроме того, наиболее высокий уровень поддержки придание русскому языку одного из двух вариантов официально-го статуса имеет среди городского населения, а наиболее низкий – среди жителей столицы и сельской местности.

Стимулом повышения политической активности представителей российской диаспоры в настоящее время становится попытка власти новых независимых государств пересмотреть историческое прошлое, составляющее основу традиционной дружбы и добрососедства народов бывшего СССР, а в случае с украинским народом – родственные корни и единство культуры.

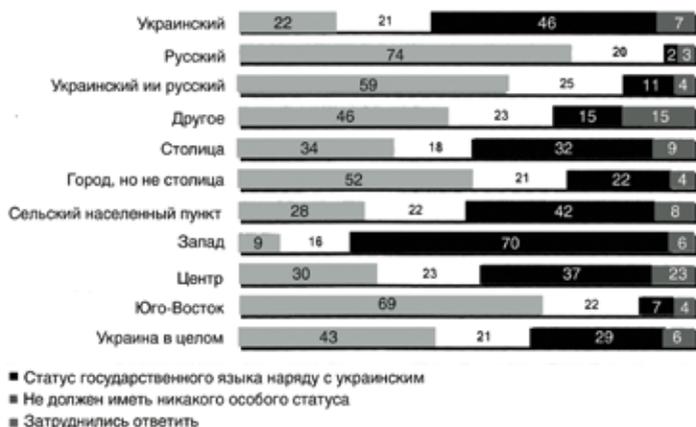
Официальная установка на фальсификацию истории порождает политическую отчужденность россиян или вхождение их в политический процесс в качестве оппозиционной силы.

Даже относительно благополучный политический ландшафт Казахстана не лишен рецидивов, связанных с извраще-

нием исторической правды. Например, вряд ли приходится рассчитывать на лояльность официальному политическому курсу россиян в случае, когда в атласе, подготовленном казахстанским государственным агентством по картографии, ближайшие российские территории вдруг приобретают казахские названия и (см. иллюстрацию 47).

Диаграмма 46

Распределение респондентов разных категорий по ответам на вопрос о том, каким должен быть статус русского языка на Украине (% к опрошенным)²²⁵

Историческое прошлое приобрело острый политический смысл в современной Украине. Культивирование исторических «нонсенсов» продолжается даже в условиях, когда большая часть населения их осуждает.

Одной из наиболее неоднозначно воспринимаемых на Украине исторических тем сегодня является тема голодомора 30-х годов. В вопросе о его причинах украинское общество, в сущности раскололось на две примерно равные части: тех, кто считает голодомор целенаправленным уничтожением украинского народа, и тех, кто отрицает идею преднамеренности этой трагедии (см. диаграмму 48). При этом большинство сторонников второй позиции видит причины голодомора в некомпетентности тогдашних властей, а меньшинство объясняет его естественными причинами. Наиболее существенное влияние на распределение сторонников каждой из этих точек зрения оказывают регион и местность их проживания, а так-

же то, какой язык они считают своим родным. Сторонники интерпретации голодомора как геноцида украинского народа составляют более половины жителей Западного и Центрального регионов, населения столицы и сельских населенных пунктов, а также тех, кто считает украинский язык своим родным. Их оппоненты в целом преобладают среди жителей Юго-востока, среди городского (за исключением столицы) населения, а также среди русскоязычной части граждан.

Иллюстрация 47

Фрагмент из Казахстанского атласа²²⁶

Диаграмма 48

Распределение респондентов разных категорий по ответам на вопрос о том, чем был вызван голодомор 30-х годов на Украине (% к опрошенным)²²⁷

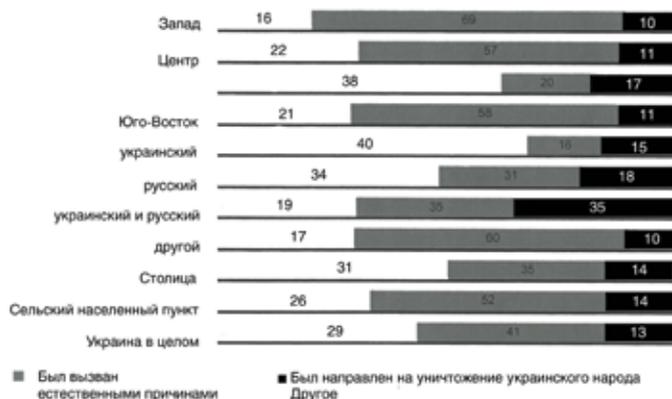
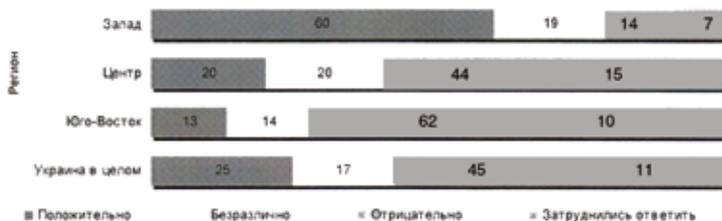

Диаграмма 49

Распределение респондентов разных регионов по ответам на вопрос об их отношении к приравнению статуса бойцов ОУН-УПА к статусу ветеранов Великой Отечественной войны (% к опрошенным)²²⁸

В настоящее время идея приравнивания статуса бойцов ОУН-УПА к статусу ветеранов Великой Отечественной войны в целом по Украине не имеет широкой поддержки: удельный вес ее сторонников примерно вдвое ниже удельного веса противников (см. диаграмму 49). Вместе с тем, во внутриполитических дискуссиях она является одной из наиболее острых. На наш взгляд, ее острота сопряжена с двумя обстоятельствами.

Во-первых, с тем, что примерно четверть жителей страны воспринимает эту проблему безразлично или же без какой-либо определенной позиции, т.е., в сущности, терпимо. Во-вторых, с тем, что сторонники принятия подобного решения на государственном уровне в основном сконцентрированы в Западном регионе, а его противники – на Юго-востоке и в Центре страны.

Важным компонентом субъективных факторов, определяющих интеграцию российской диаспоры в политический процесс стран СНГ, является содержание высшего курса правительства стран СНГ. Ориентация на консолидированную международную позицию с Россией способствует формированию активной политической позиции россиян и, наоборот, центристские векторы внешней политики стран СНГ вызывают апатию или категорическое неприятие.

Мониторинг настроения российских соотечественников в ближнем зарубежье, проведенный Институтом стран СНГ в начале 2009 года, показал направления внешней политики бывших союзных республик, вызывающих наибольшее одобрение и наибольшее неприятие со стороны российской диаспоры.

Таблица 50

**Направления внешней политики
и отношение к ним российской диаспоры²²⁹**

Страны	Направления внешней политики, получившие наибольшее одобрение	Направления внешней политики, вызвавшие наибольшее неприятие
1	2	3
Казахстан	Усилия в рамках ЕвроЗЭС, ОДКБ, ШОС, единого таможенного пространства, приграничном сотрудничестве с Россией	Отличная от российской позиция в отношениях с Грузией, Украиной, непризнание государственности Южной Осетии и Абхазии

1	2	3
Киргизия	Усилия в рамках ЕвроЗЭС, ОДКБ	Военное сотрудничество с США
Молдова	Улучшение российско-молдавских отношений, изменение отношения к интеграции с Румынией	Конфронтация с правительством Приднестровской Молдавской Республики
Украина	Большой Договор о дружбе с Россией, сохранение в Севастополе базы российского Черноморского флота	Сотрудничество с НАТО, сближение политической позиции с Польшей, ориентация на США

Противоречие между политической ориентацией российской диаспоры и официальным внешнеполитическим курсом достигло наивысшей степени остроты на Украине. Не говоря о полном неприятии нашими соотечественниками курса украинской администрации на вхождение в НАТО, характеризующих диссонанс между властью и пророссийски настроенным населением в отношении острова Змеиный, в Симферополе 2 марта 2009 года состоялось заседание Апелляционного суда Автономной Республики Крым по делу координатора Народного фронта «Севастополь-Крым-Россия» Валерия Подьячего, который обвиняется СБУ в сепаратизме. Служба безопасности Украины завела дело по ст. 110 Уголовного кодекса Украины («Посягательство на территориальную целостность и неприкосновенность Украины»), «по факту совершения членами объединения «Народный фронт Севастополь-Крым-Россия» публичных призывов к нарушению территориальной целостности Украины». По сообщению СБУ, по делу собрана доказательная база, достаточная для выдвижения обвинения конкретным организаторам и исполнителям упомянутого преступления из числа руководителей «Народного фронта Севастополь-Крым-Россия». Координатор Народного фронта был вызван на допрос в СБУ.

По этому делу проходят 6 активистов Народного фронта «Севастополь-Крым-Россия», но криминальное обвинение выдвинуто лишь двум – симферопольцу Валерию Подьячему и Семену Ключеву из Евпатории. Соответствующая статья УК предусматривает заключение до 5 лет.

Пророссийские активисты считают, что причиной затягивания судебного разбирательства является провал обвинения на первом судебном разбирательстве, явно политический характер самого суда, а также опасения власти новой широкой публичной критики капитулянтской позиции «оранжевого» Киева в вопросе решения территориального спора вокруг шельфа у острова Змеиный.

Абсурдная ситуация: суд над русским патриотом в Крыму фабрикуется из-за того, что тот отстаивает территориальную нерушимость границ Украины²³⁰.

ВЫВОД

Таким образом, процесс интеграции российской диаспоры в постсоветское политическое пространство, помимо объективных условий, определяют субъективные факторы, доминирующая роль среди которых принадлежит политике властных структур.

Несмотря на меньшую или большую установку властных структур новых независимых государств, направленную на минимизацию последствий общих исторических и социокультурных традиций народов, объединяемых в недавнем прошлом в одном государстве и рассматриваемых в качестве средства укрепления национального суверенитета, в странах пребывания российской диаспоры сохраняется объективная основа интеграции народа в единый политический процесс.

Важнейшими факторами интеграции остаются реалии, сформировавшиеся в процессе совместного проживания народов некогда единого государства: функциональное пространство русского языка; позитивный опыт российско-страновых отношений и лояльное отношение населения стран СНГ к России; положительный исторический опыт; общность культурных ценностей.

Однако объективная основа политических интеграционных процессов находится в подвижном состоянии, форма которой, в не последнюю очередь, зависит от политического авторитета и успешности Российской Федерации, активности внешнеполитического курса нашего государства, действенного ответа

на деструктивные вызовы постсоветской политической реальности. Желание политических элит стран СНГ форсировать интеграцию постсоветского политического процесса на культурной, языковой идентичности титульного населения ведет к значительному уменьшению политического потенциала российской диаспоры. Выхолащивание традиций, сформированных во времена совместного существования народов в едином государстве, дискриминация русского языка, политический курс на дезинтеграцию постсоветского пространства порождают политическую апатию или деструкцию политической позиции россиян.

Как правило, политика официальных властей, направленная на искусственную дерусификацию культурного и политического пространства, не поддерживается большей частью населения новых суверенных государств, в том числе титульного. Российское социокультурное пространство, несмотря на русофобию власти, остается реальностью ближнего зарубежья, что оставляет возможность интеграции наших соотечественников в политический процесс указанных стран.

ГЛАВА III

Российская диаспора в политическом пространстве стран СНГ

Россияне и новые постсоветские социальные общности независимых государств

Как уже было отмечено, процесс интеграции российской диаспоры в политическое пространство стран СНГ тесно связан с другим постсоветским политическим процессом ближнего зарубежья, а именно, формированием новых национальных общностей. причем полноценное содержание и того и другого процесса зависит от позитивного развития ситуации в обоих направлениях. Нельзя говорить о формировании гражданской позиции представителей российской диаспоры, не создав для них равных с титульной нацией политических возможностей. И, наоборот, трудно представить, чтобы личность, полностью лишенная политических прав и свобод, могла ощущать себя полноправным гражданином страны проживания.

Сложность реальной политической практики большинства стран СНГ заключается в том, что руководство этих стран склонно видеть содержание интеграции нетитульного населения в новые нации как процесс ассимиляции на основе культурной идентичности коренного населения. При этом мировой опыт аналогичных процессов показывает, что единственно верным путем складывания национальных объединений является путь интеграции на основе взаимного культурного обогащения народов, входящих в новые образования.

Формирование новых национальных общностей в новых независимых государствах – процесс закономерный. Без этого новая государственность не может приобрести необходимое качество – стать субъектом мирового политического процесса.

Вместе с тем, попытка форсирования складывания постсоветской национальной идентичности в ущерб самобытности и свободному развитию нетитульного населения не может привести к желаемому конструктивному эффекту.

Напротив, «консенсус», как временное состояние существования представителей различных этносов в рамках СНГ, до момента складывания единого национального объединения возможен только на основе добровольного делегирования государству части национальных свобод в обмен на гарантии сохранения таковых.

Безусловно, активнее и менее болезненно генерирование новых этносов, основанных на общих культурных и языковых ценностях, происходит в том случае, когда в одном государственном образовании объединены представители родственных и однокоренных национальностей (тюрков, славян и т.д.) или одной конфессии (православные христиане, мусульмане и т.д.).

Социологические исследования, проводимые в 2003 г. государственным общественным фондом «Россияне» и Институтом стран СНГ в 2007 и 2009 гг., позволяют представить динамику социально-политического положения россиян в странах СНГ. Последнее исследование проводилось в рамках конкурсного задания МИД РФ по изучению переселенческого потенциала стран СНГ, поэтому его результаты, прямо не касающиеся этой проблемы, не были опубликованы и содержатся в текущем архиве Отдела диаспоры Института стран СНГ.

Универсальные показатели положения российской диаспоры являются одинаково репрезентативными как для характеристики интеграции наших соотечественников в качестве полноценного субъекта в новые этносы, так и политическое пространство стран проживания.

В исследованиях Института стран СНГ было опрошено по 1000 российских соотечественников в каждой стране.

Для сбора первичной социологической информации при проведении массовых опросов был использован метод личного интервью. Этот метод является наиболее эффективным для решения задач данного исследования. Он обеспечивает высокий уровень досягаемости респондентов, качественное заполнение анкет, а также соблюдение принципа репрезентативности выборки. Необходимые категории исследования, отражающие основные характеристики изучаемого объекта, были operationalизированы в виде доступных для респондентов формулировок вопросов анкеты. Опросная анкета состояла из 50 вопросов. Практически все вопросы анкеты закрытые. В среднем ответы на вопросы анкеты в процессе интервью занимали 40 минут.

В исследовании использовалась квотная выборка, репрезентирующая взрослое население стран, в которых проводилось

исследование, по месту проживания (городская или сельская местность), полу и возрасту. Осуществлялся 10% контроль качества сбора и ввода данных.

Для обработки данных использовались общестатистические процедуры и общая схема обработки. Обработка и анализ первичной социологической информации осуществлялись с использованием пакета SPSS 13/0 for Windows. Для решения основных задач исследования использовались следующие методы статистики: анализ вариационных рядов, проверка значимости различий, дескриптивный анализ.

Для выявления динамики социально-политической комфортности российской диаспоры в странах СНГ проанализируем сопоставимые данные трех исследований 2003, 2007 и 2009 годов.

Данные таблицы № 54 показывают основные тенденции динамики социально-политической комфортности наших соотечественников, одинаково влияющей на национальную и политическую интеграцию постсоветского общества.

Стабилизация экономической ситуации в Казахстане, укрепление российско-казахстанского внешнеполитического взаимодействия благотворно сказываются на социальном самочувствии россиян в этой стране.

За период с 2003 по 2009 гг. в 3 раза увеличилось число респондентов, не ощущающих никакой дискриминации при устройстве на работу, в 8 раз – в бытовой сфере, в 1,5 раза – при получении пенсий. Что самое замечательное, в 5 раз меньше респондентов стали испытывать затруднения при получении образования. Однако в отношении центральной власти к представителям российской диаспоры по-прежнему присутствует боязнь полноценного включения наших соотечественников в общественную жизнь страны, полагая, что их политическая активность грозит всплеском сепаратизма и экстремизма. В сравнении с 2007 годом, почти в 2 раза больше респондентов испытывают отстраненность в общественно-политической сфере.

В целом социально-политическое положение российской диаспоры в Казахстане не соответствует историческим традициям и уровню российско-казахстанского взаимодействия. Удовлетворенность россиян-казахстанцев своим положением значительно ниже, нежели уровень самочувствия наших соотечественников в Киргизии, Молдове и Украине. Это обстоятельство объясняется несколькими причинами.

Во-первых, несоответствием декларируемых и реальных прав и свобод представителей российской диаспоры.

Результаты опроса российских соотечественников, 2003 г.²³¹
(в таблице не учтены ответы «затрудняюсь ответить»)

Случалось ли Вам или членам Вашей семьи сталкиваться с угрозением Ваших прав в связи с тем, что Вы являетесь русским или российским? ²	% от числа опрошенных												Средние показатели по последнему ответу
	Казахстан			Киргизия			Украина			Средние показатели по последнему ответу			
	постоянно	отдельные случаи	практически не сталкиваются	постоянно	отдельные случаи	практически не сталкиваются	постоянно	отдельные случаи	практически не сталкиваются	постоянно	отдельные случаи	практически не сталкиваются	
При поступлении на работу	6	53	8	11	30	28	1	6	92				42,6
При получении образования	3	24	14	7	27	30	1	7	91				45,0
Просто в быту	5	45	18	10	47	25	1	11	88				43,6
При получении или приобретении жилья	1	7,3	17,4	5	18,8	27,5	0,3	2,8	92,8				45,9
При оформлении пенсии	0,5	5,5	17,0	5,2	16,5	25,1	1	3,1	81				41

Результаты опроса российских соотечественников, 2007 г.²³²
(в таблице не учтены ответы «затруднилась ответить»)

Случалось ли Вам или членам Вашей семьи сталкиваться с угрозой жизни или здоровью в связи с тем, что Вы владеете русским или русскоязычным имуществом?	% от числа опрошенных												Средние показатели по последнему ответу
	Казахстан			Кыргызстан			Молдова			Украина			
	Постоянно	Отдельные случаи	Практически не случается	Постоянно	Отдельные случаи	Практически не случается	Постоянно	Отдельные случаи	Практически не случается	Постоянно	Отдельные случаи	Практически не случается	
При получении или приобретении жилья	8	45,8	27,1	3,1	12,4	65	22,2	30,4	34	1,2	5,3	65,6	42,4
При получении на работу	4	52,9	23,4	6,1	29,6	58,9	9,8	51,6	34,2	1,2	10,1	64,6	45,0
При оформлении пенсии	1,8	15,4	29	0,4	1,4	36	2	7,4	24,6	0,7	2,7	50,3	34,9
При получении или приобретении жилья	7,2	25,2	36,2	1,3	3,1	55	2,6	8,2	40,8	0,9	2	61,2	46,8
При получении образования	4	32,5	36,3	2,3	8,6	68,7	10,4	19,2	37,2	0,8	8,6	59,9	50,5
На выборах	3,1	14,4	39,8	0,9	3,7	71,3	8	8	62	1,9	9,6	62,2	58,8
В общественной-политической жизни	4	16,2	28,2	2,6	4,7	44,4	11,2	11,8	37,4	1,8	5,3	52,7	40,6

Результаты опроса российских соотечественников, 2009 г.²⁵³
(в таблице не учтены ответы «затрудняюсь ответить»)

Случилось ли Вам или членам Вашей семьи столкнуться с угрозой Вашим правам в связи с тем, что Вы являетесь русским или русскоязычным?	% от числа опрошенных												Средние показатели по последнему ответу
	Кавказ			Балканы			Молдова			Украина			
	полностью	отдельно случаи	практически не случаи	полностью	отдельно случаи	практически не случаи	полностью	отдельно случаи	практически не случаи	полностью	отдельно случаи	практически не случаи	
При поступлении на работу	14,2	35,7	24,8	14,3	46,2	39,5	17,6	26,2	41,2	6,7	12,1	51,1	40,1
При оформлении пенсии	8,9	40,3	31,8	11,3	65,8	22,9	1,4	41,1	36,4	9,3	16,7	49,2	35,0
При получении или приобретении жилья	1,2	5,1	30,5	2,3	15,7	82,0	7	5,2	27,5	1,2	3,2	50,1	47,4
При получении образования	6,8	14,4	32,8	4,1	13,6	82,3	1,3	6,1	48,4	1,3	2,7	64,1	56,9
На выборах	5,2	24,7	34,8	15,0	25,6	59,4	9,6	11,1	41,2	12,3	21,7	41,2	45,1
В общественной-политической жизни	1,0	6,8	41,4	3,5	17,2	79,3	6,3	4,3	71	4,1	10,2	57,3	62,2
	5,7	12,7	24,9	8,1	20,4	71,5	9,2	9,2	48,0	17,2	24,1	39,8	46,0

Таблица 5.4

Численные значения разницы между средними показателями
ответа «Практически не сталкиваюсь» по странам в годах²³⁴

Страны	При поступлении на работу (%)			Проста в быту (%)			При оформлении пенсии (%)			При получении или приобретении жилья (%)			При получении образования (%)			На выборах (%)			В общественно-политической жизни (%)		
	2003 г.	2007 г.	2009 г.	2003 г.	2007 г.	2009 г.	2003 г.	2007 г.	2009 г.	2003 г.	2007 г.	2009 г.	2003 г.	2007 г.	2009 г.	2003 г.	2007 г.	2009 г.	2003 г.	2007 г.	2009 г.
Казахстан	-34,6	-15,3	-11,3	-25,6	-22,6	-3,2	-24,0	-5,9	-16,9	-28,5	-16,6	-24,1	-3,1	-14,2	-6,3	-	19,0	-26,8	-	-32,4	-20,1
Кыргызстан	-26,6	+22,6	-0,8	-18,6	+13,9	-12,1	-15,9	+1,1	+34,6	-38,4	+8,2	+25,4	-15,0	+18,2	+14,3	-	+12,5	+17,1	-	+3,8	+25,5
Молдова	-	-8,4	+1,1	-	-10,8	+1,4	-	-10,3	-20,1	-	-6,0	-8,5	-	-13,3	-3,9	-	+3,2	+7,8	-	-3,2	+2,0
Украина	+49,4	+21,2	+11,0	+44,4	+19,6	+14,2	+40,0	+15,4	+2,7	+46,9	+34,4	+7,2	+46,0	+8,8	-3,9	-	+3,4	-4,9	-	+12,1	-6,2

Во-вторых, традиционно высокими социально-политическим запросами россиян в этой стране.

Например, идя навстречу пожеланиям казахстанцев (фактически выполняя социальный заказ некоренного населения) Г. В. Колбин, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, в 1987 г. развернул повсеместную кампанию, поддержанную Москвой, по русификации всего руководящего состава республики²³⁵.

В-третьих, достаточно высоким уровнем консолидации общественных организаций россиян, постоянно будирующих вопросы прав и свобод некоренного населения.

В Киргизии, напротив, деструкция, связанная с мировым финансовым кризисом, привела к уменьшению комфортности россиян при поиске работы, в быту, в сфере образования, при общем повышении их места и роли в политической жизни республики. Типичным для респондентов, отметивших отрицательное отношение со стороны власти и коренного населения при устройстве на работу, в быту, было указание на реакцию в их адрес: «Ехали бы к себе в Россию, здесь и у самих проблем хватает»²³⁶.

Повышению роли наших соотечественников в общественной жизни Киргизии способствовало несколько обстоятельств.

Во-первых, ростом числа семей этой страны, живущих за счет заработков в России²³⁷.

Во-вторых, активизацией российско-киргизского экономического и внешнеполитического сотрудничества.

В-третьих, охлаждением общественного мнения к перспективам киргизско-американских и киргизско-европейских отношений.

Потепление российско-молдавских отношений благотворно сказалось на положении россиян во всех сферах общественно-политической жизни Молдовы. Повысилась толерантность власти и коренного населения к русскоязычным гражданам как в бытовой, так и общественно-политической сферах.

Обратные тенденции в развитии социально-политического климата вокруг россиян наблюдаются на Украине. Показатели, свидетельствующие о самочувствии русскоговорящего населения этой страны, ухудшились в разы.

Как уже отмечалось, причина резкого ухудшения положения российской диаспоры на Украине лежит в плоскости одной причины – антинародной политики правящей администрации.

Вряд ли было бы правильным считать, что препятствием на пути формирования новых постсоветских национальных обра-

зований и интеграции россиян в политический процесс стран СНГ являются этнические и конфессиональные противоречия, игравшие главную роль во многих исторических ситуациях, связанных с объединением народов.

Данные таблицы 55 говорят о том, что отношения россиян с титульной нацией в странах СНГ вполне благоприятные. Ситуация в межнациональных отношениях остается стабильной или улучшается. Таким образом, основным фактором, оказывающим доминирующую роль в успешной реализации процессов национальной и политической интеграции, играет политическая воля правящей администрации, а не этнические и конфессиональные противоречия народов.

Таблица 55

**Отношения представителей российской диаспоры
с титульной нацией**

(в таблицу не вошли ответы «затрудняюсь ответить»)²³⁸

Как Вы оцениваете отношения с титульной нацией (в % к числу опрошенных)	Казахстан			Киргизия			Молдова			Украина		
	2003 г.	2007 г.	2009 г.	2003 г.	2007 г.	2009 г.	2003 г.	2007 г.	2009 г.	2003 г.	2007 г.	2009 г.
Хорошие	34	67,3	65,0	40	83,8	77,5	–	67,0	71,1	83	84,9	83,6
Плохие	6	1,7	3,8	5	1,3	2,7	–	3,8	3,2	1	1,5	2,8
Скорее плохие, чем хорошие	37	23,4	23,1	30	10	14,1	–	22,4	19,3	6	8,5	7,6

Точных критериев оценки глубины национальной интеграции в науке, да и общественной практике, не существует. Реальным подтверждением тому может служить оценка, а, вернее, переоценка зрелости «новой социалистической общности – советский народ». И хотя вряд ли можно отрицать формирование такой общности в советский период нашей истории, события

1990-х годов покали явно завышенную оценку, данную ей в партийных и государственных документах.

Последние события, связанные с мировым финансовым кризисом, обнажили центробежные направления в международных отношениях Западной Европы, казалось бы, двигавшийся по безальтернативному пути формирования единой европейской идентичности.

Вместе с тем, о глубине национальных интеграционных процессов, в том числе на постсоветском пространстве, можно судить по некоторым косвенным признакам, например, по степени освоения нетитульным населением языка коренного этноса. Причем упомянутые исследования позволяют представить динамику распространения государственных языков стран СНГ на представителей российской диаспоры.

Таблица 56

Освоение российской диаспорой языка титульного этноса²³⁹

В какой степени Вы владеете языком титульной национальности? (в % к числу опрошенных)	Казахстан			Киргизия			Молдова			Украина		
	2003 г.	2007 г.	2009 г.	2003 г.	2007 г.	2009 г.	2003 г.	2007 г.	2009 г.	2003 г.	2007 г.	2009 г.
Свободно	3	6,2	7,4	7	4,7	4,2	52	36	27	–	14	12
Могут объясняться с трудом	23	29,9	27	23	35,1	15,2	3	40,4	52	–	45,8	52,3
Не владею	74	63,2	62,7	70	58,9	79,6	15	22,0	19,0	–	39,2	32,4

Перед тем как приступить к анализу динамических данных овладения россиянами государственных языков стран СНГ, заметим, что само по себе всеобщее владение языком титульного этноса не является обязательным условием рождения новых национальных общностей. Подтверждений тому в мировой общественной практике достаточно. Возьмем, к примеру, существование населения Швейцарии, являющимся носителями как французского, так и немецкого, языков. Таких

примеров можно привести множество. Однако для стран СНГ взятый показатель национальной интеграции можно считать достаточно репрезентативным, так как правящая администрация допускает единственно возможным путем формирования постсоветских наций, путь объединения народов на основе культурно-языковой идентичности коренного населения.

Данные таблицы 56 показывают, что в целом в результате адаптации россиян к условиям постсоветской реальности происходит увеличение в их общей массе тех, кто овладевает языком титульной нации. Исключение составляет Киргизия, где большая часть россиян связывают свое будущее с переездом в России.

Как показало исследование Института стран СНГ, настроения на отъезд из Киргизии в Россию охватывают большинство соотечественников: 72,2% опрошенных хотели бы уехать на постоянное место жительства (ПМЖ) в Россию, 23,4% – на работу в Россию. Динамика численности российской диаспоры в Киргизии показывает, что свое намерение об отъезде в Россию соотечественник реализуют достаточно активно (за два года произошло уменьшение российской диаспоры более чем на 6,3%). Об отъезде в другие страны думают меньше 2% опрошенных, и лишь менее полпроцента не хотят уезжать, настроены остаться в Киргизии²⁴⁰.

Ответом на форсированное давление в языковой сфере стало уменьшение числа респондентов россиян Украины, которые указывали на свободное владение государственным языком.

О разной мотивированности овладения языком титульной национальности, а, следовательно, и степени репрезентативности этого показателя в национальной интеграции в странах СНГ говорит и тот факт, что знание государственного языка, например, в Казахстане и Молдове, увеличивается по мере взросления респондентов, что говорит о том, что феномен владения казахским языком россиянами – достояние не настоящего, а интернационального прошлого.

Обратная зависимость возраста респондентов и знания ими языка титульной национальности на Украине, напротив, свидетельствует о современных истоках мотивации билингвизма и его потенциальных возможностях развития.

Проблемы в знании киргизского языка и россиян наиболее активного трудоспособного возраста (от 25 до 54 лет) – результат неблагоприятных событий первой половины 90-х годов прошлого столетия и массовой миграции русскоязычного населения Кыргызстана, и остающийся высоким миграционный настрой наших соотечественников.

Самая неблагоприятная ситуация в сфере языковой интеграции российской диаспоры складывается в Казахстане и на Украине. Публичное декларирование равноправия языков, с одной стороны, и все усиливающееся насильственное внедрение государственного языка во все сферы общественной жизни ведет к искусственному сокращению функционального пространства родного языка россиян (удельный вес сомневающихся в возможности овладения русскоязычными детьми родным языком увеличился с 2003 по 2009 гг. с 9,7% до 37,2% на Украине и с 16,4% до 44,3% в Казахстане).

Несмотря на неблагоприятные факторы (языковая, политическая и социальная дискриминация), новая политическая и социально-экономическая ситуация неизбежно ведут к сближению народов стран СНГ в новые национальные общности. Показателем тому служат результаты опроса респондентов с 2003 по 2007 гг., показывающие отношение россиян к бракам с представителями коренного этноса. Например, удельный вес тех, кто отрицательно относится к бракам с представителями титульной национальности, сократился в Казахстане на 29,7%, в Киргизии – на 35,2%, на Украине – на 10%.

Таблица 57

**Владение россиянами государственным языком стран СНГ
по возрастным группам²⁴¹**
(в таблице не учтены ответы «затруднюсь ответить»)

Вы лично владеете государственным языком?										
Страна	Возраст, %	Да, свободно, %			Могу объясниться с трудом, %			Не владею		
		2003 г.	2007 г.	2009 г.	2003 г.	2007 г.	2009 г.	2003 г.	2007 г.	2009 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Украина	до 24 лет	61,8	45,8	52,1	29,8	45,0	47,0	8,5	8,3	7,1

Продолжение таблицы 57

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
	от 25 до 34 лет	53,26	47,2	54,3	35,71	39,6	49,0	11,03	11,03	9,7
	от 35 до 54 лет	48,5	38,1	34,1	37,3	44,2	51,2	14,2	15,9	17,4
	старше 55 лет	48,7	25,7	23,2	30,5	35,6	48,1	20,8	37,3	46,1
Казахстан	до 24 лет	2,1	3,6	3,1	28,3	33,9	27,2	69,4	57,9	57,3
	от 25 до 34 лет	2,1	6,0	5,4	22,9	30,8	24,1	75,6	59,0	52,0
	от 35 до 54 лет	3,1	7,5	8,2	22,6	16,8	24,2	74,2	72,3	67,1
	старше 55 лет	3,8	8,2	9,3	20,0	22,1	27,3	76,1	59,8	52,3
Киргизия	до 24 лет	5,42	5,5	4,7	28,7	41,8	43,1	65,8	50,7	56,1

Продолжение таблицы 57

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
	от 25 до 34 лет	8,74	4,1	3,6	22,9	40,2	42,1	68,3	51,6	54,1
	от 35 до 54 лет	7,42	2,5	2,3	18,8	29,0	31,0	73,7	68,1	61,2
	старше 55 лет	6,07	7,2	8,1	25,8	34,5	35,6	67,9	58,2	51,3
Молдова	до 24 лет	-	27,5	23,1	-	47,8	43,1	-	23,2	34,1
	от 25 до 34 лет	-	17,2	12,2	-	54,7	50,0	-	28,1	36,7
	от 35 до 54 лет	-	10,3	16,3	-	47,4	54,7	-	40,5	39,2
	старше 55 лет	-	11,9	17,1	-	37,8	49,1	-	50,4	46,1

**Сохранение языковой идентичности несовершеннолетними
россиянами стран СНГ²⁴²**

Сохраняется ли у Ваших детей свободное владение русским языком?						
Страны	Да, он остается для них родным			С хорошим владением русским языком у них могут возникнуть проблемы		
	2003 г.	2007 г.	2009 г.	2003 г.	2007 г.	2009 г.
Украина	90,3	90,4	67,1	9,7	6,5	37,2
Киргизия	96,5	97,8	98,3	3,5	0,4	1,2
Казахстан	83,6	65,2	53,1	16,4	26,8	44,3
Молдова	–	97,6	97,3	–	1,4	1,9

Результаты опроса 2003 г. (в % к опрошенным)²⁴³

Как бы Вы отнеслись к браку Вашей дочери или сына с человеком титульной национальности?				
Страна	Был бы решительно против	Я предпочел бы человека своей национальности, но возражать против выбора не стал бы	Мне безразлична национальность мужа моей дочери или жены моего сына	Затрудняюсь ответить
1	2	3	4	5
Украина	0,4	18,4	67,7	13,5
Азербайджан	9,8	41,6	30,1	18,5
Грузия	9,1	37,7	37,7	15,6

Киргизия	34,0	33,4	14,9	17,7
Таджикистан	48,0	20,7	9,9	21,4
Казахстан	50,7	30,1	7,3	11,8
Средние данные	25,3	25,3	27,9	16,4

Таблица 60

Результаты опроса 2007 г. (в % к опрошенным)²⁴⁴

Как бы Вы отнеслись к браку Вашей дочери или сына с человеком титульной национальности?				
Страна	Был бы решительно против	Я предпочел бы человека своей национальности, но возражать против выбора не стал бы	Мне безразлична национальность мужа моей дочери или жены моего сына	Затрудняюсь ответить
Армения	27	11,6	55,2	5,6
Беларусь	–	3,9	93,5	3,9
Казахстан	25,9	25,2	35,6	11,2
Кыргызстан	10,9	21,3	57,9	8
Молдова	6,5	21,6	67	3
Украина	1,7	7,1	85,8	4,4
Средние данные	11,9	15,1	65,8	6,0

Этот интегральный показатель в разнице со средними значениями по мере возрастания выглядит следующим образом (разница между удельным весом отрицательно относящихся к браку с представителями коренного населения и средними показателями):

Казахстан – +24,1;

Киргизия – +5,2;

Молдавия – +0,8;

Украина – +18,2.

Совокупное действие объективных и субъективных условий мотивации интеграционных процессов в странах СНГ результируется в показателях, приведенных выше.

Таким образом, анализ вышеприведенных данных показывает, что процессу интеграции российской диаспоры в новые нации постсоветских независимых государств препятствуют, с одной стороны, объективные причины: этническая удаленность и разноконфессиональность, с другой стороны, субъективные факторы, а именно: политика коренизации общественно-политического пространства правящими элитами. При этом последние носят определяющий характер.

Политическая ситуация в отношении создания необходимых условий интеграции этносов, выравнивания их социального потенциала имеет страновую специфику.

Участие российской диаспоры в политическом процессе стран СНГ

Одним из направлений поведенческой стратегии представителей российской диаспоры в странах СНГ является интеграция в постсоветский политический процесс. Реализация этой стратегии является основанием трансформации россиян, проживающих за пределами материнского государства, в социальную базу интеграционных процессов на территории бывшего СССР в важнейшее средство реализации национальных интересов России.

Заметим, что правовая основа участия наших соотечественников в политическом процессе стран СНГ скорректирована с учетом норм международного права. Например, Молдова с момента обретения независимости присоединилась к главным международным актам, которые регламентируют защиту как коллективных, так и индивидуальных прав представителей национальных меньшинств. (Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Европейская конвенция по защите прав и основных свобод человека, Конвенция о расах и расовых предрассудках и др.).

Конституция Республики Молдова утверждает и гарантирует право национальных меньшинств на национальную

идентичность и культуру, на выражение своей языковой и религиозной идентичности, на равноправие перед судом и на защиту закона в случае дискриминации, на участие в выборах и право быть избранным в органы публичной власти, право на выбор языка образования и обучения, в то же время, признавая и защищая право на сохранение и развитие русского языка и других языков, функционирующих на территории Республики Молдова (ст. 4, 10, 13, 16 (2), 32, 35, 38).

Закон об общественных объединениях (ст. 1(2)) предоставляет представителям национальных меньшинств возможность основывать этнокультурные организации для более эффективного представления, продвижения и достижения своих социальных, экономических, языковых, культурных и других интересов.

Избирательный кодекс предоставляет всем гражданам Республики Молдова, независимо от национальности, языка, расы, религии и т.д., право участвовать в выборах и быть избранным в органы публичной власти, утверждая международные стандарты, в соответствии с которыми запрещено ограничение или запрет на осуществление этого право национальных меньшинств.

Закон Республики Молдова о правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций (№ 382-XV от 19 июля 2001 г.) является отправной точкой для решения большинства вопросов, связанных с национальными меньшинствами. Данный Закон утверждает и повторяет основные международные принципы и стандарты, включенные в Рамочную конвенцию о защите прав национальных меньшинств и других международных актов. Принятие этого Закона является актом соблюдения международного стандарта, в соответствии с которым права национальных меньшинств защищаются внутренним законодательством.

Государство гарантирует представителям национальных меньшинств равенство перед законом, равноправную защиту перед судом (ст. 4), условия для сохранения, развития и выражения этнической, культурной, языковой и религиозной идентичности (ст. 5), право на образование на родном языке на всех уровнях обучения (в соответствии с законодательством обучение в высших учебных заведениях проводится только на государственном и русском языках) (ст. 6), право использовать родной язык в устной и письменной речи (ст. 7). Нормативные акты, официальные сообщения и другая информация государственной важности публикуются на государственном и русском языках (ст. 8), что должно позволить представителям

национальных меньшинств, не владеющим государственным языком, получить доступ к вышеобозначенным актам и нормативам посредством русского языка.

Помимо этого государство обязуется не изменять этнодемографический состав регионов посредством административно-территориальных реформ. В населенных пунктах, имеющих автономный статус, название населенных пунктов, улиц указывается на государственном языке и других официальных языках (ст. 10), в то время как на территориях, где национальные меньшинства составляют значительную часть населения, язык этого меньшинства может служить официальным.

Представители национальных меньшинств имеют право на собственные СМИ (ст. 13), использование в личных целях национальной символики (ст. 15), использование фамилии, имени и отчества в форме, соответствующей нормам родной речи, включая записи в официальных актах (ст. 16).

В том, что касается объединений представителей национальных меньшинств, они обладают теми же правами, которые предоставляются общественным объединениям (ст. 19 (1)). Важно отметить, что ни одно из них не может претендовать на монопольное представительство интересов соответствующего национального меньшинства (ст. 19 (2)).

В соответствии с положениями ст. 22, Правительство, министерства, департаменты, органы местной публичной администрации обязаны консультироваться с представителями национальных меньшинств во время разработки и внедрения правительственной политики в области культуры и образования для национальных меньшинств. Последние должны быть представлены пропорционально в структурах исполнительной и судебной власти, в рядах Вооруженных сил, правоохранительных органов (ст. 24); в Парламенте и местных органах власти они представлены «в результате выборов, в соответствии с действующим законодательством».

Департамент межэтнических отношений является центральным государственным органом, ответственным за продвижение и внедрение государственной политики в языковой области и в области межэтнических отношениях, за обеспечение прямой связи между государством и национальными меньшинствами, с целью оказания им различной поддержки, этим соблюдая международные стандарты по отношению к мерам, предпринимаемым государством для обозначения проблем национальных меньшинств и обеспечения их решения, также обеспечивая защиту прав национальных меньшинств.

Весь сложившийся к настоящему времени комплекс национального законодательства, касающийся национальных меньшинств, а также основополагающие в этой сфере международные документы послужили базой для принятия нового Закона об утверждении Концепции национальной политики Республики Молдова (№ 546-XV от 19 декабря 2003 г.). Согласно Концепции, молдаване – государствообразующая национальность – вместе с представителями других этносов: украинцами, русскими, гагаузами, болгарами, евреями, румынами, белорусами, цыганами (ромами), поляками и другими – составляют народ Молдовы. Неотъемлемым условием политического суверенитета и гражданского мира в Молдове декларируется терпимость и уважение к языкам, культурам, религиям и верованиям всех этнических сообществ, проживающих на территории Молдовы. Государство обязуется всемерно заботиться о сохранении, развитии и свободном выражении этнической, культурной, религиозной и языковой самобытности всех этнических сообществ, проживающих в Молдове.

Права и свободы в Казахстане также признаются за всеми гражданами в равной мере, никто не может подвергаться дискриминации в пользовании правами и свободами по каким-либо основаниям, зависящим от естественных особенностей личности и ее социального статуса. В пункте 2 статьи 14 Конституции Республики Казахстан записано: «Никто не может подвергаться какой-либо дискриминации по мотивам происхождения, социального, должностного и имущественного положения, пола, расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений, места жительства или по любым основаниям». Эта и многие, созвучные с ней статьи Конституции Казахстана имеют принципиальное значение для защиты и реализации прав и законных интересов лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам.

Принцип равенства всех перед судом, закрепленный в пункте 1 статьи 14 Конституции Республики Казахстан, означает, что закон и его нормы в равной мере обязательны для всех, и суд должен руководствоваться только законом, а не какими-либо произвольными соображениями, не принимать во внимание не предусмотренные законом особенности лица, обращающегося за судебной защитой или отвечающего перед судом за свои действия.

Данный конституционный принцип означает, что в Казахстане не должны приниматься законы, которые, определяя права и обязанности субъектов, подходили бы к различным

лицам или социальным группам с различной меркой. Конституционное положение о равенстве всех перед судом означает также, что в данном случае не имеет значения правовой статус человека – все, то есть граждане Республики Казахстан, иностранцы, лица без гражданства, законно находящиеся на территории Казахстана – должны предстать перед судом в равном статусе, получая одинаковую защиту своих законных прав и неся одинаковую меру ответственности.

Кроме того, принципиальное значение для реализации и защиты прав и законных интересов лиц, принадлежащих к этническим меньшинствам, имеют следующие положения Конституции Республики Казахстан: «Государство заботится о создании условий для изучения и развития языков народа Казахстана» (ст. 7, п. 3); «Каждый вправе определять и указывать или не указывать свою национальную, партийную и религиозную принадлежность». «Каждый имеет право на пользование родным языком и культурой, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» (ст. 19). В этой связи следует особо выделить и пункт 2 статьи 39 Конституции Казахстана: «Признаются неконституционными любые действия, способные нарушить межнациональное согласие». Эта конституционная норма важна для защиты прав этнических меньшинств Казахстана.

Большое значение для защиты прав этнических меньшинств имеют положения Конституции Казахстана о запрещении создания и деятельности общественных объединений, цели или действия которых направлены на разжигание социальной, расовой, национальной, религиозной, сословной и родовой розни (статья 5, пункт 3); о недопущении пропаганды или агитации, войны, социального, расового, национального, религиозного, сословного и родового превосходства (ст. 20, п. 3); о неприкосновенности достоинства человека (ст. 17).

Важную роль в правовом обеспечении участия этнических меньшинств в общественно-политической жизни государства имеют также положения статьи 33 Конституции Казахстана, согласно которым: «Граждане Республики Казахстан имеют право участвовать в управлении делами государства..., избирать и быть избранными в государственные органы и органы местного самоуправления, а также участвовать в республиканском референдуме..., равное право на доступ к государственной службе».

Вышеуказанные положения Конституции Республики Казахстан получили свое развитие и конкретизацию в текущем

законодательстве страны. Так, действенным инструментом приобщения этнических меньшинств к общественно-политической жизни страны является Ассамблея народов Казахстана, действующая на основе Положения «Об Ассамблее народов Казахстана», утвержденного Указом Президента Республики Казахстан № 856 от 26 апреля 2002 года. Согласно данному Положению, Ассамблея народов Казахстана является консультативно-совещательным органом при Президенте Республики Казахстан. Целями Ассамблеи являются: укрепление общественной стабильности как основы справедливого решения национального вопроса; формирование казахстанской идентичности путем консолидации этносов Казахстана и политической культуры граждан, опирающейся на цивилизованные и демократические нормы; предотвращение и предупреждение действий, выступлений и высказываний, способных дискредитировать Республику Казахстан.

Согласно Закону Республики Казахстан «О средствах массовой информации» (1999 г.) «средства массовой информации распространяются на государственном и других языках» (ст. 3). Закон устанавливает, что «свобода слова, творчества, выражения в печатной и иной форме своих взглядов и убеждений, получения и распространения информации любым, не запрещенным способом, гарантируются Конституцией Республики Казахстан. Цензура запрещается» (ст. 2, п. 1). Кроме того, данным Законом закреплено положение о том, что «не допускается использование средства массовой информации для пропаганды или агитации... социального, расового, национального, религиозного, сословного и родового превосходства...» (ст. 2, п. 3).

Права этнических меньшинств защищаются также Законом Республики Казахстан от 26 июня 1998 года «О национальной безопасности Республики Казахстан». Так, согласно п. 2 ст. 19 данного Закона, «не допускается принятие решений и совершение действий, заведомо способных:

- 1) нарушить единство народа Казахстана и ухудшить состояние межнациональных отношений;
  - 2) нарушить общественное согласие и политическую стабильность в стране;
  - 3) повлечь незаконное вмешательство религии в дела государства и государства в дела религии;
  - 4) привести к росту преступности и правонарушений».
- К числу угроз национальной безопасности Республики Казахстан отнесены также политический экстремизм в любой его форме, в том числе разжигание социальной, расовой, нацио-

нальной, религиозной, сословной и родовой вражды или розни; обострение социально-политической ситуации, выражающееся в международных конфликтах, массовых беспорядках и т. п. (статья 5 вышеуказанного Закона).

Закон Республики Казахстан от 23 июля 1999 года «О государственной службе» также содержит общие положения о праве граждан республики на равный доступ к государственной службе. Так, в числе принципов, на которых основывается государственная служба, указываются общедоступность, то есть равное право граждан республики на доступ к государственной службе и продвижение по государственной службе в соответствии со своими способностями и профессиональной подготовкой; профессионализм и компетентность государственных служащих. Лица, поступающие на государственную службу должны отвечать только следующим требованиям:

- 1) обладать гражданством Республики Казахстан;
- 2) быть не моложе восемнадцати лет, если иное не установлено законодательством;
- 3) обладать необходимым образованием, уровнем профессиональной подготовки и соответствовать установленным квалификационным требованиям (ст. 13, п. 1).

Законом не допускается установление при поступлении на государственную службу каких бы то ни было прямых или косвенных ограничений в зависимости от пола, расы, национальной принадлежности, языка, социального происхождения, имущественного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям и по любым иным обстоятельствам (ст. 1.2, п. 4).

Кроме того, Закон «О государственной службе» устанавливает, что право на занятие административной должности и продвижение по службе административного государственного служащего осуществляется на конкурсной основе, за исключением случаев, установленных Законом «О государственной службе». Конкурс на занятие административной государственной должности обеспечивает право граждан Республики Казахстан на равный доступ к государственной службе. При этом в открытом конкурсе имеют право принять участие все граждане Республики Казахстан, в закрытом конкурсе участвуют только административные государственные служащие.

Вместе с тем, созданные правовые основы участия российской диаспоры в политическом процессе стран СНГ идут в разрез с общественно-политической практикой большинства стран СНГ. Особенно в тех странах, где сохраняется гипотетическая

возможность активного политического влияния россиян, наблюдается ярко выраженная воля правящей администрации к коренизации политического пространства.

Таблица 61

**Оценка россиянами, проживающими в странах СНГ,
политики правящей администрации²⁴⁵**

Как Вы считаете, руководство Вашей страны стремится к тому, чтобы россияне в стране... (в % к опрошенным)								
Страна/ вариант ответа	Казахстан		Молдова		Кыргызстан		Украина	
	2007 г.	2009 г.	2007 г.	2009 г.	2007 г.	2009 г.	2007 г.	2009 г.
Жили бы, как сами считают нужным	27,2	17,1	11,6	9,3	38,3	23,8	27,6	23,2
Покинули бы страну	22,1	16,9	26,8	21,4	10,1	17,2	4,3	11,3
Выучили бы местный язык и приспособились к новой реальности	42,2	56,1	52,2	56,2	35,6	46,9	511,9	64,2
Затрудняюсь ответить	7,5	8,4	9,4	10,8	15,1	11,4	15,4	1,0
Отказ	1,0	1,5	–	2,3	0,9	0,7	0,7	0,3

Во всех странах СНГ проявляется линия на формирование идентичности, основанной на культурно-языковых ценностях титульной нации. Респонденты исследуемых государств указали в качестве главного акцента политики власти в отношении российской диаспоры на принуждение россиян к освоению государственного языка и адаптации в политическом пространстве с доминантой коренного этноса. Причем, как показывают данные таблицы 61, эта тенденция политики администрации ближнего зарубежья нарастает.

Необходимо также заметить, что если на Украине и в Киргизии наши соотечественники, помимо давления в сторону ассимиляции, видят и стремление властей выдвинуть россиян из страны, то в Молдове и Казахстане, где русское и русскоязычное население по-прежнему составляет резерв высококвалифицированных кадров, удельный вес таких оценок политического курса правительств уменьшается.

Вместе с тем, анализ приведенных данных убеждает, что важнейшим фактором, если не сказать, основным, в интеграции россиян в политический процесс СНГ является официальный курс правящей администрации. Выполняя роль главного локомотива политической модернизации, в том числе и в плане включения россиян в активную общественную жизнь, властные структуры бывших союзных республик направляют ее в русло коренизации, что исключает полноценную адаптацию нетитульного населения в политическом пространстве.

Основным изъяном политики правящей администрации россияне считают языковую дискриминацию и отсутствие закона о двойном гражданстве. Вместе с тем, эволюция настроения российской диаспоры имеет страновую специфику. Если в Казахстане и Молдове сохраняется парадигма основных ориентиров российских соотечественников, оценивающих в качестве основных требований придания русскому языку статуса государственного и получения второго гражданства, то на Украине безусловный приоритет и острое политическое звучание приобретает лишь первая проблема. В Киргизии же, где основная масса россиян сориентирована на переезд в Россию, проблема придания русскому языку статуса государственного уходит на второй план, при резком возрастании значения второго гражданства и соблюдения прав этнических меньшинств. В связи с этим следует заметить, что в случае, если руководство поменяет ситуацию в отношениях с русскоязычным населением, здесь будет навсегда утрачена возможность становления представителей российской диаспоры в качестве одного из субъектов политического процесса, а Россия утратит важный элемент социальной основы своих национальных интересов в Центральной Азии.

Отстраненность россиян от участия в политической жизни стран СНГ, как правило, стимулируется мнением политической элиты этих государств о том, что российские соотечественники являются потенциальными носителями деструкции в становлении национального суверенитета. Однако приведенные данные опроса говорят о совершенно иных политических настроениях россиян.

**Оценка политики правящей администрации стран СНГ
в отношении россиян (в % к опрошенным, при этом респонденты
могли давать более одного варианта ответа)²⁴⁶**

В каких законах, решениях власти Вы нуждаетесь, чтобы комфортно себя чувствовать в стране?								
Страна/ вариант ответа	Казахстан		Кыргызстан		Молдова		Украина	
	2007 г.	2009 г.	2007 г.	2009 г.	2007 г.	2009 г.	2007 г.	2009 г.
В разрешении двойного гражданства	53,4	54,0	70,7	85,9	75,4	76,3	54,8	51,1
В законе о государственном статусе русского языка	54,9	56,1	44,9	25,2	79,6	81,1	61,3	93,1
В законе о правах этнических меньшинств	19,6	20,0	9,6	36,0	29,6	29,7	6,1	7,1
В законе о национально-культурной автономии	12,7	12,0	4,3	3,3	8,8	8,2	9,1	8,3
Другое	1,0	0,8	0,7	0,8	1,6	1,4	3,2	3,6
Затрудняюсь ответить	16,9	18,1	8,6	4,7	3,6	4,1	13,9	6,9
Отказ	1,4	1,7	1,6	0	0	0,6	0,8	0

Вопрос о национально-культурной автономии даже в Казахстане и на Украине оказался менее актуальным, чем языковая проблема. Значительно меньше первых двух проблем волнует россиян и проблема законодательного закрепления прав национальных меньшинств. Отсутствие у большинства россиян, проживающих в странах СНГ, возможности политической

реализации, чувство неполноценности порождает не уменьшающееся желание переехать на историческую Родину.

Заметим, что поведенческая стратегия на переезд в другую страну, в том числе историческую Родину, полностью исключает сохранение ориентиров на активную жизненную позицию россиян. Возможность сравнить показатели миграционных настроений наших соотечественников в странах СНГ представляет тенденцию изменений в соотношении двух стратегий поведения российской диаспоры: на переезд и общественно-политическую адаптацию.

Несмотря на то, что в опросе 2009 г. желание респондентов переехать в Россию связывалось с условиями «Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников в Российскую Федерацию», что вызвало значительно больше сомнений у его участников, данные, приведенные в таблице 63, достаточно красноречивы.

Таблица 63

Миграционное настроение российской диаспоры

(в % к опрошенным)²⁴⁷

Вы бы хотели вернуться в Россию, если бы представилась такая возможность?										
Страна	Да, безусловно, %		Пожалуй, да %		Пожалуй, нет %		Точно нет %		Затрудняюсь ответить %	
	2003 г.	2009 г.	2003 г.	2009 г.	2003 г.	2009 г.	2003 г.	2009 г.	2003 г.	2009 г.
Украина	9,6	14,1	13,7	25,2	21,6	18,4	23,0	21,0	32,1	21,3
Киргизия	44,2	35,2	25,5	45,1	9,8	0,3	2,2	0,1	18,3	19,3
Казахстан	40,7	16,5	28,8	29,4	19,5	24,6	1,0	15,1	10,0	10,9
Молдавия	24,2	29,1	36,4	41,2	21	14,1	6,2	5,3	11,6	10,3

В целом, в странах нарастает тенденция социального поведения россиян, ориентированная на оставление страны прожи-

вания. Даже на Украине показатели такого настроения россиян увеличились вдвое и достигли почти 40%. Самый высокий миграционный настрой сохраняется у наших соотечественников в Киргизии. Несколько улучшилась ситуация в Казахстане, что позволяет считать российскую диаспору этой страны потенциально способной к обретению политического статуса.

Таким образом, выше сказанное позволяет считать, что российская диаспора в плане интеграции в политический процесс стран СНГ находится в самом начале пути, успех освоения которого, в значительной степени, зависит от воли политического руководства стран Содружества. Современная практика отношений власти и российской диаспоры не внушает уверенности в благоприятной реализации этого процесса. Как альтернатива становлению гражданской и политической позиции россиян в странах СНГ, растет миграционная поведенческая стратегия наших соотечественников. Не в последнюю очередь такое положение дел является стечением двух факторов политики администрации на форсированную ассимиляцию нетитульного населения и незрелости процесса его консолидации.

Консолидация российской диаспоры как фактор интеграции в политический процесс стран СНГ

Консолидация российской диаспоры, как отмечалось выше, имеет наряду с политической волей, пассионарных ее представителей, объективную почву, включающую условия и факторы, не зависящие от русскоязычного населения ближнего зарубежья. В качестве таковых необходимо указать на успех реформирования материнского государства, уровень международного авторитета и силу российского влияния в мире. Успех осуществления внутренних преобразований на исторической Родине прямо влияет на выбор жизненной стратегии россиян, живущих за ее пределами. В ходе специального интервьюирования, проводимого в Казахстане в рамках исследования реализации Государственной программы по переселению, респонденты фокус-групп заявляли следующим образом: «Если я и соберусь переезжать, то только не в Россию»²⁴⁸.

Как уже говорилось, существенное влияние на интеграционные процессы в самой диаспоре оказывает социально-экономическое положение страны пребывания россиян. Различия в материальном, социальном статусе являются серьезным препятствием на пути консолидации российской диаспоры. Например, даже в относительно благополучном Казахстане наши

соотечественники, проживающие в сельской местности, практически не интересуются происходящим в стране и обществе и не имеют никакой личной и консолидированной позиции.

Одним словом, процесс консолидации россиян в странах СНГ должен пройти определенный путь становления и зрелости. Попытка форсировать это движение, как правило, не имеет результата.

Вместе с тем, было бы неверным представлять этот процесс свободным от влияния субъективных факторов, а именно, сильной диаспоральной политики России и активных усилий наиболее пассионарной части диаспоры, которая генерирует ее лидеров. Не может быть никаких иллюзий относительно целей политики в отношении нетитульного населения правящей администрации. Вектор политических устремлений власти будет всегда ориентироваться на сплочение общества на основе ценностей коренного населения и будет смещаться от этой стратегической линии только под тяжестью обстоятельств: консолидированных политических требований россиян.

Представить динамику признаков консолидации российской диаспоры в странах СНГ позволяют данные указанных исследований в 2003–2009 гг.

Большая часть соотечественников убеждена, что успех консолидации их объединений и выработка консолидированной политической позиции напрямую зависит от российской диаспоральной политики. Причем, в известной степени, упование исключительно на помощь извне препятствует активизации собственных сил представителей диаспоральных объединений. Как правило, каждый лидер организации или объединения русскоязычного населения ближнего зарубежья начинает свое выступление на форумах, конференциях, «круглых столах» с упрека в адрес российского государства и указания на необходимость материальной и политической помощи со стороны России²⁴⁹.

Данные опроса показывают, что ориентация на российскую диаспоральную политику в среде лидеров россиян продолжает расти. Исключение составляет Украина, где наблюдается явный диссонанс в усиливающемся политическом влиянии России в этой стране и накаляющейся значительно большими темпами обстановки вокруг российских соотечественников. Такое положение дел неизбежно вызывает у части русскоязычного населения и его активистов чувство неудовлетворенности.

**Российская диаспоральная политика как фактор консолидации
русскоязычного населения СНГ**
(% к опрошенным)²⁵⁰

Оказывает ли государственная политика России влияние на консолидацию русскоязычного населения?								
Страна/ вариант ответа	Казахстан		Кыргызстан		Молдова		Украина	
	2007 г.	2009 г.	2007 г.	2009 г.	2007 г.	2009 г.	2007 г.	2009 г.
Да, оказывает	85,0	86,1	90,6	92,0	92,0	93,2	91,0	87,0
Нет, это вмешательство в дела суверенного государства	0,3	0,1	2,3	1,2	1,2	0,8	1,0	0
Затрудняюсь ответить, отказ	14,7	13,8	7,1	6,8	6,8	6,0	8,0	13,0

Активная политика Российской Федерации представляется главным консолидирующим фактором: 86,1% опрошенным активистам российской диаспоры в Казахстане; 92,0% – в Киргизии; 93,2% – в Молдавии, 87,0% – на Украине.

Кроме всего прочего, следует отметить очень важный момент, касающийся реального влияния российской диаспоральной политики на процесс консолидации русскоязычного населения стран СНГ. Значительное усиление и систематизация работы в направлении содействия российским соотечественникам за рубежом нашло свое воплощение и результативность на уровне многочисленных союзов, объединений российской диаспоры и их лидеров. Масса россиян по-прежнему остается вне поля действия российской диаспоральной политики, о чем говорят данные таблицы 65.

Несмотря на то, что удельный вес положительных оценок эффективности российской диаспоральной политики вырос, все же более половины опрошенных соотечественников по-прежнему не ощущают ее влияния.

Спектр направлений, по которым должна активизироваться работа с соотечественниками, показывают результаты опроса, проведенного Институтом стран СНГ в Казахстане в 2009 г.

Эффективность российской диаспоральной политики
(в % к опрошенным)²⁵¹

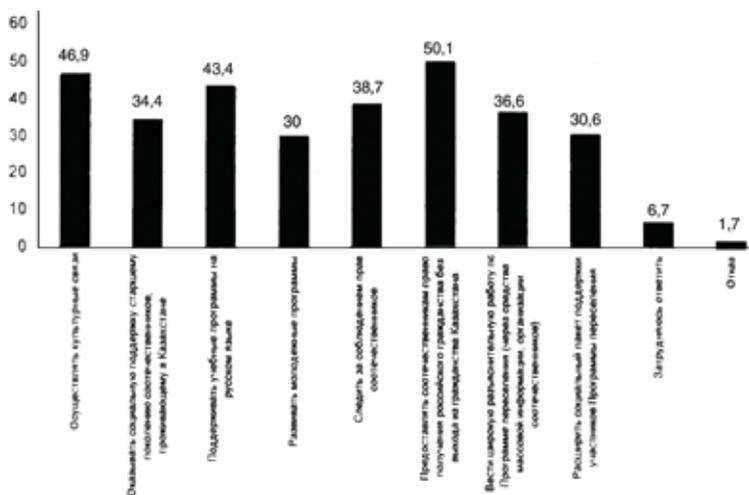
Оцените политику России в отношении русскоязычного населения ближнего зарубежья												
Страна	Россия делает, что может, для нашей защиты			Что-то делается, но очень мало			Никакой конкретной защиты со стороны России мы не чувствуем			Загруженность ответить		
	2003 г.	2007 г.	2009 г.	2003 г.	2007 г.	2009 г.	2003 г.	2007 г.	2009 г.	2003 г.	2007 г.	2009 г.
Украина	4,9	8	11,3	15,6	27,6	31,2	47,7	48,9	48,6	31,9	14,9	8,9
Киргизия	1,5	9,6	19,8	37,1	39,6	52,3	34,4	33,0	17,2	17,0	7,6	10,7
Казахстан	3,5	10,6	15,7	23,8	36,4	38,4	69,9	36,5	24,9	2,8	15,2	16,4
Молдова	-	12,4	14,7	-	51,6	53,2	-	30,4	22,8	-	5,6	9,3

Данные опроса очевидно свидетельствуют, что консолидирующую роль могут сыграть методы диаспоральной политики, направленные на решение насущных проблем россиян в странах СНГ: предоставление российского гражданства без утраты

казахстанского, расширение культурных связей с Россией и помощи в сохранении родного языкового пространства и т.д.

Диаграмма 66

**Оценка направлений развития
российской диаспоральной политики в странах СНГ²⁵²**

Политика России в отношении соотечественников достаточно освоила верхний уровень «диаспорального материала» и должна быть сегодня сориентирована на нижний уровень. Для этого требуется, не ослабляя интенсивности влияния на актив русскоязычных союзов и объединений, сконцентрировать материальные и организационные усилия на влиянии в широкой массе россиян.

В интервью «Российской газете» 30 октября 2008 г. Министр иностранных дел С.В. Лавров сказал: «Регулярные встречи соотечественников и с соотечественниками вошли в повседневную практику нашей жизни – и России, и всего русского мира. Это, пожалуй, одно из самых заметных достижений работы с российской диаспорой, которое задает тон всем последующим совместным действиям.

Нынешняя Всемирная конференция станет первым представительным форумом после состоявшегося два года назад в Санкт-Петербурге Всемирного конгресса соотечественников.

По уровню представленности конгрессы можно условно охарактеризовать как саммиты соотечественников, а конференции – как встречи на высоком уровне. Итоги Санкт-петербургского форума придали серьезный импульс консолидации диаспоры за рубежом, формированию принципиально новой структуры отношений соотечественников с исторической Родиной»²⁵³.

Продолжается работа по консолидации соотечественников за рубежом. Важную роль в этом играют проводимые при содействии Правительственной комиссии конференции. В 2008 г. проведено 8 региональных и более 60 страновых конференций соотечественников, 30 октября – 1 ноября в Москве прошла Всемирная конференция соотечественников²⁵⁴.

С целью приближения к конкретным потребностям соотечественников МИД РФ в 2009 г. организовало ряд региональных конференций²⁵⁵.

При посольствах РФ созданы Координационные советы российских соотечественников, играющие важную роль в консолидации диаспоры²⁵⁶.

Консолидации россиян в странах СНГ способствует постепенное сближение организаций и объединений российской диаспоры.

В Казахстане зарегистрировано значительное количество русских/славянских общественных организаций: Русская община Казахстана (РОК), русское/славянское движение «Лад», казачьи организации, культурные, православные русские и славянские центры и фонды и т.д. Их стратегии можно резюмировать в следующих пунктах:

1. сохранение поля русской культуры, функций русского языка в Казахстане;
2. сохранение в максимально возможной степени политических, экономических, научных, культурных, идеологических связей и единого информационного пространства с Россией;
3. активное участие русских/славян в общественно-политической жизни страны²⁵⁷.

В настоящее время в Республике Молдова действуют около 20 общественно-политических организаций российских соотечественников. В июле 2000 года большинство их объединилось в рамках Координационного совета русских общин Молдавии. Руководителем Координационного совета стал председатель Комиссии по правам человека и национальным меньшинствам Парламента РМ М.И. Сидоров.

Отдельно функционирует организация под названием «Конгресс русских общин Молдавии», председатель которого

В.И. Клименко отказывается присоединиться к Координационному совету и поддерживает контакты с Посольством России в Кишиневе и с соответствующими структурами в Москве на самостоятельной основе.

Названные выше общины состоят из российских соотечественников, в большинстве своем являющихся молдавскими гражданами. Российские граждане, постоянно проживающие в Молдавии, принимают в работе русских общин самое активное участие.

В Приднестровье общественные организации соотечественников объединились в 2001 году в Союз русских общий Приднестровья, который возглавляет отец Дионисий. Здесь наиболее активно действуют общины «Добрыня» в Бендерах, им. А.В. Суворова в Рыбнице, «Отчизна» в Тирасполе, движение «Россияне» в Слободзее.

В ПМР нет чисто русских общественно-политических организации, движений и партий, поскольку в их рядах насчитывается значительное количество украинцев, молдаван, а также представителей других национальностей, проживающих в регионе. Всего в ПМР в настоящее время зарегистрировано более 30 различных общественно-политических организаций, движений и партий²⁵⁸.

Попытки объединения русских организаций на Украине предпринимались неоднократно. Самая масштабная попытка была сделана в ходе избирательной кампании 2002 г. Тогда партии «За Русь единую», «Русско-украинский союз», «Союз» и общественная организация «Русская община Украины» (создана в июне 1999 г.) объединились в единый «Русский Блок», преобразованный позже в партию (зарегистрирована в августе 2002 г.). Возглавил его А. Свистунов. Уже тогда этот блок был раздираем массой противоречий, результатом чего стало 16-е место на выборах с результатом 190 839 голосов (0,73% избирателей Украины). 4-процентный избирательный барьер «Русский Блок» преодолел лишь в Крыму и Севастополе.

В результате конфликта в руководстве партии «Русский Блок» и Русском движении Украины на съезде в Киеве 12 марта 2005 А. Свистунов года был смещен с должностей председателя этих организаций и исключен из нее. Частично конфликт был вызван несогласием большинства руководства ПРБ с линией А. Свистунова на сотрудничество с партией Н. Витренко и «Братством» А. Корчинского (в прошлом известного своей антироссийской деятельностью). Партию «Русский блок» возглавил В. Пашков, глава Запорожской областной организации Блока. Свистунов не признал эти решения и оспорил их

в суде, где выяснилось, что устав Блока составлен фактически под одного человека. 16 июля 2005 г. также в Киеве были проведены съезды ПРБ и РДУ, на которых председателем обеих организаций вновь был избран А. Свистунов.

На украинских парламентских выборах 2006 г. партия «Русский Блок» поддерживала Партию регионов Украины, по спискам которой в Верховную Раду был избран А. Черноморов. Наиболее эффективно партия работает в Крыму, где она вошла на выборах 2006 г. в блок «За Януковича!», победившего в ходе голосования. В Верховный Совет Крыма было избрано 13 представителей «Русского Блока»: 12 по спискам блока «За Януковича!» и 1 по спискам блока Наталии Витренко «Народная оппозиция». В Севастопольский горсовет было избрано 5 представителей «Русского Блока». Бурные избирательные кампании 2004 и 2006 гг., с одной стороны, вернули вопрос поддержки русского языка в политическую повестку дня Украины. С другой стороны, повсеместно (за исключением Крыма) они привели к тому, что избиратели, представляющие российских соотечественников, структурировали свои симпатии между крупнейшими политическими партиями. Данные исследований показывают, что в кампании 2004 г. русские Украины поддержали кандидатуру Виктора Януковича, а в кампании 2006 г. – Партию регионов и Блок Витренко «Народная оппозиция». Причем из этих исследований можно сделать вывод, что водораздел между избирателями Украины проходит не только по национальности, но и по языку, поскольку Януковича поддержали не только русские Украины, но и русскоязычные украинцы.

Попытки объединения русских организаций происходили и после выборов 2004, и особенно в 2006 г. Делались они под эгидой Русского движения Украины, Русской общины Украины, Союза православных граждан Украины, объединения «Наследники Богдана Хмельницкого». По инициативе последнего (лидер – народный депутат Украины от Компартии Л. Грач), при поддержке посольства Российской Федерации осенью 2006 г. предпринималась попытка создать Координационный совет российских соотечественников. Его целью, согласно предлагавшимся проектам документов, было «представление интересов соотечественников на Украине и за рубежом». В проекте Устава этой организации было сказано: «КС выражает заинтересованность в сохранении общего гуманитарного пространства между Украиной и Россией, выступает за восстановление исторической и культурной преемственности между разными

поколениями граждан Украины, а также между народами СНГ, содействует активизации культурно-просветительской деятельности организаций соотечественников в деле духовного возрождения общества». При этом сами организаторы данной структуры выражали понимание того, что далеко не все русские организации согласятся объединяться под ее эгидой²⁵⁹.

Результаты исследования показали, что общественные объединения являются значительным ресурсом для защиты прав и интересов российских соотечественников за рубежом. Так, уверенность в том, что при консолидированных действиях российские соотечественники могут отстаивать свои права, высказали: 89% респондентов в Приднестровье, 59% – в Киргизии, 58% – на Украине, 49% – в Казахстане, 43% – в Молдове. Однако этот потенциал на практике реализуется незначительно. Только небольшая часть респондентов считает, что власти считаются с русской общественностью: 4% – в Молдове, 6% – на Украине, 10% – в Кыргызстане, 11% – в Казахстане, и только в Приднестровье – больше половины – 57%. Несколько больше ответов получено о том, что власти иногда считаются, когда это выгодно (например, во время избирательных кампаний, берут на вооружение лозунги): 41% – в Молдове, 32% – в Кыргызстане, 31% – в Казахстане; 25% – на Украине. В Приднестровье 24% респондентов также считают влияние незначительным, и лишь в случаях нужных для власти.

В то же время треть и более соотечественников ничего не слышали о деятельности организаций: 42% — на Украине, 35% – в Кыргызстане, 29% — в Казахстане; и только в Молдове и Приднестровье их доля 13% и 3%, соответственно.

Деятельность общественных объединений востребована соотечественниками, но для выхода ее из маргинального состояния необходима серьезная организационная и информационная работа²⁶⁰.

В целом настрой российских соотечественников на консолидацию и отстаивание своих прав достаточно высок во всех странах СНГ.

Вместе с тем, снижение удельного веса активной части диаспоры, настроенной на участие в политическом процессе в Центральноазиатских государствах, говорит о росте здесь поведенческой стратегии наших соотечественников, ориентированной на переезд в Россию. И, наоборот, обострение политической ситуации на Украине и в Молдове при сохраняющемся настрое россиян на «укоренение» ведет к активизации их политической позиции и способствует интеграции в политический процесс.

Данные таблицы говорят о том, что в целом активная политическая позиция сохраняется у большинства представителей российской диаспоры. Только треть и менее респондентов не видят эффективных методов борьбы за свои права. Об этом же свидетельствует достаточно значительный удельный вес тех, кто собирается отстаивать свои права в местных и центральных органах власти страны проживания.

Таблица 67

**Оценка перспектив консолидации российской диаспоры
в странах СНГ²⁶¹**

Как Вы полагаете, русскоязычное население в Вашей стране способно сплотиться и совместными усилиями добиться того, чтобы с ним считались?									
Страна	Скорее, да			Скорее, нет			Трудно сказать		
	2003 г.	2007 г.	2009 г.	2003 г.	2007 г.	2009 г.	2003 г.	2007 г.	2009 г.
Киргизия	28,3	58,4	53,3	45,0	28,8	33,6	36,7	12,4	11,6
Казахстан	16,2	49,0	44,3	57,1	34,5	31,3	26,8	15,1	14,9
Молдова	–	41,0	54,2	–	51,0	42,1	–	8,0	4,0
Украина	24,7	62,2	73,1	32,5	16,6	14,5	42,9	18,8	11,0

**Оценка россиянами возможных методов защиты своих прав
(в % к числу опрошенных)²⁶²**

Какой метод защиты Ваших прав как русскоязычных граждан Вы считаете самым эффективным?	Казахстан			Кыргызстан			Молдова			Украина		
	2003 г.	2007 г.	2009 г.	2003 г.	2007 г.	2009 г.	2003 г.	2007 г.	2009 г.	2003 г.	2007 г.	2009 г.
Обращение в центральные органы власти Вашей страны	9,9	10,7	20,6	10,9	16,6	13,0	–	7,0	8,1	10,7	7,8	6,2
Обращение в местные органы власти	–	8,3	–	–	19,0	–	–	5,5	–	–	7,8	–
Обращение в посольские и консульские учреждения РФ	–	4,2	9,8	–	8,8	–	–	12,2	–	–	4,1	2,0
Обращение к местным организациям русскоязычного населения	4,7	3,1	8,8	10,3	5,3	6,4	–	12,4	16,4	6,3	5,5	4,3
Обращение к органам власти РФ, отвечающим за работу с соотечественниками	7,3	4,5	–	25,1	5,7	30,2	–	16,4	21,2	5,4	5,6	5,8
Митинги, демонстрации, забастовки	1,9	2,1	2,4	2,4	0,4	1,2	–	1,6	2,4	3,1	5,8	16,7
Обращение к общественным организациям и партиям России	1,8	1,8	1,0	6,6	2,6	1,7	–	4,2	2,1	2,8	2,2	2,1
Эффективных методов защиты не вижу	15,5	36,5	24,6	36,9	24,9	25,8	–	30,4	31,5	15,5	25,9	32,4
Другое	–	0,1	10,3	–	0,7	18,2	–	1,4	1,1	–	3,6	4,2
Затрудняюсь ответить	58,5	25,8	20,6	30,1	13,3	5,9	–	9,4	17,2	64,1	29,8	23,3
Отказ	–	2,9	–	–	2,9	–	–	0	–	–	2,0	3,0

В то же время конструктивные методы обращения к властным структурам становятся менее популярными в среде россиян Киргизии и Украины. В первом случае это связано с ярко выраженной жизненной стратегией на переезд в Россию, во втором – с антинародной политикой администрации. Об этом говорят и данные, свидетельствующие о резком росте популярности среди русскоязычного населения Украины таких методов борьбы за свои права как митинги, демонстрации, забастовки.

Настрой на переезд в Россию россиян Киргизии проявился во все возрастающем удельном весе ответов респондентов, возлагающих большие надежды на органы Российской Федерации, ответственные за работу с соотечественниками.

ВЫВОД

Таким образом, в большинстве стран СНГ сохраняется возможность консолидации российской диаспоры, развитие которой будет способствовать ее оформлению в полноправный субъект политического процесса.

Важная роль в этом процессе принадлежит в числе субъективных факторов диаспоральной политики Российской Федерации. Ее активизация на современном этапе результативна в повышении эффективности и влияния наиболее пассионарной части русскоязычного населения ближнего зарубежья, однако не достигла полного воплощения в широкой массе россиян.

Основная масса нетитульного населения стран СНГ, в том числе русскоязычная, настроена на конструктивные методы борьбы за свои права, что сохраняет возможность диалога с властными структурами и комплиментарные условия ее интеграции в политический процесс.

Вхождению наших соотечественников в политический процесс стран СНГ во многом способствует то обстоятельство, что период суверенизации новых субъектов международных отношений, в основном, завершился, что обусловило сглаживание неизбежных противоречий между титульным народом и представителями других этносов. За последние пять лет в большинстве стран СНГ произошли социально-политические изменения, положительно сказавшиеся на положении российской диаспоры в обществе.

Также положительно сказалось на положении наших соотечественников и укрепление российско-страновых экономических и политических отношений. Не последнюю роль в повышении социально-политического статуса россиян сыграла активная миграция в Россию трудовых ресурсов из стран пребывания российской диаспоры.

Во многом повышению имиджа россиян способствовал добровольный выбор большинства стран СНГ в пользу интеграции с Российской Федерацией. И даже продолжающееся противоборство различных полюсов силы – Россия – Запад за доминирование на Украине – способствует актуализации «российского фактора» внутри этой страны. В связи с последними результа-

тами парламентских выборов в Молдове неизбежно приведут к четкому позиционированию политических сил относительно проблемы западного выбора, что неизбежно скажется на росте политического влияния российской диаспоры.

Значительным препятствием на пути обретения россиянами политической субъектности в странах СНГ является попытка правящих элит форсировать процесс интеграции народа в новые постсоветские общности (например, «казахстанцы»). Однако анализ ситуации в странах СНГ показывает, что этот процесс носит длительный характер и попытки ускорить его напротив приносят деструктивные результаты.

Большое значение в становлении российской диаспоры как полноправного участника политического процесса имеет ее консолидация в организационные структуры, наличие пассионарных лидеров этого общественного движения. Политическая реальность ближнего зарубежья дает основание считать, что политический авторитет и значение российской диаспоры резко возрастает по мере обретения формальной организации. Однако в настоящий момент объединения соотечественников далеки от совершенства. Большая их часть существует как «организация в себе». Конференции, «круглые столы» и другие мероприятия, проводимые этими организациями, не отражают жизненных интересов диаспоры и малопродуктивны.

Заключение

Интеграция российской диаспоры в постсоветское политическое пространство – процесс сложный, не укладывающийся в линейные схемы с установленным направлением развития и определенным набором факторов, влияющих на его состояние.

Во-первых, его характеристики напрямую связаны с качественными изменениями самого объекта политической интеграции российской диаспоры.

Во-вторых, этот процесс сопряжен с системой его внешних связей.

Другими словами, сама общность – российская диаспора в странах СНГ находится в стадии формирования своего институционального качества. Причем переходные социально-экономические условия ближнего зарубежья, политическая нестабильность бывших союзных республик, в которых протекает становление российской диаспоры, в значительной степени осложняют этот процесс.

В связи с вышесказанным универсальная оценка политического потенциала российской диаспоры, одинаково применимая ко всем странам СНГ, представляется некорректной. Анализ постсоветской действительности новых независимых государств убеждает в наличии территориальной локализации процесса интеграции российской диаспоры в политическое пространство.

Вопреки мнению многих исследователей, российская диаспора значительной части стран СНГ навсегда утратила возможность преобразования в полноправный субъект политического творчества.

Процесс интеграции россиян в политическое поле ближнего зарубежья имеет свою периодизацию. При этом каждый этап его развития имеет свои качественные характеристики. Политическая реальность первого постсоветского периода практически исключала полноценную интеграцию российских соотечественников в политический процесс стран, обретших независимость. Повсеместно в бывших республиках СССР, утративших контроль Центра, стал разворачиваться процесс

коренизации политического процесса, что вызвало острое противостояние власти и русскоязычного населения. На втором этапе этого процесса происходили: институализация диаспоры; установление баланса между «выгодной ассимиляцией», с одной стороны, и необходимой «этнодистанцией», с другой; сокращение наиболее «пассионарной» части русскоговорящего населения СНГ; складывание у правящей элиты осознания необходимости использования в достижении своих политических целей российской диаспоры.

В рамках продолжающегося в настоящее время периода реализовались наметившиеся в предшествующий период тенденции модернизации социально-политического положения россиян в странах СНГ, стала проявляться новая черта их политической позиции, направленная в сторону приспособления к новой реальности, что создавало дополнительную фундированность ассимиляторской политике правящей администрации и исключало формирование новой субъектности российских соотечественников в политическом процессе стран пребывания.

На фоне активизации в странах СНГ интереса к русскому языку происходит смена его социальной функции. Из средства сохранения российского социокультурного пространства русский язык превращается в «язык межнационального общения».

Для третьего периода характерны: в целом стабильность межнациональных отношений и понимание их конфликтности, что должно создавать более благоприятные условия политической инкорпорированности россиян; значительно расширившиеся коммуникативные возможности. Однако ни первая, ни вторая позитивные потенции не получили сколько-нибудь определенно выраженную реализацию в политическом положении российской диаспоры в странах СНГ.

В связи с изменением ситуации в ближнем зарубежье многие обществоведы склонны считать необходимым отказаться от особого формата социально-политического статуса россиян и описание их положения универсалией «национальное меньшинство» с вытекающими отсюда правовыми последствиями.

Однако, на наш взгляд, такая позиция не соответствует современному состоянию дел вокруг российских соотечественников в странах СНГ. Русские и россияне во многих странах СНГ остаются, и даже при неблагоприятном стечении обстоятельств еще длительное время будут оставаться, системообра-

зующим или, по крайней мере, самостоятельным субъектом постсоветской социально-политической интеграции ближнего зарубежья.

Важнейшим фактором, способствующим сохранению россиянами своей этнической и социально-политической идентичности, является российская диаспоральная политика. На первом этапе, продолжавшемся с середины 1990-х годов до начала нынешнего столетия, причины субъективного характера не позволили в полной мере реализовать возможности диаспоральной политики как фактора интеграции россиян в политическое пространство СНГ. Устранение этих препятствий на втором этапе, тем не менее, не создало благоприятных предпосылок координального повышения ее эффективности. Усилия российского государства пока достигли только верхнего, элитарного уровня «диаспорального материала», но не воплощения в широких массах россиян. При всех несовершенствах диаспоральной политики России нельзя не отметить повышение ее результативности, например, в плане информированности наших соотечественников в ближнем зарубежье, что, безусловно, способствует повышению их жизненной позиции, в том числе и в сфере реализации своих политических амбиций.

В странах СНГ в рамках выявленной локализации сохраняются объективные условия инкорпорации россиян в политический процесс. Важнейшими из них являются: функциональное пространство русского языка; наличие социокультурного поля, сформированного в период существования народов в одном государственном образовании; интеграционные процессы в СНГ; позитивная оценка общественным сознанием населения стран пребывания россиян России и российской политики.

Однако субъективные факторы, важнейшим среди которых является политика правящей администрации, не способствуют, а порой препятствуют становлению политического статуса негитупного населения. Усилия руководства стран СНГ направлены в сторону объединения в политическом пространстве российской диаспоры на основе культурных ценностей коренного населения, что фактически означает ее ассимиляцию и утрату этнической и социополитической идентичности. Главным препятствием политической адаптации российской диаспоры в бывших союзных республиках может стать искусственное вытеснение русского языка из официальной сферы, образовательного процесса и превращение его в средство международного общения и язык бытовой лексики. Не случайно в этой связи именно в языковой политике аккумулируется главная

проблема отношений власти с нетитульным населением, в том числе россиянами.

Средством политической борьбы, приобретшим в последнее время актуальность, становится история и исторические ценности. История превращается в объект острого политического противоборства. Не сложно представить, что главная цель исторических фальсификаций – представить россиян как носителей общих с Россией традиций, наследниками «колониального прошлого», «агрессорами», покушающимися на суверенитет национальных государств, и исключить последних из политического пространства.

Выхолащивание исторических и культурных традиций, сформированных во времена совместного существования народов в едином государстве, дискриминация русского языка, политический курс власти на дезинтеграцию с Россией и СНГ порождают политическую апатию или деструкцию политической позиции россиян.

Сложность реальной политической практики большинства стран СНГ заключается и в том, что руководство этих государств склонно видеть содержание интеграции общества в новые постсоветские нации как процесс форсированной ассимиляции всех народов на основе этнических ценностей коренного населения. Нельзя сказать, что воплощение такой позиции властных структур не имеет реальных плодов. Благодаря такого рода устремлениям в российской диаспоре проявляется группа соотечественников, утративших «этническую память».

Однако в большинстве случаев форсированная коренизация населения новых независимых государств вызывает чувство отторжения у большей части российской диаспоры.

Реальная общественно-политическая практика стран СНГ и уровень участия россиян в политическом процессе характеризуется противоречием между декларируемыми правами россиян, правовыми нормами их обеспечивающими, с одной стороны, и реальным положением российских соотечественников. Созданные правовые основы участия российской диаспоры в политическом процессе стран СНГ идут в разрез с общественно-политической практикой. Причем это несоответствие проявляется особенно в тех государствах, где сохраняется гипотетическая возможность активного политического влияния россиян на обстановку в стране.

Полноценному освоению россиянами политического процесса стран СНГ препятствует их низкая консолидация. Помимо субъективных факторов, консолидация российской диаспоры

имеет объективную основу. В качестве таковой необходимо указать на успех реформирования материнского государства, уровень международного авторитета и силу российского влияния в мире. Успех осуществления преобразований на исторической Родине прямо влияет на определение россиянами стран СНГ стратегии своего поведения. Вместе с тем, было бы неверным представлять процесс консолидации наших соотечественников в ближнем зарубежье свободным от влияния субъективных факторов, а именно, сильной диаспоральной политики России и активных усилий наиболее «пассионарной» части диаспоры, генерирующей ее лидеров.

В плане глубины и охвата «диаспорального материала» процесс консолидации находится на начальном этапе своего развития. Являясь обязательным условием интеграции россиян в политический процесс, консолидация российской диаспоры пока не в полной мере обеспечивает становление их консолидированной политической позиции.

Рекомендации

1. Диаспоральная политика Российской Федерации, направленная на интеграцию российской диаспоры в политический процесс ближнего зарубежья, должна акцентироваться в странах, где сохраняется такая возможность: Казахстане, Киргизии, Молдове, Украине. Распространение этих усилий на другие регионы постсоветского пространства малопродуктивно.

2. В выработке стратегии и тактики диаспоральной политики следует иметь в виду мобильный характер «диаспорального материала», наличие его этнического содержания, позитивное влияние авторитета и имиджа России на формирование его институциональных качеств.

3. В качестве приоритетных направлений диаспоральной политики следует считать сохранение функционального пространства русского языка, исторических и культурных традиций между народами постсоветского пространства.

4. Необходимо сориентировать диаспоральную политику на достижение эффекта в широкой массе диаспоры: активизации жизненной позиции ее представителей, консолидации, интеграции в единое социокультурное пространство с исторической Родиной.

5. Руководство страной должно занимать твердую и однозначную позицию в отстаивании жизненных интересов россий-

ских соотечественников в странах проживания, при этом создав механизм возможного комфортного переезда в Россию.

6. МИД РФ в выработке внешнеполитического курса со странами СНГ должно учитывать позицию диаспоральных структур и комплиментарность официальной власти государств, их привлечение к участию в политическом процессе.

Список литературы

Официальные документы

1. Агентство по государственной службе Республики Казахстан. Исх. № 03-01-01-12/630 от 27.07.2004.
2. Азербайджан сегодня. Сборник статистических данных. – Баку, 2004.
3. Аналитика. № 4. 2004.
4. Ассамблея народов Казахстана. Казахстан сегодня. – Астана, 2003.
5. Беларусь сегодня. Сборник нормативных и законодательных актов. – Минск, 2001.
6. В помощь российскому соотечественнику за рубежом. (Справочное издание). – М., 2007.
7. Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (утверждена Указом Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637).
8. ДГПЧ МИД России. Положение соотечественников в странах СНГ. Бюллетень № 11 Консультативного совета субъектов Федерации по международным и внешнеэкономическим связям при МИДе России.
9. Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. – М., 1996.
10. Диаспора. № 2–3. 1999.
11. Доклад «Русский язык в мире».
12. Заказ № 4439 от 4 августа 2006 г. Агентство по статистике республики Казахстан. Алматы.
13. Закон РБ «О языках в Белорусской ССР». – Минск, 1990.
14. Закон РБ «Об обеспечении прав национальных меньшинств в Республике Белоруссия». – Минск, 1992.
15. Закон Республики Армения «Об иностранных гражданах». – Ереван, 1994.

16. Закон Республики Молдова о функционировании языков на территории Республики Молдова. – Кишинев, 1989.
17. История: проблемы объективности и нравственности. – Ташкент, 2003.
18. Казахстан за годы независимости. Информационно-аналитический сборник. – Алматы: Агентство по статистике, 2006.
19. Конституция Грузии. – Тбилиси, 1995.
20. Конституция Республики Узбекистан. – Ташкент, 1992.
21. Концепция поддержки Российской Федерацией соотечественников за рубежом на современном этапе. (Утверждена Президентом Российской Федерации 30 августа 2001 года).
22. Концепция поддержки Российской Федерацией соотечественников за рубежом на современном этапе. Концепция приграничного сотрудничества в российской Федерации. Концепция миграционной политики Российской Федерации. – М., 2001.
23. Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации. (Одобрена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 марта 2003 г. № 256-р).
24. Материалы Комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками Государственной Думы РФ. 1997–2001 гг.
25. Международный опыт защиты соотечественников за рубежом. – М., 2003.
26. Национальный состав населения / Итоги переписи населения Республики Беларусь 1999 года. Статистический сборник. – Минск, 2001.
27. Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 2. Население Республики Казахстан по национальностям и владению языками / Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан. Статистический сборник / Под ред. А. Смаилова. Агентство Республики Казахстан по статистике. – Алматы, 2000.
28. Национальный состав Республики Казахстан. Т. 4. Ч. 1. Население республики Казахстан по национальности, полу и возрасту / Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан. Статистический сборник. Алматы, 2000.
29. Обеспечение прав человека в Содружестве Независимых государств. Вып. 1. Основополагающие документы Содружест-

ва, договоры России о дружбе и сотрудничестве с государствами СНГ. – М., 1999.

30. Организация Объединенных Наций. Материалы и документы. – М., 2006.

31. Основные направления поддержки Российской Федерацией соотечественников за рубежом на 2002–2005 гг., утвержденные Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 ноября 2002 года № 1663-р.

32. Основные положения Концепции государственной политики Российской Федерации в области подготовки национальных кадров для зарубежных стран в российских образовательных учреждениях (одобрена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 18 октября 2002 г.).

33. Положение о Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом, утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 11 декабря 1994 года № 1369.

34. Положение об установлении формы визы, порядка и условий ее оформления и выдачи, продления срока ее действия, восстановления ее в случае утраты, а также порядка аннулирования визы, утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 9 июня 2003 г. № 335.

35. Постановление Правительства Республики Молдова о мерах по обеспечению дальнейшего развития русской национальной культуры в Республике. С. 109. – Кишинев, 2001.

36. Постановление Правительства Российской Федерации от 11 декабря 1994 года № 1369 «Об утверждении Положения о Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом» (с изменениями от 16 марта 1997 года).

37. Постановление Правительства Российской Федерации от 8 июля 2002 года № 510 «Об утверждении положения о порядке выплаты пенсий гражданам, выезжающим (выехавшим) на постоянное жительство за пределы Российской Федерации».

38. Права человека. № 2 (4). 2000.

39. Права человека. Сборник международных документов. Организация Объединенных Наций. – Нью-Йорк, 1989.

40. Правила использования средств федерального бюджета, выделяемых на реализацию мероприятий по поддержке соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 мая 2002 года № 330.

41. Правительственный вестник. Май. 1996.
42. Программа работы с соотечественниками за рубежом на 2006–2008 годы. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 октября 2006 г. № 1370-р.
43. Проект Конвенции СНГ о статусе русского языка. – «Российская газета». 4 июня. 1998.
44. Распоряжение Президента Российской Федерации от 4 февраля 2006 г. № 41-рп «О межведомственной рабочей группе по разработке Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом».
45. Российская диаспора в странах СНГ и Балтии: состояние и перспективы; Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). По заказу МИД РФ. Российская диаспора на пространстве СНГ. – М., 2007
46. Российско-казахстанские консультации по консульским вопросам. – «Дипломатический вестник». № 3. 1999.
47. Русские в ближнем зарубежье. – М., 1994.
48. Русские: этносоциологические очерки / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. – М., 1992.
49. Русский проект. Конституция России: новый вариант // Лига защиты национального достояния. – М., 1998; и др.
50. Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 16. Ст. 1888.
51. Соотечественники. – «Русский дом». № 6. 2000.
52. Справочнику «Деловой Казахстан». Астана, 2005.
53. Текущий архив Института стран СНГ. 1996.
54. Текущий архив Института стран СНГ. 2001 г.
55. Текущий архив Северо-Казахстанского акимата. Фонд первого заместителя Акима области. 2005.
56. Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2003 года № 1417 «О совершенствовании государственного управления в области миграционной политики».
57. Указ Президента Российской Федерации от 11 августа 1994 года № 1681 «Об основных направлениях государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом».
58. Указ Президента Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 1325 «О положении «О порядке рассмотрения

вопросов гражданства Российской Федерации» (в ред. Указа Президента РФ от 31.12.2003 № 1545).

59. Указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 года № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом».

60. Федеральная целевая программа «Русский язык» (2006–2010 гг.)». Утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2005 года № 833.

61. Федеральное собрание. Государственная Дума. Вопросы законодательного обеспечения международно-правовых основ сотрудничества России с государствами – участниками Содружества Независимых государств и Прибалтики, государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом. – Издание Государственной Думы РФ, 1999.

62. Федеральный закон «О беженцах» от 19 февраля 1993 года № 4528-1 (в ред. федеральных законов от 28.06.1997 № 95-ФЗ, от 21.07.1998 № 117-ФЗ, от 07.08.2000 № 122-ФЗ, от 07.11.2000 № 135-ФЗ, от 30.06.2003 № 86-ФЗ).

63. Федеральный закон «О ветеранах» от 12 января 1995 года № 5-ФЗ (в ред. федеральных законов от 02.01.2000 № 40-ФЗ, от 04.05.2000 № 57-ФЗ, от 08.08.2001 № 124-ФЗ, от 25.07.2002 № 116-ФЗ, от 06.05.2003 № 52-ФЗ, с изм., внесенными федеральными законами от 27.12.2000 № 150-ФЗ, от 30.12.2001 № 194-ФЗ, от 24.12.2002 № 176-ФЗ, от 19.12.2005 № 163-ФЗ).

64. Федеральный закон «О вынужденных переселенцах» (в ред. федеральных законов от 20.12.1995 № 202-ФЗ, от 07.08.2000 № 122-ФЗ) (с изм., внесенными Постановлением Конституционного Суда РФ от 21.11.20002 № 15-П, Федеральным законом от 24.12.2002 № 176-ФЗ).

65. Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22 августа 1996 года № 125-ФЗ (в ред. федеральных законов от 10.07.2000 № 92-ФЗ, от 07.08.2000 № 122-ФЗ, от 25.06.2002 № 71-ФЗ, от 10.01.2003 № 11-ФЗ, от 05.04.2003 № 41-ФЗ, от 07.07.2003 № 119-ФЗ, от 31.12.2005, с изм., внесенными постановлениями Конституционного Суда РФ от 27.12.1999 № 19-П, от 24.10.2000 № 13-П, федеральными законами от 27.12.2000 № 150-ФЗ, от 30.12.2001 № 194-ФЗ, от 24.12.2002 № 176-ФЗ).

66. Федеральный закон «Об образовании» от 10 июля 1992 года № 3266-1 (в ред. федеральных законов от 13.01.1996 № 12-ФЗ, от 16.11.1997 № 144-ФЗ, от 20.07.2000 № 102-ФЗ, от 07.08.2000 № 122-ФЗ, от 13.02.2000 № 20-ФЗ, от 21.03.2002 № 31-ФЗ, от 25.06.2002 № 71-ФЗ, от 25.07.2002 № 112-ФЗ, от 10.01.2003 № 11-ФЗ, от 07.07.2003 № 123-ФЗ, от 18.07.2005 № 92-ФЗ, с изм., внесенными Постановлением Конституционного Суда РФ от 24.10.2000 № 13-П, федеральными законами от 27.12.2000 №150-ФЗ, от 30.12.2001 № 194-ФЗ, от 24.12.2002 № 176-ФЗ).

67. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (с изменениями от 18.07.1998, 24.06.1999, 10.01.2003, 30.06.2003, 29.06.2004, 15.06.2006, 18.07.2006).

68. Федеральный закон от 17 декабря 2001 года № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (в ред. федеральных законов от 25.07.2002 № 116-ФЗ, от 31.12.2002 № 198-ФЗ, от 14.02.2005 № 3-ФЗ, с изменениями от 27.07.2005).

69. Федеральный закон от 18 июля 2006 года № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (вступил в силу 15.01.2007).

70. Федеральный закон от 24 мая 1999 года № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (с изменениями от 31.05.2002, 22.08.2004, 29.12.2004, 31.12.2005, 18.07.2006).

71. Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (в редакции от 02.11.2004, с изменениями от 30.06.2003, 11.11.2003, 22.08.2004, 02.11.2004, 18.07.2006).

72. Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (с изменениями от 11.11.2003, 02.11.2004, 03.01.2006, 18.07.2006).

73. Хельсинский процесс. Сборник документов. – М., 1997.

Монографии, справочные документы

1. Алексеев К. Жизнь диаспоры Казахстана / Газета. 25.05.2007 г.

2. Алтынбекова О.Б. Этноязыковые процессы в Казахстане. – Алматы: Экономика, 2006.

3. Айрапетова Н. В. Путин и российские соотечественники. – «Независимая газета». 23 февраля. 2000.
4. Айрапетова Н. Соседи на коммунальной кухне. Как живет русский в странах СНГ. – «Независимая газета». 30 сентября. 2001.
5. Алексеев А. Русофобия на «законных основаниях». – «Права человека». № 2 (4). 2000.
6. Алкснис В. Червонец на соотечественника // Наша газета. 02.06.2007 г.
7. Арутюнян Ю.В., Бромлей Ю.В. Социально-культурный облик советских наций. – М., 1986.
8. Асимов Ф. Для кого Казахстан – Отечество? // Оперативный мониторинг положения российских соотечественников по текущим событиям общественно-политической жизни стран пребывания. (Апрель–июнь 2007 года). – М., 2007.
9. Ашимбаев Д. Кто есть кто в Казахстане: биографическая энциклопедия. – Алматы: ИД «Credo», 2002.
10. Байдельдинов А.А. Об этнолингвистической ситуации в Казахстане (к 4-летию принятия Закона «О языках в республике Казахстан») // Аналитическое обозрение. № 4. 2001.
11. Богданова Д. Жестокий романс 20 млн. русских, проживающих за пределами России, страдают от неразделенной любви к Родине. – «Метро». 23 марта. 2000.
12. Бозрикова Т.Н. Проблемы этнических меньшинств в Таджикистане. – Душанбе, 2003.
13. Болотокова В.Х., Кумыкова А.М. Феномен наций и национально-психологические проблемы в социологии русского зарубежья. – М., 1998.
14. Брладзе Н. Идти по пути сближения. Посол Грузии в РФ Зураб Абашидзе считает, что негативные аспекты в двусторонних взаимоотношениях могут быть преодолены. – «Независимая газета». 25 июля. 2000.
15. Выступление Н.И. Губенко на заседании Московской Городской Думы // Информационный бюллетень. 17.05.2007 г.
16. Волкова М. Путин защищает русских в Астане. – 27 сентября. 1999.
17. Галлиев А.Б., Бабакумаров Е., Жансугурова Ж., Перуашев А. Межнациональные отношения в Казахстане: этнический аспект кадровой политики. – Алматы: ИРК, 1994.

18. Губогло М.Н. Развитие этнодемографической ситуации в столицах автономных республик в 1959–1989 гг. // Исследования по прикладной этнологии. – М., 1992.
19. Градировский С.Н. Россия и постсоветские государства // Диаспора. № 2–3. 1999.
20. Губаева Т.В., Малков В.П. Государственный язык и его правовой статус // Государство и право. № 7. 1999.
21. Дробижева Л.М. Русские в новых государствах. Изменение социальных ролей // Россия сегодня: трудные поиски свободы.
22. Дятлов В.И. Диаспора как исследовательская проблема // Диаспоры в историческом времени и пространстве. – Иркутск, 1994.
23. Евсеев С. Будет ли Киев соблюдать Европейскую Хартию? – «Права человека». № 2 (4). 2000.
24. Ермолова Е. Объединиться для защиты своих прав.
25. Иванов И. Под пятой национальных эгоизмов. СНГ три года спустя. – «Сегодня», 30 декабря. 1994.
26. Интервью Председателя Комитета по международным делам Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Д. Рогозина П. Шеремету (канал ОРТ, программа «Время, 6.02.2000 г.)
27. Калинина Н.В. Российская диаспора в странах СНГ. – М., 2002. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук.
28. Красноглазов Н. Разоблачение русской прессы // Вести сегодня. 02.04.2007 г.
29. Космарская Н. Жизнь в постсоветской Киргизии глазами русских // Вестник Евразии. – М., 1998. № 1–2.
30. Космарская Н. Русские в Центральной Азии – большой вопрос? // Центральная Азия и Кавказ. № 5 (6). 1999.
31. Куртов А. Казахстанский вариант парламентаризма // Независимая газета. 27 декабря. 2000.
32. Лаврухин А. Граждане СНГ стали иностранцами. – «Независимая газета». 17 января. 2001.
33. Михайлов В., Драчевский К. По пути взаимодействия и сотрудничества. Евразийское экономическое сообщество: «смена вывески» или новая ступень интеграции? – «Независимая газета». 4 ноября. 2000.

34. Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах. – М., 1996.
35. Миграция населения в постсоветских государствах. Аннотированная библиография российских изданий 1992–1997 гг. / Общ. ред. Г. Витковской. – М., 1998.
36. Минаев С. Дом Москвы // Вечерняя Москва. 27.03.2007 г.
37. Никитин В. Укрепление связей с соотечественниками за рубежом – важнейшая задача государственной политики России.
38. Никитин В.А. К понятию диаспоры. – М., 1997.
39. Новиков Г.И. Теория международных отношений. – Иркутск, 1996.
40. Панарин С.А. Русскоязычные у внешних границ России: вызовы и ответы (на примере Казахстана) // Диаспоры. 1999. № 3.
41. Первый заместитель Министра иностранных дел РФ Э.В. Митрофанова // Российская диаспора в странах СНГ. – М., 2004.
42. Полоскова Т.В. Современные диаспоры. – М., 1999.
43. Попов А. Братство с загранпаспортами. Цены нового режима на украинско-российской границе никто не подсчитывал. – «Независимая газета». 1 сентября. 2000.
44. Петров О. Москва и соотечественники // Вечерняя Москва. 28.04.2007 г.
45. Плотинский Ю.М. Теоретические и эмпирические модели социальных процессов. – М., 1998.
46. Полоскова Т. Диаспоры в системе международных связей. – М., 2000.
47. Полоскова Т. Искушение «диаспоральной» полемикой. Россия обязана помочь соотечественникам научиться выживанию / Независимая газета. 23.02.2000 г.
48. Роджерс Б. Диаспоры катаклизма в Центральной и Восточной Европе и их отношения с роинами (на примере Веймарской Германии и постсоветской России) // Диаспоры. № 3. 2000.
49. Раскулов К.Р. Роль и место национальных культурных центров в формировании межнациональных отношений // Культура межнациональных отношений в независимом Узбекистане. – Ташкент, 1995.

50. Рудов Г. Кыргызско-российские отношения: рыночные условия диктуют политику. – «Реформа» (научно-экономический журнал, Киргизия). № 3–4 (11–12), 2001.

51. Собянин А.Д., Забелло Я.Ю. Русские в Киргизии // Центральная Азия и культура мира. – Бишкек. № 1–2. 2005.

52. Стенограмма выступления Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова на конференции по статусу русского языка за рубежом // Независимая газета. 29.05. 2007 г.

53. Терехов В. Легко ли быть русским в Крыму? // Права человека. № 2 (4). 2000.

54. Тесемникова Е. Восточно-Казахстанский прессинг. Руководитель Усть-Каменогорской организации соотечественников преследуется местными властями. – 6 июня. 2001.

55. Тишков В.А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии. 1993. № 2.

56. Тойганбаев А. Как не стать чужим на своей земле // Аналитика. 14.05.2007 г.

57. Фомин А. Русские – подданные Туркменбаши? // Права человека. № 2 (4). 2000.

58. Чернов П. О чем умалчивает статья Каримова. // Независимая газета. 19 февраля. 2000.

59. Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 3. – М., 1997.

Печатные издания

1. Азеррос. № 2. 2004.
2. Аналитика. № 4. 2004.
3. Ва-банк. 8 сентября. 2003.
4. Деловая неделя. 8 января. 1999.
5. Дипломатический вестник. № 11. 2001.
6. Дипломатический вестник. № 4. 2003.
7. Известия. 7 января. 2000.
8. Казахстанская правда. 24 октября. 2006.
9. Казахстанская правда. 31 декабря. 1998.
10. Комсомольская правда. 12 октября. 2001.
11. Комсомольская правда. 29 июля. 1999.
12. Молдова. Рубрика «Нега» сообщает. – «Независимая газета». 18 апреля. 2000.

13. Москва и соотечественники. Информационный дайджест. № 8. 2004.
14. Москва и соотечественники. Информационный дайджест. № 7. 2003.
15. Народное единство. – Ташкент, 2003.
16. Независимая газета. 12 октября. 2001.
17. Независимая газета. 16 апреля. 1999.
18. Независимая газета. 23 ноября. 2000.
19. Независимая газета. 26 июля. 2000.
20. Независимая газета. 29 февраля. 2000.
21. Правительственный вестник. Май. 1996.
22. Президентский вестник. 2000.
23. Российская газета. 16.05.2003 г.
24. Российская газета. 3 сентября. 2003.
25. Соотечественники. 22 июля. 2005.
26. Этнодиалоги. № 1. 2004.
27. Этнодиалоги. Альманах. № 1. 2004.

Литература на иностранных языках

1. Chinn J., Kaiser R. Russians as the New Minority. Ethnicity and Nationalism in the Soviet Successor. Boulder (Col.), Westview Press, 1966.
2. Kolstoe P. Russians in the Former Soviet Republics. Bloomington and Indianapolis, Indiana University Press, 1955.
3. Nation-Building and Ethnic Integration in Post-Soviet Societies. An Investigation of Latvia and Kazakhstan. Ed. by P. Kolstoe. Boulder (Col.), Westview Press, 1999.
4. Pilkington H. Migration, Displacement and Identity in Post-Soviet Russia. L. – N. Y., Routledge, 1998.

Библиография

1. www.russians.kz, «Казахстанские нацрезервы «усыхают», а «племенные вожди» столбят дорогу на Запад», «Ладинформ», 6.01.2009.
2. www.odnarodyna.ru, Марина Досталь, «Борьба закарпатских русинов за автономию. Постсоветский период», 10.01.2009.
3. www.russian.kiev.ua. Мы идем одной дорогой.
4. 11.01.2009,
5. www.ruskiymir.ru, «Иммиграция и эмиграция – вопрос, зависший в условиях невесомости», 13.01.09.
6. www.russian.kiev.ua, «Русских выдавливают из Казахстана».
7. 13.01.2009.
8. www.ruscrimea.ru, Наталья Гаврилева, «Сергей Цеков: Мы уже почувствовали свою силу», 14.01.2009,
9. www.ruscrimea.ru, «Президиум Думы Русской общины Крыма определил цели на ближайшую перспективу», Пресс-служба Русской общины Крыма, 15.01.2009,
10. www.BBCRussian.com, «Русский язык становится в Киргизии все более популярным», Абдужалил Абдурасулов, 20.01.2009.
11. www.rus.in.ua, «Проблема современной дискриминации русского языка», Мира Гакова, 20.01.2009.
12. www.russians.kz, «В Киеве состоялось заседание Всеукраинского Координационного Совета организаций российских соотечественников», 28.01.2009.
13. www.ferghana.ru, «О национализме и ксенофобии в Узбекистане: «Пятиминутки ненависти» стали «десятиминутками», Олег Байрамов,
14. 28.01.2009.
15. www.rus.in.ua/news, «Гуманитарный кризис на Украине как вызов Русскому миру», А.С. Филатов, 23.02.2009.

16. www.russians.kz, «Миграция русского населения Центральной Азии в свете глобального кризиса», Всеволод Лукашѐв, Станислав Епифанцев,

17. 02.04.2009.

18. www.russkie.org, «Состоялось заседание Всемирного координационного совета российских соотечественников», 02.04.09.

19. www.rossija.info/view «Русская община как национальная идея», 09.03.2009.

20. russian.kiev.ua, «Славянские ключи славянского триединства», Небренчин С.М., 17.03. 2009.

21. www.russians.kz, « Есть только три пути: эмиграция, ассимиляция и маргинализация», Станислав Епифанцев, 23.03.2009.

22. www.rus.in.ua, «За слово русское!», Сергей Сокуров, 8.04.2009,

23. www.rus.in.ua/news, « Русский Донбасс», 27.04.2009.

24. www.ksrsk.narod.ru, «Россия ждет соотечественников», 02.05.2009,

25. www.sevastopol.su, «В России нет конкретного плана по поддержке своих соотечественников на Украине...», Вадим Колесниченко, 07.05.2009.

26. www.ruskiymir.ru, «В Крыму проходит III Международный фестиваль русской культуры «Великое русское слово», Борис Серов, 11.06.2009.

27. www.ruscrimea.ru/news, «Подведены итоги III Международной научно-практической конференции “Русский язык в поликультурном мире”», 11.06.2009.

28. www.russians.kz/, «Русофильство, русофобство... и состояние антироссийских настроений», Всеволод Лукашѐв, Станислав Епифанцев ,

29. 04.06.09.

30. www.ruskiymir.ru, «В Грузии завершился русско-грузинский поэтический фестиваль «В поисках Золотого руна», Информационная служба фонда «Русский мир», 29.06.2009.

31. www.news.km.ru, «Российские НПО и МИД будут координировать работу по линии связей с соотечественниками за рубежом», Юрий Филатов,

32. 26.06.2009.

33. www.rusculture.uz/news/i258/, «Заседание Правления Русского культурного центра Узбекистана», 15.06.2009.

34. www.osvita.org.ua/news, «Нацменьшинства Украины пожаловались в ООН на внешнее тестирование», 20.06.2009.

35. www.rosvesty.ru/1973/first/, «Российские соотечественники как опора большой российской цивилизации», Дмитрий ЕРМОЛАЕВ, 20.08.2009.

36. www.better.kz/ru, «Этнические меньшинства в Казахстане сегодня», Игорь САВИН, 20.08.2009.

37. www.russkie.org, «“Русскоязычная Украина” формирует забастовочные комитеты при русских школах», 07.09.09.

38. www.russkie.org «На Украине состоялось заседание правления “Русского Содружества”», 03.09.09.

39. www.vesti.uz, «Юрист защитит права российского соотечественника», 29.09.2009.

Примечания

Введение

¹ См.: А.Р. Аклаев. Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент. – М., 2005; В. Дятлов. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. 1999. № 1; В.Д. Попков. Феномен этнических диаспор. – М., 2003; Русская идентичность на постсоветском пространстве / Под ред. С.Ю. Пантелеева. – М.: ИнфоРос, 2007; Ю.И. Семенов. Этнос, нация, диаспора / Этнографическое обозрение. 2008. № 2; В.А. Тишков. Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–26; он же. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М., 2003; В.А. Тураев. Этнополитология. – М., 2004; В. Филиппов. «Нулевой вариант» в этнополитике // Федерализм. 1997. № 2. и др.

² См.: С.А. Арутюнов. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. № 2; С.А. Арутюнов, С.Я. Козлов. Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс // <http://eursa.org/node/237>; Х. Пилгингтон, М. Флинн. Чужие на родине? Исследование «диаспоральной идентичности» русских – вынужденных переселенцев // Диаспоры. 2001. № 2–3; В.А. Тишков. исторический феномен диаспоры // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. Сб. статей. – М., 2001; В. Шнирельман. Мифы диаспоры // Диаспоры. 1999. № 2–3; и др.

³ См., например: Г. Шеффер. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. 2003. № 1; Т.В. Полоскова. Диаспоры в сфере международных связей. – М., 2000; и др.

⁴ Н.А. Нарочницкая. Россия и русские в мировой истории. – М., 2005; О.Н. Батанова. Русский мир и проблемы его формирования. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук.

⁵ Н.М. Гаджимурадова. Особенности формирования и развития диаспор на постсоветском пространстве (на примере России и Закавказья). Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М., 2002; Калинина Н.В. Российская диаспора в странах СНГ (политические аспекты проблемы) / Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М., 2002; Савченко О.А. Русская диаспора в Азербайджане: проблемы этнокультурного развития. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2002; и др.

⁶ См., например: Геноцид. Русские в Казахстане: трагическая судьба. – М., 2001; Русские в Киргизии. – Бишкек, 2008; Туркменская трагедия. – М., 2003; и др.

⁷ См., например: Н.О. Матвейцева. Эволюция социально-политического положения российской диаспоры в странах СНГ. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М., 2007.

⁸ См., например: М.А. Лобанов. Российская диаспора в ближнем зарубежье как фактор продвижения национальных интересов России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М., 2008.

⁹ В помощь российскому соотечественнику за рубежом. Справочное издание. – М., 2008.

¹⁰ См., например: Постсоветское пространство: реалии и перспективы. – М.: ОМЭПИ ИЭ РАН, 2008; Россия – Украина: стратегическое партнерство или «железный занавес»? – М.: Институт стран СНГ, 2008; Предпосылки стабильного развития Крыма. К 225-летию Севастополя и Черноморского флота. – Севастополь, 2008; Юбилейная конференция казахстанского республиканского славянского движения «Лад». – Астана, 2008; и др.

¹¹ См., например: Караван. <http://www.cara.van.kz>. – Ежедневное освещение общественно-политической и экономической жизни страны. Новости, аналитические материалы; Казахстанская правда. – http://www.kazpravda_kz. – Ежедневная общественно-политическая газета. Официальные документы правительства и парламента Республики. Новости экономики, культуры, социальной сферы; Газета «Экспресс К». – <http://www.express-k.kz>. – Ежедневная общественно-политическая газета; Общественно-политическая газета «Время». – <http://www.tima.kz>; Панорама. – <http://www.panorama.kz>. – Ежедневные аналитические обзоры политики, экономики, бизнеса и международных отношений; Деловая Неделя. – <http://www.dn.kz>. – Новости и комментарии политических, экономических, общественных и культурных событий в Казахстане и в мире; XXI Век. – <http://www.21century.kz>. Ежедневная общественно-политическая газета Казахстана. Политика, экономика; Время по Гринвичу. – <http://www.globe.kz>. – Новости бизнеса, финансов, политики, экономики, культуры; Газета БАК. – <http://bak-aktobe.nm.ru>. – Общественно-политическая газета Казахстана; The Almaty Herald Daily On-line. – <http://www.ahdaily.kz>. – Ежедневные новости экономики, финансов, компаний стран Средней и Центральной Азии; Панорама Шымкента. – <http://shymkent.post.kz/panorama>. – Ежедневный обзор городских и областных новостей политики, экономики и культуры; Информ-Вест, г. Петропавловск. – <http://informvest.petr.kz>. – Новости региона, спорт, криминал; 451 градус по Фаренгейту. – <http://www.f451.kz>. – Общественно-политическая еженедельная газета; LadaTV, г. Актау. – <http://www.Lada-tv.da.ru> Городские новости, интервью.

¹² См., например: Россияне в Молдове. – Кишинев: Социум-Молдова, 2004; и др.

¹³ См., например: Исследование демографических процессов в Казахстане // Население Казахстана. – Астана: Фонд Сороса, 2003; и др.

¹⁴ Российская диаспора в странах СНГ и Балтии: состояние и перспективы. – М., 2004; Российская диаспоры на пространстве СНГ. – М., 2007.

¹⁵ Российская диаспора в странах СНГ // Текущий архив Института стран СНГ, 2009.

Глава I. Российская диаспора и постсоветский политический процесс. Теория вопроса

Понятие «российская диаспора»: теоретико-политологический анализ

¹⁶ Э.А. Паин. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. – М., 2004.

¹⁷ См., например: Р.Г. Абдулатипов. Принципы национальной политики. Вариант концепции для Российской Федерации. – М., 1994. И др.

¹⁸ Текущий архив Института стран СНГ. Отдел Центральной Азии и Казахстана. 2008 г.

¹⁹ См., например: Ю. Громыко. Соотечественники в ближнем зарубежье – после борьбы за восстановление русского народа // Стыки-2. 1998. – С. 3.

²⁰ А.С. Барсенков. К вопросу о факторах формирования современной русской идентичности в России // Русская идентичность на постсоветском пространстве. – М., 2008. С. 63.

²¹ Р.Г. Абдулатипов. Российская нация: этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях. – М., 2005. С. 272.

²² В.А. Тишков. Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. – С. 3–26; он же. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М., 2003.

²³ Он же. Россия как национальное государство // Независимая газета. 1994. № 15. – С. 1, 3.

²⁴ Он же. О российском народе и национальной идентичности в России // Бюллетень сети этнологического мониторинга. 2007. № 72. – С. 1.

²⁵ Он же. Новый и старый «русский мир» // Стратегия России. 2007. 28 мая.

²⁶ Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» / В помощь российскому соотечественнику за рубежом. Справочное издание. – М., 2002. С. 86.

²⁷ А.И. Вдовин. Русский вопрос и русское государство на современном этапе // Русская идентичность на постсоветском пространстве. – М., 2008. С. 84.

²⁸ От Ельцина до Путина: три эпохи в историческом сознании россиян. – М.: ВЦИОМ, 2007. С. 184.

²⁹ Оперативный мониторинг положения российских соотечественников по текущим событиям общественно-политической жизни стран пребывания (ноябрь, 2008). – М., 2008. С. 75.

³⁰ Материалы конференции «соотечественники – потомки великих россиян (Итоговый стенографический сборник)». – М., 2008. С. 26–27.

³¹ Т.В. Полоскова. Современные диаспоры. Внутриполитические и международные аспекты. – М., 1999. С. 26.

³² См., например: О.Б. Неменский. Русский мир и Русская земля: территориальный аспект русской идентичности // Русская идентичность на постсоветском пространстве. – М., 2008. С. 34.

³³ Т.В. Полоскова. Указ. соч. С. 81.

³⁴ А.И. Вдовин, В.А. Корецкий. Распад СССР и проблемы национально-политического развития России // Российское государство и общество, XX в. – М., 1999. С. 360.

³⁵ Там же. С. 360–361.

³⁶ А. Назаров, Е. Назарова. Проблемы российской диаспоры в странах СНГ // Обозреватель. 1998. № 5(100). – С. 14.

³⁷ Текущий архив Института стран СНГ. Отдел диаспоры. 1997 год.

³⁸ Н.В. Калинина. Российская диаспоральная политика в странах СНГ: состояние и перспективы. – М., 2005. С. 20.

³⁹ Существенную роль в определении парадигмы социально-политического поведения имеют возрастные критерии, деление на сельских и городских жителей и т.д.

⁴⁰ Н.В. Калинина. Указ. соч. С. 20–21.

⁴¹ А.А. Пронин. Российская диаспора и права человека. – М., 2008. С. 14–15.

⁴² Российские вести. Федеральный еженедельник. 2005. № 9 (1764).

⁴³ Мегapolis. 2007. № 39(354).

⁴⁴ Казахстан: главные проблемы российской диаспоры – сужение среды обитания и неясность перспектив // Комментарии. 2007. 17 октября.

⁴⁵ Итоги с Владимиром Путиным. Ч. 1. Россия на постсоветском пространстве. Проект Института национальной стратегии. – М., 2008. С. 114.

⁴⁶ Казахстан: главные проблемы российской диаспоры // Комментарии. 2007. 17 октября.

⁴⁷ Ю. Громыко. Указ. соч. С. 17.

⁴⁸ А.А. Князев. Этническая идентичность и организационные проблемы русских и русскоязычных общин в Киргизии и Центральной Азии // Русские в Киргизии. – Бишкек, 2008. С. 12–13.

⁴⁹ С.Ю. Пантелеев. Русские в России и за рубежом: один народ, разные судьбы // Русская идентичность на постсоветском пространстве. – М., 2008. С. 14.

⁵⁰ А.А. Князев. Организационные проблемы русских общин в Центральной Азии // Русская идентичность на постсоветском пространстве. – М., 2008. С. 80.

⁵¹ Х. Пилкингтон, М. Флинн. Чужие на родине(Исследование «диаспоральной идентичности» русских – вынужденных переселенцев // Диаспоры. 2001. № 2-3. – С. 11.

⁵² См.: Berry J.W. Psychology of Acculturation // Cross-cultural Perspectives / J. Berman (ed.). – Lincoln. 1990.

⁵³ Н. Лебедев. Роль культурной дистанции в формировании новых идентичностей // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. – М., 1997. С. 80.

⁵⁴ М. Рябчук. Кто самая крупная рыба в украинском пруду (Новый взгляд на отношения меньшинства и большинства) // Диаспоры. 2002. № 2. – С. 6–31.

⁵⁵ См., например: С.Ю. Пантелеев. Русские в России и за рубежом: один народ, разные судьбы? // Русская идентичность на постсоветском пространстве. – М., 2008. С. 10.

⁵⁶ М. Рябчук. Указ. соч. С. 7.

⁵⁷ М. Рябчук. Указ. соч. С. 9.

⁵⁸ Там же. С. 23.

⁵⁹ С.Г. Проваторов, В.Ф. Шестаков. Русские и «русские» Украины: о проблемах русской самоидентификации // Русская идентичность на постсоветском пространстве. – М., 2008. С. 43.

⁶⁰ Казахстан сегодня. – Астана, 2008. С. 47.

⁶¹ Брубейкер Роджерс. Диаспоры катаклизма в Центральной и Восточной Европе и их отношения с подинами // Диаспоры. 2000. № 3. См. также: Brubaker Rogers. Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1996, 2004.

⁶² О.В. Неменский. Русский мир и Русская земля: территориальный аспект русской идентичности // Русская идентичность на постсоветском пространстве. – М., 2008. С. 34.

⁶³ О.В. Неменский. Указ. соч. С. 35.

⁶⁴ В.Д. Попков. Феномен этнических диаспор. – М., 2003. С. 51.

Российская диаспора как фактор политического процесса стран СНГ

⁶⁵ И. Субботин. Демографические перспективы русской диаспоры // Диаспоры. 1999. № 2–3. С. 1.

⁶⁶ А. Алиева. Русские в Азербайджане: без проблем, но с языком. – www.newsvote.bbc.uk

⁶⁷ В. Игнатъев. Русские в солнечном Азербайджане // Соотечественники. 2009. 31 марта. – С. 2.

⁶⁸ А.С. Юнусов. Этнические и миграционные процессы в постсоветском Азербайджане // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 6. – С. 17.

⁶⁹ А. Наумова. Русская диаспора в Азербайджане. www.ruskiymir.ru

⁷⁰ А.С. Юнусов. Указ. соч. С. 18.

⁷¹ Там же.

⁷² Алиага Мамедов. Демографические процессы в Азербайджане.

⁷³ Закон Республики Армения «О языке» 17 апреля 1993 г. // www/parliament.am.

⁷⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Армянской ССР. Госкомстат Республики Армения. – Ереван, 1989. С. 99; Результаты переписи населения РА 2001 г. (показатели Республики Армения). – Ереван, 2003. С. 360.

⁷⁵ Там же. С. 360.

⁷⁶ И. Долженко. Русские в Армении // Деловой Экспресс. 2005. № 25(633). – С. 2.

⁷⁷ Н. Закариадзе. Динамика и структура численности славянского населения в Грузии // Демография. 2001. № 1(3). – С. 114–119; Основные результаты переписи населения Грузии. – Тбилиси, 2002. Т. 1. С. 114–182. Говоря о Грузии, мы имеем в виду территорию этой страны после акта признания независимости Южной Осетии И Абхазии Российской Федерацией.

⁷⁸ В. Сварчук. С надеждой на перемены // Власть. 2005. № 3. – С. 14.

⁷⁹ Сегодня. 2008. № 6. – С. 4.

- ⁸⁰ Н.Б. Иванов. Русские в Туркмении. – Мандат.Ру.
- ⁸¹ А. Фомин. Русские в Туркмении // Консерватор. 2007.10.11.
- ⁸² А. Фомин. Для русских в Туркмении потеря работы означает голодную смерть. – www.ferghana.ru.
- ⁸³ Р. Комбил. Русские в Узбекистане: не завоеватели. – www.newsvote.bbk.uk.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Защита прав и интересов соотечественников, проживающих за рубежом // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. – 2005. – № 20(272).
- ⁸⁶ В перечисленные страны мы не включаем Республику Беларусь, находящуюся в едином государственном пространстве. Перспективы его развития определяют формат субъектности россиян в этой стране.
- ⁸⁷ Новый регион – Приднестровье. 2008. 30 января. – С. 7.
- ⁸⁸ См., например: С.А. Арутюнов. Диаспора – это процесс / Этнографическое обозрение. – 2000. – № 2.
- ⁸⁹ А.И. Вдовин. Русский вопрос и русское государство на современном этапе. – С. 83.
- ⁹⁰ Северный Казахстан. – 1998. – № 7.
- ⁹¹ Аналитический отчет о социологическом исследовании «Политические взгляды населения Казахстана (март – апрель 1998 г.). Фонд «Индем» – Институт Гиллера. Алматы – Москва, 1998. – С. 40.
- ⁹² Алам-орда. 2002. № 7(134). – С. 3.
- ⁹³ В. Ертаулов. Казахстанский беспредел // Континент. 2000. № 22(490).
- ⁹⁴ Геноцид. Русские в Казахстане: трагическая судьба. – М., 2001. С. 16.
- ⁹⁵ Т. Млечко. Берег левый, берег правый. Русские в Молдавии // Российская Федерация. – 1997. – № 5. – С. 51–52.
- ⁹⁶ Марлен Ларюэль. «Русская диаспора» и «российские соотечественники». – www.polit.ru.
- ⁹⁷ Olcott M. Democratization and the growth of political participation in Kazakhstan // Conflict, cleavage and change in Central Asia and the Caucasus. Cambridge, 1997. P. 213–214/
- ⁹⁸ А. Мамараимов. Смотрите, кто пришел. Несколько слов о составе нового парламента Киргизии // Фергана. Ру. 2008. 11 января.
- ⁹⁹ Н. Айрапетова. Соседи на коммунальной кухне. Как живет русским в странах СНГ // Независимая газета. 2001. 30 сентября.
- ¹⁰⁰ Н. Приходько. В Бельцах негативно оценивают столичные реформы // Независимая газета. 2000. 15 июня.
- ¹⁰¹ Северный Казахстан. 1998. № 17.

- ¹⁰² Т. Гузенкова. Этнические проблемы в украинском обществе // Права человека. 2000. № 2(4).
- ¹⁰³ В. Терехова. Легко ли быть русским в Крыму // Права человека. 2000. № 2(4).
- ¹⁰⁴ Лад в Казахстане. Сборник документов и материалов о деятельности Республиканского славянского движения «Лад». Ч. 1. – Алма-Ата, 2003. С. 39.
- ¹⁰⁵ Люди едут: потери и обретения // Экономика и жизнь. 1997. № 14.
- ¹⁰⁶ В.В. Дубовицкий. Современная русская идентичность в России и за рубежом. – Ruskie.Org.
- ¹⁰⁷ Н. Космарская. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (Русские в Киргизии, 1992–2002). – М., 2006. С. 370.
- ¹⁰⁸ С. Градировский. Россия и постсоветские государства: искушение диаспоральной политикой // Диаспоры. 1999. № 2–3.
- ¹⁰⁹ З.М. Омарова. К вопросу об определении понятия «соотечественники за рубежом»: опыт России // Власть. 2008. 3 апреля.
- ¹¹⁰ Там же.
- ¹¹¹ М.А. Аствацатурова. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление. – Пятигорск, 2002. С. 24.
- ¹¹² Сенат Республики Казахстан. Официальный выпуск. Материал к заседанию Комиссии по национальной политике. – Астана, 2008. С. 115.
- ¹¹³ Социальные тенденции Республики Киргизии. 2007. № 2. – С. 11.
- ¹¹⁴ З.М. Омарова. Указ. соч. С. 3.
- ¹¹⁵ Марлен Ларюэль. Указ. соч.
- ¹¹⁶ Институт стран СНГ. Материалы социологического опроса представителей российской диаспоры в Казахстане и Киргизии. – М., 2000. В опросе приняты участие только трудоспособные представители российской диаспоры.
- ¹¹⁷ С. Савоскул. Русские нового зарубежья. Выбор судьбы. – М., 2001. – С. 117.
- ¹¹⁸ Россияне в Молдове. – Кишинев: Социум-Молдова, 2004. С. 47.
- ¹¹⁹ Исследование демографических процессов в Казахстане // Население Казахстана. – Астана: Фонд Сороса, 2003. С. 103.
- ¹²⁰ А. Алексеенко. Казахстанский путь модернизации: этнодемографический аспект // Вестник Евразии. – 2004. – № 1. – С. 128.
- ¹²¹ А. Жакыпов. Курултай зовет к согласию // Слово Кыргызстана. 1994. 9 декабря.

¹²² В.П. Михайлов. Мониторинг положения россиян в странах СНГ. – М., 2009. С. 34.

¹²³ А. Куртов. Куда держит путь снежный барс? Казахстанский вариант парламентаризма // Содружество НГ. – 2001. 27 июня. – С. 4.

¹²⁴ История развития парламентаризма в Казахстане // Парламент Республики Казахстан. – www.parlam.kz (2008. 17 января).

¹²⁵ Н. Мустафаев. Этнический фактор выборов // Интернет-газета Zona.kz. 2004. 13 сентября

¹²⁶ А. Мамараимов. Смотрите, кто пришел. Несколько слов о составе нового парламента Киргизии // Фергана. Ру. 2008. 11 января. – www.ferghana.ru.

¹²⁷ За все надо отвечать по совести. 20.04.2009. – www.russians.kz.

¹²⁸ 10.11.2008. – www.vesti.uz.

¹²⁹ Межнациональный климат в Казахстане. – Астана: Ассоциация социологов и политологов Казахстана, 2008. С. 67.

¹³⁰ Материалы семинара 17 марта 2009 г. Москва. Институт стран СНГ. – Текущий архив Института стран СНГ.

¹³¹ Межнациональный климат в Казахстане. – Астана: Ассоциация социологов и политологов Казахстана, 2008. С. 67.

¹³² www.bd.fom.ru. Опрос населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России. Интервью по месту жительства 18–19 марта 2006 г. 1500 респондентов. Дополнительно населения Москвы – 600 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6%.

¹³³ См., например: Е.И. Роберова. Региональные различия положения русскоязычного населения Прибалтики. Диссертация на соискание ученой степени кандидата географических наук. – М., 2005.

¹³⁴ Capotorti F. Study of the Rights of Persons belonging to Ethnic, Religious and Linguistic Minorities... // UN Doc E/CNY/Sub.2/384/Add/1–7. UN Sales N T 78 XIV.I).

¹³⁵ В.А. Тишков. Русский язык и русский мир // Выступление на международной конференции 29–30 мая 2007 г. // Российская диаспора на пространстве СНГ. Институт стран СНГ. – М., 2007. С. 37.

Государственная диаспоральная политика как фактор социально-политического поведения россиян в странах СНГ

¹³⁶ М.А. Лобанов. Российская диаспора в ближнем зарубежье как фактор продвижения национальных интересов России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М., 2008.

¹³⁷ Казахстанская правда. 1996. № 47.

¹³⁸ Из выступления директора Департамента по работе соотечественниками за рубежом МИД России на Региональной конференции российских соотечественников стран Прибалтики (Таллинн, 28.08.2007.)

¹³⁹ В помощь российскому соотечественнику за рубежом. Справочное издание. – М., 2008. С. 77.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Российская газета. 2008. 12 сентября.

¹⁴² См.: Положение о Министерстве иностранных дел Российской Федерации. Утверждено Указом Президента РФ от 14 марта 1995 г. № 271 (СЗ РФ. 1995. № 12. Ст. 1033); Положение о Министерстве общего и профессионального образования Российской Федерации Утверждено постановлением Правительства РФ от 5 апреля 1997 г. № 395. Российская газета. 1997. 24 апреля; и др.

¹⁴³ СЗ РФ. 2000. № 43. Ст. 4244.

¹⁴⁴ С этой целью на «Российскую газету» было подписано 13400 ветеранов Великой Отечественной войны и труда, проживающих в странах нового зарубежья. – Кузнечевский В., Полоскова Т. Наши русские чужими не останутся // Рос. газ. 2000. 20 окт.).

¹⁴⁵ Российская газета. 2002. 29 мая.

¹⁴⁶ Аналитическая записка по вопросам эффективности использования средств федерального бюджета, выделенных в 2004–2006 гг. на мероприятия по поддержке соотечественников, проживающих за рубежом // Текущий архив МИД РФ.

¹⁴⁷ Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой (Москва, 3 июля 1997 г.; вступил в силу 29 июля 1998 г.) // Бюл. междунар. договоров. 1997. № 7; Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности между Российской Федерацией и Республикой Армения (Москва, 29 декабря 1991 г.) // Дипломат. вестн. 1992. № 2; Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Армения (Москва, 29 августа 1997 г.; вступил в силу 5 ноября 1998 г.) // Бюл. междунар. договоров. 1999. № 2; Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве (Минск, 21 февраля 1995 г.; вступил в силу 11 августа 1995 г.) // СЗ РФ. 1996. № 12. Ст. 1040; Договор между Российской Федерацией и Республикой Грузия о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве (Тбилиси, 3 февраля 1994 г.; не вступил в силу); Договор между Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой и Казахской Советской Социалистической Республикой (Москва, 21 ноября 1990 г.; вступил в силу 17 августа 1991 г.; не публиковался); Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Казахстан (Москва, 25 мая 1992 г.; не вступил в силу) // Дипломат, вестн. 1992. № 15-16; Договор о дальнейшем углублении экономического

сотрудничества и интеграции Российской Федерации и Республики Казахстан (Москва, 28 марта 1994 г.; не вступил в силу)// Там же. 1994. № 9-10; Договор об основах межгосударственных отношений Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Республики Кыргызстан (Бишкек, 21 июля 1991 г.; не вступил в силу и не публиковался); Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Кыргызстан (Москва, 10 июня 1992 г.; не вступил в силу и не публиковался); Договор об основах межгосударственных отношений Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Латвийской Республики (Таллинн, 13 января г.; не вступил в силу) // Сов. журн. междунар. права. 1991. № 3-4; Договор об основах межгосударственных отношений между Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой и Литовской Республикой (Москва, 29 июля 1991 г.; вступил в силу 4 мая 1992 г.) // Бюл. междунар. договоров. 1994. № 1; Договор о принципах межгосударственных отношений Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Советской Социалистической Республики Молдова (Москва, 22 сентября 1990 г.; не вступил в силу и не публиковался), сегодня ему на смену пришел Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Молдова, подписанный в Москве 19 ноября 2001 г. и ратифицированный Федеральным законом от 29 апреля 2002 г. № 43 ФЗ; Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан (Москва, 25 мая 1993 г.; ратифицирован обеими сторонами)// Там же. 1993. № 8; Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Туркменистаном (Москва, 31 июля 1994 г.; вступил в силу 21 октября 1992 г.)// Там же. № 2; Договор об основах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан (Москва, 30 мая 1992 г.; вступил в силу 19 марта 1993 г.)// Там же. 1994. № 9; Декларация о развитии и углублении всестороннего сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан (Москва, 2 марта 1994 г.) // Там же. № 8; Российско-украинская декларация (Киев, 31 мая 1997 г.)// Рос. газ. 1997. 5 июня; Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной (Киев, 31 мая 1997 г.; вступил в силу 1 апреля 1999 г.) // Бюл. междунар. договоров. 1999. № 7; Договор об основах межгосударственных отношений Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Эстонской Республики (Москва, 12 января 1991 г.; вступил в силу 14 января 1992 г.) // Там же. 1994. № 1.

¹⁴⁸ В. Молодцова. Русский язык до Киева доведет // Рос. газ. 2000. 5 сент.; К. Шуров. Киевский «двойной стандарт» // Там же. 2001. 13 окт.

¹⁴⁹ Бюллетень междунар. договоров. 1997. № 10.

¹⁵⁰ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Азербайджанской Республики о культурном и на-

учном сотрудничестве (Баку, 6 июня 1995 г.; вступило в силу с даты подписания) // Там же. 1996. № 5; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о сотрудничестве в области культуры, науки и образования (Ереван, 13 ноября 1995 г.) // Дипломат. вестн. 1995. № 12; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о сотрудничестве в области высшего образования (Москва, 11 января 1993 г.; вступило в силу в день его подписания) // Бюл. междунар. договоров. 1994. № 3; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о сотрудничестве в области информации (Москва, 25 сентября 2000 г.; не вступило в силу и не публиковалось); Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения об учреждении и условиях деятельности информационно культурных центров (Москва, 29 августа 1997 г.; не вступило в силу и не публиковалось); Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области культуры, образования и науки (Минск, 21 февраля 1995 г.; вступило в силу 2 июля 1996 г.) // Там же. 1997. № 11; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Грузия о сотрудничестве в области культуры, науки и образования (Тбилиси, 3 февраля 1994 г.; вступило в силу 30 августа 1994 г.) // Там же. 1999. № 3; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Грузия о порядке и условиях приема и распространения программ российских телерадиовещательных организаций на территории Грузии (Москва, 19 марта 1996 г.; вступило в силу в день его подписания) // Там же. 1996. № 10; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о сотрудничестве в области культуры, науки и образования (Москва, 28 марта 1994 г.; вступило в силу 3 декабря 1998 г.) // Там же. № 4; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о сотрудничестве в области информации (Астана, 23 декабря 1998 г.; вступило в силу 6 июля 1999 г.) // Там же. 1999. № 12; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан об учреждении и условиях деятельности информационно культурных центров (Алма-Ата, 12 октября 1998 г.; вступило в силу 30 ноября 2000 г.) // Там же. 2001. № 6; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Молдова о культурном и научном сотрудничестве (Москва 17 августа 1994 г.) // Дипломат. вестн. 1994. № 17-18; Соглашение между Министерством общего и профессионального образования Российской Федерации и Министерством образования Республики Молдова о сотрудничестве в области дошкольного, общего, начального профессионального и педагогического образования (Москва, 8 октября 1996 г.; не вступило в силу) // Там же. 1996. № 12; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан

о порядке и условиях приема и распространения программ российских телерадиовещательных организаций на территории Республики Таджикистан (Москва, 16 апреля 1999 г.; вступило в силу со дня его подписания) // Бюл. междунар. договоров. 1999. № 9; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Туркменистана о сотрудничестве в области культуры, образования и науки (Москва, 18 мая 1995 г.; вступило в силу с даты подписания) // Там же. 1996. № 3; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Кабинетом министров Украины о сотрудничестве в области телевидения и радиовещания (Москва, 23 октября 2000 г.; вступило в силу с даты подписания) // Там же. 2001. № 1; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о сотрудничестве в области информации (Москва, 19 июня 1999 г.; вступило в силу 24 августа 1999 г.) // Там же. 2000. № 1; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Эстонской Республики о сотрудничестве в области образования (Москва, 21 октября 1994 г.; вступило в силу 20 ноября 1995 г.) // Там же. 1995. № 8.

¹⁵¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о трудовой деятельности и социальной защите граждан Российской Федерации работающих на территории Республики Армения, и граждан Республики Армения, работающих на территории Российской Федерации (Ереван, 19 июля 1994 г.; вступило в силу со дня его подписания) // Бюллетень международных договоров. 1995. № 5.

¹⁵² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Беларуси о трудовой деятельности и социальной защите граждан Российской Федерации, работающих на территории Республики Беларусь, и граждан Республики Беларусь, работающих на территории Российской Федерации (Москва, 24 сентября 1993 г.; документ не публиковался).

¹⁵³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Грузии о гарантиях прав граждан в области пенсионного обеспечения (Москва, 16 мая 1997 г.; не вступило в силу). Документ не публиковался.

¹⁵⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о социальных гарантиях граждан Российской Федерации и Республики Казахстан, проживающих и/или работающих на комплексе «Байконур» (Алма-Ата, 12 октября 1998 г.; вступило в силу 20 февраля 2001 г.) // Там же. 2001. № 6.

¹⁵⁵ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики о трудовой деятельности и социальной защите трудящихся мигрантов (Москва, 28 мая 1996 г.; вступило в силу 15 января 1998 г.) // Там же. 1999. № 2.

¹⁵⁶ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Молдова о трудовой деятельности и социальной защите граждан Российской Федерации и Республики Молдова, работающих за пределами границ своих государств (Москва, 27 мая 1993 г.; вступило в силу 14 октября 1993 г.). Документ не публиковался.

¹⁵⁷ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Украины о трудовой деятельности и социальной защите граждан России и Украины, работающих за пределами границ своих государств (Москва, 14 января 1993 г.; вступило в силу с момента подписания) // Там же. 1993. № 3; Временное соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Украины о гарантиях прав граждан, работавших в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, в области пенсионного обеспечения (Москва, 15 января 1993 г.; вступило в силу с момента его подписания) // Там же. № 7.

¹⁵⁸ Договор между Российской Федерацией и Латвийской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Рига, 3 февраля 1993 г.; вступил в силу 29 марта 1995 г.) // Там же, 1995. № 10.

¹⁵⁹ Договор между Российской Федерацией и Литовской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Вильнюс, 21 июля 1992 г. вступил в силу 22 января 1995 г.) // СЗ РФ. 1995. № 19. Ст. 1712.

¹⁶⁰ Договор между Российской Федерацией и Эстонской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Москва, 26 января 1993 г.; вступил в силу 20 марта 1995 г.) // Бюл. междунар. договоров. 1998. № 3.

¹⁶¹ Договор между Российской Федерацией и Республикой Молдова о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Москва, 25 февраля 1993 г.; вступил в силу 26 января 1995 г.) // Там же. 1995. № 7.

¹⁶² Договор между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Москва, 22 декабря 1992 г.; вступил в силу 20 января 1995 г.) // СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1598.

¹⁶³ Договор между Российской Федерацией и Республикой Кыргызстан о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Бишкек, 14 сентября 1992 г.; вступил в силу 25 февраля 1994 г.) // Бюл. междунар. договоров. 1995. № 2.

¹⁶⁴ Договор между Российской Федерацией и Республикой Грузия о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Тбилиси, 15 сентября 1995 г; не вступил в силу) // Рос. газ. (Вед. прилож.). 1996. 26 мая.

¹⁶⁵ Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию

соотечественников, проживающих за рубежом, в Центрально-Азиатском регионе (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан). – По заказу МИД России. Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). – М., 2008. – 270 с.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Там же. С. 50.

¹⁶⁸ Там же. С. 51.

¹⁶⁹ Там же. С. 125, 172, 216.

¹⁷⁰ Текущий архив Института стран СНГ. 2006, 2007, 2008, 2009 гг.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ 23 апреля 2009 г. при Российской государственной библиотеке состоялась конференция, посвященная координации деятельности национальных государственных библиотек стран СНГ.

Глава II. Имманентность политического процесса стран СНГ интеграции с российской диаспорой

Объективные условия инкорпорации россиян в постсоветское политическое пространство

¹⁷⁴ Кыргызстан: Слово Кыргызстана – www.sk.kg. Общенациональная газета; МК WORLD WeekLy – Кыргызстан. Общественно-политическая газета – www.mk.kg; Мегаполис. Политика, бизнес, экономика; Деловой Кыргызстан. – www.ajrkgorg/publ/2; «Агым». Газета политической оппозиции – kg.cafspeech.kz/site; VArchive. Газета журналистов Кыргызстана. – www.uzngo.info; Общественный рейтинг. Общественно-политическая газета. – www.analitika.org; Дело №. Общественно-правовая еженедельная газета. – delo.ktnet; Супер-инфо. Информационный еженедельник. – www.zykg/community; Новый Кыргызстан. Общественно-политическая газета. – www.fofkg/gold.php; Караван. <http://www.caqa.van.kz>. – Еженедельное освещение общественно-политической и экономической жизни страны. Новости, аналитические материалы; Казахстанская правда. – <http://www.kazpravda.kz>. – Ежедневная общественно-политическая газета. Официальные документы правительства и парламента Республики. Новости экономики, культуры, социальной сферы; Газета «Экспресс К». – <http://www.express-k.kz>. – Ежедневная общественно-политическая газета; Общественно-политическая газета «Время». – <http://www.tima.kz>; Панорама. – <http://www.panorama.kz>. – Еженедельные аналитические обзоры политики, экономики, бизнеса и международных отношений; Деловая Неделя. – <http://www.dn.kz>. – Новости и комментарии политических, экономических, общественных и культурных событий в Казахстане и в мире; XXI Век. – <http://www.21century>.

Кз. Еженедельная общественно-политическая газета Казахстана. Политика, экономика; Время по Гринвичу. – <http://www.globe.kz>. – Новости бизнеса, финансов, политики, экономики, культуры; Газета БАК. – <http://bak-aktobe.nm.ru>. – Общественно-политическая газета Казахстана; The Almaty Herald Daily On-line. – <http://www.ahdaily.kz>. – Ежедневные новости экономики, финансов, компаний стран Средней и Центральной Азии; Панорама Шымкента. – <http://shymkent.post.kz/panorama>. – Еженедельный обзор городских и областных новостей политики, экономики и культуры; Информ-Вест, г. Петропавловск. – <http://informvest.petr.kz>. – Новости региона, спорт, криминал; 451 градус по Фаренгейту. – <http://www.f451.kz>. – Общественно-политическая еженедельная газета; LadaTV, г. Актау. – <http://www.Lada-tv.da.ru> Городские новости, интервью; Сегодня. – <http://today1.viaduk.net>. – Ежедневная общественно-политическая газета; «Факты и комментарии». – <http://www.facts.kiev.u>. – Ежедневная всеукраинская газета; Зеркало недели, Киев. – <http://www.mirror.kiev.ua/paper/index.htm>. – Политика, экономика, право, бизнес, спорт; Киевские новости. – <http://www.elvisti.kiev.ua/kn>. – Обзоры политических, экономических, общественных событий на Украине и в мире; День. – <http://www.day.kiev.ua>. Ежедневная общественно-политическая газета; Киев Пост. – <http://www.thepost.kiev.ua/>. – Политика, бизнес, экономика, финансы; «КАФА». – <http://kafanews.kafa.crimea.ua>. – Новости, события, происшествия, интервью, обзоры, советы, объявления; Данкор, Сумы. – <http://www.dancor.sumy.ua>. – Общественно-политическое и рекламно-информационное издание; Город, Донецк. – <http://www.rcs.donbass.com/gorod>. – Городские новости; Харьковский Курьер. – <http://www.kurier.kharkov.ua>. – Новости общественной жизни города; Информацийний бюллетень. – <http://infb.Sm.com>. – Кременчугский городской общественно-политический еженедельник; Азовские НОВОСТИ (газета региональных новостей Приазовья) Мариуполь. – <http://azovnews.azov.net>. – Новости и комментарии событий в Мариуполе, Приазовье, Украине, СНГ; Звягель-информ, Новоград-Волынская газета. – <http://www.zt.ua/zvuage>. – Городские новости, интервью; Ваш Шанс. – <http://shans.com.ua>. Сумская областная общественно-деловая газета.

¹⁷⁵ «Перспективы выборов в Киргизии и Казахстане в контексте формирования стратегии Московского Правительства в международном взаимодействии с постсоветскими государствами Центральной Азии» (по договору № 19-1/5-1.4-4 от 18 апреля 2008 года Департамента внешнеэкономических и международных связей г. Москвы и Институтом диаспоры и интеграции). – М., 2008. С. 8. Документ не опубликован. Текущий архив Института стран СНГ, 2008. (Далее – исследование Киргизия).

¹⁷⁶ «Социально-политическая ситуация в Казахстане» (по договору М 19-1/5-1.4-4 от 18 апреля 2008 года и Институтом диаспоры и интеграции). – М., 2008. С. 67. Документ не опубликован. Текущий архив Института стран СНГ 2008 года. (Далее – исследование Казахстан).

¹⁷⁷ «Вариативность политических настроений населения Украины в выборной компании муниципальных органов власти и перспективы международной деятельности Правительства Москвы в российско-украинском сотрудничестве. (по договору № 19-1/5-1.4-3 от 18 апреля 2008 года Департамента внешнеэкономических и международных связей г. Москвы и Институтом диаспор и интеграции). – М., 2008. С. 8. Документ не опубликован. Текущий архив Института стран СНГ. 2008 год. (Далее – исследование Украина).

¹⁷⁸ Исследование. Киргизия. С. 9.

¹⁷⁹ Исследование. Казахстан. С. 7.

¹⁸⁰ Исследование. Киргизия. С. 15.

¹⁸¹ Исследование. Киргизия. С. 16.

¹⁸² Исследование. Киргизия. С. 17.

¹⁸³ Исследование. Киргизия. С. 18.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Исследование. Казахстан. С. 12.

¹⁸⁷ Там же. С. 13.

¹⁸⁸ Там же. С. 14.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Исследование. Украина. С. 15.

¹⁹¹ Исследование. Украина. С. 16.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Исследование. Украина. С. 17.

¹⁹⁴ Российская диаспора на пространстве СНГ. – Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). – М., 2007. С. 380.

¹⁹⁵ Исследование. Киргизия. С. 13.

¹⁹⁶ Исследование. Казахстан. С. 10–11.

¹⁹⁷ Исследование. Украина. С. 12.

¹⁹⁸ Исследование. Киргизия. С. 13–14.

¹⁹⁹ Исследование. Киргизия. С. 14.

²⁰⁰ Исследование. Казахстан. С. 11.

²⁰¹ Исследование. Казахстан. С. 12.

Субъективная обусловленность интеграции российской диаспоры в политический процесс ближнего зарубежья

²⁰² Интерфакс. – М., 2006. – 4 мая.

²⁰³ Росбалт. – СПб., 2006. – 14 июня.

²⁰⁴ РИА «Новости». – М., 2006. – 7 февраля.

- ²⁰⁵ Исследование. Киргизия. С. 11.
- ²⁰⁶ Там же. С. 12.
- ²⁰⁷ Там же.
- ²⁰⁸ И.С. Савин. Реализация и результаты культурно-языковой и образовательной политики в Казахстане в 1990 годы // Этнографическое обозрение. 2001. № 6.
- ²⁰⁹ Время. 2006. № 21.
- ²¹⁰ Казахстанская правда. 2007. № 15.
- ²¹¹ Положение языков в Казахстане. Доклад комиссии. – Астана, 2007. С. 21.
- ²¹² Образование в Республике Казахстан. Агентство РК по статистике. – Алматы, 2006. С. 114.
- ²¹³ Там же. С. 206.
- ²¹⁴ Там же. С. 169.
- ²¹⁵ Каталог «Газеты и журналы». АО «Казпочта». 2008.
- ²¹⁶ Исследование. Казахстан. С. 9.
- ²¹⁷ Исследование. Казахстан. С. 10.
- ²¹⁸ Русский язык в Украине. – Киев, 2007. С. 119.
- ²¹⁹ Л.А. Кудрявцева. Русский мир Украины и его образовательное пространство // Конференция «Русский язык как средство консолидации российской диаспоры на Украина». Апрель. 2009. Москва.
- ²²⁰ Л.А. Кудрявцева. Конференция. Апрель. 2009.
- ²²¹ Новый регион. 16.04.2009.
- ²²² Доклад Киевского филиала Института стран СНГ «Положение русского языка на Украине». Киев. 2009 г. С. 19. // Текущий архив Института стран СНГ. 2009.
- ²²³ Современник. 2009. № 17.
- ²²⁴ Исследование. Украина. С. 9.
- ²²⁵ Исследование. Украина. С. 11.
- ²²⁶ И.П. Коцюбинский. Российско-казахстанское приграничное сотрудничество. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2008. С. 78.
- ²²⁷ Исследование. Украина. С. 13.
- ²²⁸ Исследование. Украина. С. 14.
- ²²⁹ Текущий архив Института стран СНГ. 2009 г.
- ²³⁰ Э. Попов. Охота на ведьм по-украински // 10.04.2009, <http://www.stoletie.ru/politika>.

Глава III. Российская диаспора в политическом пространстве стран СНГ

Россияне и новые постсоветские социальные общности независимых государств

²³¹ Российская диаспора в странах СНГ и Балтии: состояние и перспективы. – М., 2004. Приложение 8. Таб. 11, 12, 13. С. 318.

²³² Российская диаспора на пространстве СНГ. – М., 2007. С. 357.

²³³ Текущий архив Института стран СНГ. 2009.

²³⁴ «–», «+» означают в положительную или отрицательную сторону отклоняются показатели).

²³⁵ Казахстанская правда. 1987. № 19.

²³⁶ Текущий архив Института стран СНГШ. 2009.

²³⁷ На I Конгрессе киргизов, проживающих в России, состоявшемся 12 декабря в Москве, посол Киргизии в России Апас Джумагулов привел цифры, характеризующие значение для экономики его страны средств, получаемых гастарбайтерами в России. В 2005 г. они перевели на родину около 400 млн. долл., а за первые девять месяцев 2006 г. – уже 750 млн. долл. Джумагулов призывал работающих в России соотечественников «не вступать здесь в конфликты, быть толерантными и терпимыми, уважать обычаи и традиции российского народа». – АПН. 13.12.2006.

²³⁸ Российская диаспора в странах СНГ: состояние и перспективы. – Приложение 8. Табл. 8. Расчеты выполнены автором; Российская диаспора на пространстве СНГ; Текущий архив Института стран СНГ. 2009.

²³⁹ Российская диаспора в странах СНГ. Прил. 8. Таб. 14; Российская диаспора на пространстве СНГ. – С. 373№; Текущий архив Института стран СНГ. 2009.

²⁴⁰ Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, в Центральноазиатском регионе (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан). – По заказу МИД России. Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). – М., 2008. С. 143.

²⁴¹ Российская диаспора в странах СНГ и Балтии. – С. 322; Российская диаспора на пространстве СНГ. – С. 351; Текущий архив Института стран СНГ. 2009.

²⁴² Российская диаспора в странах СНГ и Балтии. – С. 324; Российская диаспора на пространстве СНГ. – С. 167; Текущий архив Института стран СНГ. 2009.

²⁴³ Российская диаспора в странах СНГ. – С. 327.

²⁴⁴ Российская диаспора на пространстве СНГ– С. 376.

Участие российской диаспоры в политическом процессе стран СНГ

²⁴⁵ Российская диаспора на пространстве СНГ. – С. 173; Текущий архив Института стран СНГ. 2009.

²⁴⁶ Российская диаспора на пространстве СНГ. – С. 214; Текущий архив Института стран СНГ. 2009.

²⁴⁷ Российская диаспора в странах СНГ. – С. 329–330; Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, в Центральноазиатском регионе (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан). – По заказу МИД России. Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). – М., 2008. С. 60, 128; Текущий архив Института стран СНГ. 2004.

Консолидация российской диаспоры как фактор интеграции в политический процесс стран СНГ

²⁴⁸ Текущий архив Института стран СНГ. 2009.

²⁴⁹ На конференции в Москве в 2008 г., посвященной 10-летию Большого договора с Украиной, из 20 украинских делегатов 17 начинали свою речь с указания на доминирующее значение российской политики в консолидации русских в этой стране.

²⁵⁰ Текущий архив Института стран СНГ. 2007, 2009 гг.

²⁵¹ Российская диаспора в странах СНГ и Балтии. – С. 328; Российская диаспора на пространстве СНГ. – С. 368; Текущий архив Института стран СНГ. 2009.

²⁵² Текущий архив Института стран СНГ. 2009.

²⁵³ Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова // Российская газета. 2008. 30 октября.

²⁵⁴ А.В. Докучаева. Правительственная комиссия подвела итоги // Официальный сайт Института стран СНГ.

²⁵⁵ Интервью статс-секретаря – заместителя Министра иностранных дел РФ Г.Б. Карасина // Русский век. 2009. № 5(19). – С. 5.

²⁵⁶ В помощь российскому соотечественнику за рубежом. Справочное издание. – Мю., 2008. С. 577.

²⁵⁷ Текущий архив Института стран СНГ. Отдел диаспоры. 2007.

²⁵⁸ Российская диаспора: состояние и перспективы. – М., 2006. С. 2007.

²⁵⁹ К.А. Фролов. Консолидация российской диаспоры Украины // Мониторинг российских соотечественников в странах СНГ. – М., 2008. С. 116.

²⁶⁰ Текущий архив Института стран СНГ. 2009.

²⁶¹ Российская диаспора в странах СНГ и Балтии. – С. 324; Российская диаспора на пространстве СНГ. – С. 381. Расчеты выполнены автором. В таблицу не вошли те респондент, которые от ответа отказались.

²⁶² Российская диаспора в странах СНГ и Балтии. – С. 323; Российская диаспора на пространстве СНГ. – С. 357. Расчеты выполнены автором; Текущий архив института стран СНГ. 2009.

Интеграция российской диаспоры в политический процесс стран СНГ

Компьютерная верстка

Т. Каракозова

Институт диаспоры и интеграции

(Институт стран СНГ)

119180, Москва, ул.Б.Полянка, д.7/10, стр.3

(Старомонетный пер., 10)

Подписано в печать 30.11.2010. Уч. п.л. 12,5

Формат 60x⁹⁰/₁₆

Печать офсетная. Бумага офсетная

Тираж 300 экз.

Заказ №

Отпечатано в «ИПК «Знак», г. Москва

